

Когда в десятый раз проходишь один и тот же порог на реке, пусть даже порог серьёзный и опасный, чувство страха исчезает, и сплав становится игрой. К началу Мажойских ралли наша компания достигла того высшего просветления, когда вещи раскрывают свою тайную сущность и вдруг становится ясно, что Ралли это не гонка на выживание, а детская игра в войнушку...

Символы государственной власти с давних пор имели и имеют особое значение. Это — государственные гербы, флаги, знаки отличия, гимны, призванные скреплять данную страну, популяризировать ее. После Февральской революции, Временным правительством в государственную символику были внесены существенные изменения.

...Больше всего ЭТО напоминало насекомое. Бугристое тело, закованное, как в латы, в угловатую костистую броню, скользкое твердое брюшко, склеенное из округлых долек, свернулось полукольцом. Короткая, толстая, как проволока, щетина блестела сизым металлом. Обрубок кольчатой шеи венчала маленькая голова — свернутый на сторону

клыкастый череп. Страшные, похожие на старые изогнутые гвозди, клыки заходили друг за друга — внахлест...

Хочешь двигаться — ищи попутчика!

УРАЛЬСКИЙ № 4 (586), 2006
следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

апрель:

**ПОЛЕ
БИТВЫ —
РЕКА**

**ПЕРВЫЕ
СЫСКАРИ
НА УРАЛЕ**

**ФАНТАСТИКА
СТРАШНАЯ И ВЕСЕЛАЯ**

**ОРИЕНТИРУЙСЯ
НА «СЛЕДОПЫТ»!**

Тимьян ползучий низкий (4) — вечнозеленый полукустарничек до 10–15 см высотой, с древеснеющим стеблем, от которого отходят тонкие веточки. Лекарственным сырьем является трава, собираемая во время цветения. Тимьян содержит эфирное масло, дубильные и горькие вещества, смолы, пигмент. Применяют в медицине в виде отваров и экстрактов при коклюше, как отхаркивающее, болеутоляющее и успокаивающее средство — при кашле.

Сосна обыкновенная — дерево до 25–30 м высотой, с прямым стволом, красноватой корой. Лекарственным сырьем являются сосновые почки. Собирают почки ранней весной. Они содержат эфирное масло, дубильные вещества, горькое вещество (пинициктрин), фитонциды, минеральные соли, витамин С и скипидар. Применяют сосновые почки в медицине в виде отвара, настоя и настойки для ингаляций, как отхаркивающее, дезинфицирующее средство при заболеваниях верхних дыхательных путей.

Душица обыкновенная (5) — многолетнее травянистое растение высотой 35–80 см, с сильным ароматным запахом. Растет в сухих местах, на полянах, опушках, среди кустарников, на склонах холмов. Лекарственным сырьем являются верхушки цветущих растений, собранные во время цветения. Трава содержит эфирное масло, тимол, бициклические сесквитерпены, свободные спирты, геранилацетат и дубильные вещества. Из травы применяется отвар как отхаркивающее средство.

Существуют и другие лекарственные растения, произрастающие в нашей местности, но перечисленная группа является более полной, применяемой при заболеваниях органов дыхания.

Главный редактор — Максим Фирсов
Редакторы разделов — Юний Горбунов,
 Елена Минакова,
 Андрей Беспутин

Худ. редактор, верстка — Юлия Ульянова

Художник — Ирина Овсянникова

Набор — Валентина Кадочникова

Корректор — Татьяна Сергеенко

Интернет-версия — Андрей Ключников

Учредитель — общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»

Издатель — ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет —

Владислав Крапивин,
 Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий,
 Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев,
 Юрий Казарин,
 Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет —

Евгений Виноградский,
 м.с.м.к., «Снежный Барс»
 Евгений Савенко,
 чл. Союза фотохудожников России
 Семен Спектор,
 заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
 при финансовой поддержке

**Федерального агентства по печати
 и массовым коммуникациям**
 при поддержке

**Министерства физкультуры, спорта
 и туризма Свердловской области**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции:
 (343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: info@uralstalker.ru
www: uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 4, 2006
 Издаётся с 1935 г.,
 возобновлен в 1958 г.

**Регистрационное свидетельство № 441,
 выдано 13.12.90 г. Министерством печати
 и массовой информации РСФСР**

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
 обладает исключительным правом
 на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12
 пт, по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице.
 Каждая страница рукописи должна быть подписана
 автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе; ука-
 зывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректорскую и редакторскую правки.
 В первую очередь рассматриваются рукописи, допол-
 ненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
 обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. (343) 257-10-74.

Подписано к печати 04.04.2006 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,56.

Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

ООО ПТЦ «ЯСА»

г. Краснотурьинск, ул. Чкалова, 4

Заказ № 1933

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

апрель 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Краеведческая копилка

В. ТРУСОВ

Первые столбы
 на границе Европы и Азии 2

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Писательницы России..... 3

А. ШАЛАМОВ

Из истории уголовного сыска..... 40

И. ПЛОТНИКОВ

Маэстро с прииска «Глубокое» 59

В мире прекрасного

О. ОСЕНЕВА

Забывшие инструменты..... 2 0

Портреты

М. НЕМЧЕНКО

«Горка крута, да миновать нельзя...».
 Повествование о судьбе Бажова 25

Е. МИНАКОВА

Краски и хлеб Михаила Полкова 56

Поиски и находки

Ю. КЛЮШНИКОВ

Туринский след генералиссимуса 37

Занимательная нумизматика

В. ПУРОНЕН

Приключения бумажных денег..... 43

Краеведческая копилка

А. ТРОФИМОВ

Дела и дни Быковской школы..... 78

АЭЛИТА

Фантастика

Л. ПРОЗОРОВ

Паранормальные способности 1 0

О. РАИН

Новичок 6 6

Т. НИКОЛАЙЦЕВ

Свидетели Апокалипсиса 8 0

Проекты «Уральского следопыта»

А. ПАТОКИН

Приглашение к рисованию..... 1 5

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Экспедиция

С. ПОГОРЕЛОВ

В холодной северной ночи 4

Советы специалиста

В. ПЕТРОВ

Оригинальная методика
 использования GPS-навигатора 8

Г. ЧЕУРИН

Опасности весеннего льда
 и восстановления после стресса 76

В объективе — Урал

В. БАЙДУКОВ

Денежный Камень..... 1 8

Человек в экстремале

Ю. ШИШКИН

«Зоопарк» на прогулке 4 8

Путешествие

Н. ВАСИНА

Адуйский экстрим 6 2

Здание дежурного на станциях
Европейская и Азиатская

Владимир ТРУСОВ,
фото Игоря МОРОЗОВА

Первые столбы на границе Европы и Азии

Первый столб «Европа—Азия» на уральской земле установлен на Московско-Сибирском тракте по договору Василием Михайловичем Трапезниковым к 14 сентября 1846 года. Он построен на горе Березовой возле деревни Талица (сейчас пригород Первоуральска). Автор проекта — архитектор Карл Густавович Турский. На пограничном обелиске была высечена надпись: «Память посещения этого места Их Императорскими Высочествами Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Александром Николаевичем в 1837 году, и Герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1845 году».

Вторым установлен знак «Европа—Азия» в виде башенки на старом Серебрянском тракте между деревнями Верхняя Баранча и Кедровка. На одной из сторон башни литые слова: «В память переезда через Урал Его Императорского Величества Государя Великого Князя Владимира Александровича 3 августа 1868 года». На противоположной стороне — «От золотопромышленников Северного Урала», а внизу имена создателей этого уникального чугунного сооружения: мастер Н. Романов и архитектор В. Архипов. На одной из внутренних сторон есть надпись о том, что памятник отлит на Баранчинском заводе скульптором Козловым. И до сего времени этот знак на границе Европы и Азии является самым красивым.

Интересный факт приводит Д.Н. Мамин-Сибиряк в путевых заметках «От Урала до Москвы»,

впервые опубликованных в 1881—1882 гг. в газете «Русские ведомости»: «16 сентября 1878 г. был убит караульный при памятнике, поставленном на водоразделе Урала, близ деревни Кедровки: целью этого убийства было желание воспользоваться теми золотыми и серебряными монетами, которые были заложены под фундаментом памятника».

С этого времени бытует легенда о лихих людях, которые не раз подкапывались под памятник на границе Европы и Азии на Серебрянском тракте в надежде добыть якобы заложенные в основании золотые и серебряные монеты.

Третий и четвертый (одинаковые) евроазиатские столбы установлены в 1878 году на 276 км по обе стороны железной дороги Екатеринбург—Нижний Тагил—Кушва—Пермь между станциями Европейская и Хребет Уральский.

По моей просьбе нижегородец Игорь Викторович Морозов, будучи летом 2004 года на Урале, сделал фотографии для журнала «Уральский следопыт». В письме он сообщил следующую информацию: «Путешествие из Азии в Европу и обратно было таково: я приехал на электричке со ст. Азиатская на ст. Хребет Уральский, затем добрался пешком до ст. Европейской, оттуда вернулся на электропоезде на ст. Азиатскую. Чтобы сделать снимок старого столба «Европа—Азия», пришлось отправиться в поход между станциями Хребет Уральский и Европейская (примерно 15 км). Шел 2,5 часа. Попутно насобирав в лесу грибов.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
РОССИИ(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БАСТАНОВА Елизавета Николаевна (1824 —), авт. воспоминаний.

Воспоминания о Гоголе («Ист. вестн.», 1904); «Из восп. Елиз. Ник. Бастановой» — в кн.: Сб. Тверского общества люб. истории, археол. и естествозн. Вып. 1. Тверь, 1903, с. 248-251.

Венгеров, Список; ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 3153.

БАТАЛИНА Мария Андреевна (1897 – 1987), авт. научных работ.

«К познанию истории развития Черного моря» 1929 (отг. из Изв. АН СССР, отд. Физико-матем. наук) — в соавт с А.Д. Архангельским; «...Нижне-каменноугольные ostracoda с р. Кальмиус (Донецкого бассейна)» Л., 1933; «Фауна главного девонского поля» М.-Л., 1941.

РНБ.

БАТАЛИНА Н.И.

Авт. брош. «Клятва Вещего Олега. 906-1906» (СПб., 1910).

Венгеров. Источ.; РНБ.

БАТУРИНА Нина Александровна (1892 –), дет. писательница.

Авт. кн. для детей, изданных в Симферополе: «Лелека: рассказы для мл. шк. возр.» (1960); «Крымские чудеса: Очерки, рассказы, стихи» (1960); «Дни моей юности: Автобиогр. пов.» (1963); «О том, как мы живем: Рассказы» (1961); «Подарок дедушки Прибоя: Рассказы» (1959); «Ручейки: Стихи, рассказы, сказки, загадки» (1970). О ней: Писатели Крыма - детям. Симферополь, 1962.

Мацуев; РНБ.

БАТЬ Лидия Григорьевна (1900 – 1980), писательница, критик, переводчица.

Род. с Одессы в учительск. семье. Работала в детских домах, рук. лит. кружками. Авт. цикла ист.-биогр. повестей о Ф. Нансене и Т. Шевченко (обе совм. с А.И. Дейчем), об А. Навои — «Сад жизни» (1948), о М.С. Щепкине — «Спасибо за правду» (1961), о П. Стрететовой — «Айбек» (1966, совм. с М. Кошчановым), об А.С. Новикове-Прибое — «Море бушует» (1967). Оpubл. кн. мемуаров «Незабываемые встречи» (1970).

КЛЭ; Дет. писатели.

БАТЮШКОВА Елена Николаевна, авт. воспоминаний.

Племянница и приемная дочь филолога, ред. журн. «Мир Божий» Ф.Д. Батюшкова. «О Федоре Дмитриевиче Батюшкове» — в кн.: К.Н. Батюшков, Ф.Д. Батюшков. А.И. Куприн: Материалы Всерос. науч. конф. в Устюжне о жизни и творч. Батюшковых и А. Куприна (28-29 сент. 1966 г.). Вологда, 1968. С. 109-124 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5972.

(Продолжение на стр. 39)

Третий в истории обелиск «Европа—Азия» между станциями Европейская и Хребет Уральский

Удивительно красивая природа. Второй столб находится по другую сторону дороги в чащобе, которая трудно проходима. Да и солнце светило прямо в объектив фотоаппарата и снимок бы не получился. На Азиатской здание станции снесено полностью, поэтому сделал фото только помещения дежурного по железной дороге.

На ст. Хребет Уральский новый знак на границе Европы и Азии установлен в 1998 году к 120-летию Свердловской железной дороги».

Новый обелиск «Европа—Азия» на станции Хребет Уральский

Сергей ПОГОРЕЛОВ

В ХОЛОДНОЙ СЕВЕРНОЙ НОЧИ

Новеллы из провинциального кинематографа

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

По сценарию необходимо было снять ещё «медвежьих пляски». Для этого надо было, чтобы какой-нибудь лихой мансийский охотник случайно наткнулся на медвежью берлогу и одолел в схватке грозного соперника. Де-пеша о немедленном сообщении в Березово факта обнаружения берлоги были разосланы давно. Особо подчеркивалось: не вскрывать берлогу до появления съемочной группы. Но кто же так просто об этом сообщит? Манси вовсе не глуп. Многолетняя борьба советской власти с языческой культурой сделала свое дело: многое из богатой жизни северных народов покрылось мраком и глубокой тайной.

Юван Шесталов окончательно покинул нас. Государственный муж и поэт, получив дозу родной экзотики, рвался к письменному столу. Меж собой шутили — замаливать грех. Мы остались без поддержки. Одна надежда на хитрого и умного Шешкина. Талантливый самородок, ставший другом съемочной группы, и на сей раз выручил нас. От него пришла весть: в Казыме (севернее Березово) должен состояться ритуал по убиенным медведям. Какой-то охотник-манси случайно (?) провалился в берлогу, где зимовала медвежья пара с тремя детёнышами. Охотник отделался несколькими царапинами. По этому поводу должен состояться праздник победы.

Казым. Неуютный населенный пункт без явно выраженной планировки, без архитектурных излишеств, весь в снегу. Сплошное черно-белое кино. Людей

не видно. Встречали нас одни казымские собаки. Они же проводили до конторы оленеводческого совхоза. Тишина. Контора закрыта. Растерянно топчемся на крылечке общественного присутствия.

Неожиданно появилась человеческая фигура, решительно двигавшаяся в нашу сторону. Какая неожиданность: представитель власти — участковый милиционер, младший лейтенант Петя. Встретить нас он опоздал. Оформлял распоясавшегося пьяницу в вытрезвитель (туалет во дворе милицейской хибары). Без лишних церемоний Петя-лейтенант повел нас в гостевой дом. По пути брякнул кулаком в ворота избы и начальственно приказал кому-то запрягать лошадь и ехать за нашими вещами. «Мой должник, — прокомментировал он. — Сослал бы годика на два, да некуда. Все равно обратно пришлю».

Гостевой дом был такой же

мрачной избой, как все избы поселка. Одна большая комната с печкой и холодные сени. Петины должники протопили избу, выскоблили пол и затащили еще одну кровать; их стало три. Нас, между прочим, прилетело семеро. В центре комнаты красовался большой грубый стол, накрытый клеенкой, когда-то красивой и цветной, а теперь просто серой.

Выяснилось, почему закрыта совхозная контора. Директор улетел на совещание в Ханты-Мансийск, а сегодня очередной праздник — Новый год по старому стилю. По этому поводу в деревне с утра все гуляют.

Узнав, о каких киносъемках идет речь, участковый милиционер очень удивился. «Какие медведи? Какие пляски? Что за пережитки прошлого? Кто донес?» Мы успокоили его, сказав, что у нас есть бумага из Верховного Совета СССР от самого Ювана Шесталова. Упоминание о Верховном Совете заставило младшего лейтенанта чуть ли не встать по стойке смирно. Шешкина он обозвал «дурманом народа» и «горбуном». Это настораживало. Тем не менее, лицо Пети светилось улыбкой. Он напросился провести праздничный вечер с нами. Мы не отказали, поняв, как ему скучно отбывать здесь трехгодичную ссылку по распределению. Наверно, не очень хорошо учился, раз попал блюсти закон в приполярный участок, по территории равный средней европейской стране. Общение с местной интеллигенцией ему до чертиков надоело. Бухгалтер, учитель, врач... Мы, гости с Большой земли, снимаем кино, и для

Окончание. Начало в № 2, 3, 2006.

него это уже праздник, а нам он, как охранная грамота на случай непредвиденных ситуаций.

Петя убежал по своим делам, обещав вернуться с подарками. Уже в дверях поинтересовался, не можем ли мы прочесть лекцию о вреде пьянства. Мы хором ответили: «Можем, но некогда».

Нина Николаевна не была бы директором картины, если бы не нашла в полупьяном царстве избу, где жил охотник, убивший медведей. Во дворе стоял чум, полный спящего народа. В дом нас не пустили. Представителей власти с нами нет, а играть роль державных культработников в похмельном состоянии не хотелось.

Только на третий день мы смогли войти в контакт с семьей охотника. Вся деревня, кроме Пети, знала: медвежий праздник будет здесь. Петя оказался без комплексов: «Хрен с ними, пусть пляшут, лишь бы неприятностей потом не было». Счастливчик-охотник и вся его родня, поняв, что им ничего не грозит, согласились на проведение всего праздника в присутствии съемочной группы.

Во дворе лежали замороженные медведи: мама-медведица и три медвежонка. Сам папа-медведь красовался, как изваяние Будды, в углу избы и постепенно оттаивал. Перед ним стоял столик с подарками: конфеты, выпечка, лесные и болотные ягоды, нарезанная кусочками рыба, бутылка и стакан с водкой. Мощные лапы, длинные острые когти, большая голова, остервенелый оскал зубов вызывали страх и уважение. Я дотронулся до него, и меня пронзило ледящим током. Конечно, заплачешь, если останешься жив. Мы внимательно пригляделись к щуплому, невысокому охотнику.

Светотехник Гена, гордый своей профессией, лихо протянул кабеля (сам залез на столб) и пристроил внутри избы неуклюжие осветительные приборы — «перекалки». Звукаря Борю пришлось посадить в холодных

сенках. Мы готовы. Можно начинать.

Шагу сделать невозможно, чтобы на кого-нибудь не наступить. Гости сидели на полу за низенькими столиками, ели и пили то же, что было поднесено медведю. Присутствующие подходили к поверженному хозяину тайги, что-то шептали ему на ухо, отпивали из его стакана и тут же доливали отпитое. Праздник начался.

Оператор взмахнул рукой, Гена радостно включил свои приборы. Яркий свет ослепил неподготовленный к нашим фокусам народ. Звуковая волна испуганных воплей чуть не вышибла заледеневшие от испарений стекла маленьких окон. Свет тут же вырубил. Стало темно, как в пещере. Кажется, мы потрясли публику пышностью постановки, только вместо восторженных рукоплесканий услышали ругань.

Отечественная киноплёнка с ее невысокой чувствительностью требовала много света, что создавало трудности при съемках, особенно в документальном кино. Режиссер и ассистентка успокаивали взбудораженных людей: так надо для искусства. Гена уже выворачивал лампы, направляя световой поток на потолок и стены. Включали прибо-

ры не спеша, поочередно. Скоро гости успокоились, праздник продолжился и про нас вообще забыли.

Охотники накидывали на себя старую облезлую шкуру медведя, изображая злого зверя, кто-то играл роль охотника с ружьем. Незамысловатыми, но характерными движениями воссоздавалась картина жестокой борьбы хитрого человека и разъяренного зверя, где побеждал человек, а поверженный медведь, рыча и хрипя, испускал дух. Толпа свидетелей пританцовывала вокруг, повторяя движения охотника, и пела песню, смысл которой сводился к следующему: манси боится медведя, манси любит медведя и не хочет его убивать, медведя убило ружье, которое сделал русский. Получается, манси как бы не виновен в его смерти. Вот и все.

Оператор не спешил. Было трудно вертеться с камерой среди разгоряченных тел. Потлился с него градом. Режиссер внимательно следил за происходящим, подсказывал детали, ускользавшие от Гериных глаз, и беспокоился за звукооператора, который ничего не видел и которому помогал Гена, работая с микрофоном на удочке. Я едва успевал перезаряжать кассеты и

фотографировать. Нина Николаевна иногда жужжала нам в ухо: « Мальчики, лимит» (пленка расходовалась в приличном количестве). Народ беззастенчиво «тянул жилы» из нашей директрисы. Складывалось впечатление, только ради огненной воды нас допустили к празднику. Мы, русские, придумали водку, вот и должны за это отвечать... Ассистентка Людочка бегала в магазин.

К позднему вечеру медведь оттаял и грузно осел. Теперь он походил на спящего в углу «поверженного» охотника. Таких «охотников» к концу съемок было уже много. Разговаривать не с кем.

Следующий день — бездарный. Съемок не было. Аборигены прыгали и пели в избе и не хотели продолжить действо на улице. «Не время. Вот придет Главный, будет праздник во дворе». Понятно, ждут шамана. Для нас роскошь задерживаться здесь, теряя производственные и съемочные дни. И ведь ни на кого не надавишь, чтобы ускорить медвежий ритуал. Ни милиция, ни начальство не по-

могут. Стали думать, как связаться с Шешкиным. Неожиданно он сам явился. Оказывается, его и ждали. Он понял наши проблемы. «Завтра будет съемка. На послезавтра можете заказывать вертолет».

Хорошо иметь своего шамана! Мы повеселели. При разговоре присутствовал младший лейтенант. Он удивленно смотрел на маленького некрасивого горбуна и поражался его смелости. Шешкин делал вид, что не замечает суровости участкового.

Было синее утро, когда во дворе охотника разожгли костер

и повесили над ним большой чан с водой. Медведей занесли в дом оттаивать. К полудню потянулся казымский народ и собаки. Что-то назревало. В доме слышались вопли и ритмичный топот пляски. Наконец вынесли медвежьи туши и положили их у огня. Вдруг из чума выскочило нелепое скрюченное существо в экзотическом меховом одеянии, обвешанное шкурками белок и ондатр, в великолепно расшитых оленьих сапожках. В руках большой бубен и колотушка. Под шкурками бряцали колокольчики.

Существо, уже заряженное на связь с потусторонним миром, стало прыгать вокруг медведей, бить бубном по мордам и гор-танно кричать. Охотники изображали на лицах панический ужас и держались от шамана на почтительном расстоянии. Постепенно, с опаской, они приближались к медведям. Принимали воинственные позы. Чем ближе, тем смелее.

Финальная часть ритуала была непродолжительной. Взмыленный шаман, паря на морозе, как вода в котле, не переставая лупил в бубен, выкидывая последние замысловатые коленца, медленно удалялся от костра и в конце концов скрылся в чуме. Как только шаман исчез, охотники успокоились, достали ножи и приступили к свеживанию туш. Понятно, почему все так быстро закончилось: морозец стоял градусов двадцать пять. Медведей размораживали не для того, чтобы они снова заморозились. Через полчаса от них остались одни мокрые шкуры.

Так закончились съемки в Казыме.

К сожалению, при монтаже и при сдаче картины режиссеру «вывернули руки», и весь уникальный этнографический материал, связанный с ритуальными обрядами, загнали двойной экспозицией на кадры современности, чтобы «сказки оставались сказками». Текст отредактировали. Получился образцово-показательный соцреализм.

Меня тоже постигла неудача. Я отправил уникальный фоторе-

портаж о ритуальных праздниках мансийского народа в журнал «Советское фото». Удивительно быстро получил свои материалы обратно с припиской: «В канун 50-летия Советской власти в нашей стране такого безобразия быть не может».

В 1993 году Свердловская киностудия праздновала свое пятидесятилетие. К этой дате был выпущен обзорный сборник-справочник, своеобразный творческий отчет о проделанной за полвека работе. Я не нашел там нашего фильма. На всякий случай напоминаю:

«Таежная песня».

Док., 2 части, ч/б.

Автор сценария:

Юван Шесталов.

Режиссер: **Борис Урицкий.**

Оператор: **Герман Куликов.**

Звукооператор: **Борис Сорокин.**

Ассистенты: **Людмила Хоросавцева, Сергей Погорелов.**

Светотехник:

Геннадий Ижиков.

Директор фильма:

Нина Шаболина.

*Свердловская киностудия,
1967 г.*

Владислав ПЕТРОВ,
сотрудник «Команды Искателей Приключений»

ОРИГИНАЛЬНАЯ МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

GPS НАВИГАТОРА

Прогресс развивается семимильными шагами, вторгаясь в самые необычные области.

Ещё совсем недавно не приходилось и мечтать о применении космических технологий в путешествиях, даже толкового снаряжения не было в продаже (помню, как многие вещи приходилось делать самому — шить рюкзак, мастерить коврики и т.п.). Сегодня можно свободно купить всё, как необходимое, так и совершенно бесполезное в практическом путешествии. Из необходимого оборудования в длительных путешествиях или поездках в незнакомый район в первых рядах стоит GPS-приёмник. Этот маленький аппарат позволяет точно определять ваши координаты, записывать пройденный маршрут, легко и непринуждённо

создавать точнейшие карты, планировать путешествия, начиная от поездки по грибы и заканчивая экспедициями. Вы никогда не заблудитесь с таким прибором. Очень важным моментом является возможность наносить на карту точки находок. Наша «Команда Искателей Приключений» (КИП) создаёт карту мегалитических памятников Свердловской области, а это оказалось непросто. Исхожено немало километров; сейчас на карту нанесено около 30 дольменов в разных, порой труднодоступных местах.

Хочу поделиться личным опытом использования GPS-навигатора. Для начала напомним принцип работы навигатора. На геостационарной орбите находится некоторое количество спутников, непрерывно посылающих на землю сигналы. Сигналы улавливаются GPS-приёмником. В зависимости от местоположения и высоты приёмника сигналы имеют разные характеристики (к какому-то спутнику вы ближе, от какого-то дальше). По характеру этих сигналов GPS-навигатор вычисляет ваше местоположение и высоту с точностью до нескольких метров. На точность влияют следующие составляющие: горизонтальность антенны приёмника, количество спутников над вами в данный момент, наличие препятствий для прохождения радиоволн. В условиях холодного климата нельзя охлаждать батареи, иначе

это значительно снижает их ресурс. Это актуально в многодневных экспедициях, где питание для приборов ограничено.

Идеальный вариант: держать приёмник в согнутой руке, но идти при этом по маршруту длительное время неудобно. В магазинах продаются различные чехлы для пристёгивания на пояс, но условия приёма при этом резко ухудшаются, вплоть до потери связи. Можно прикрепить прибор на плечевую лямку рюкзака, но летом и осенью идут дожди, а прибор нужно сберечь. Зимой же батареи не смогут давать необходимую силу тока, да и голова расположена довольно близко к приёмнику, закрывая обзор спутников (человеческое тело, намоченные деревья, горы являются препятствием для радиоволн). У GPS-навигаторов есть особенность: при включении он должен «видеть» не менее пяти спутников, только тогда появляется возможность рассчитать ваши координаты. В дальнейшем, при движении, достаточно будет и трёх, но для этого сигнал не должен теряться. Если сигнал пропал, придётся побегать, найти открытое место, дожидаться, пока GPS-навигатор «зацепится» за спутники, и бежать к точке очередной находки. С такой ситуацией мы столкнулись в ходе поиска дольменов в районе Щитовского Истока. Мы с трудом поймали сигнал; чуть не пришлось на мачтовую сосну лезть (а это метров 15–20). Вот и приходилось, путешествуя по лесу, постоянно держать приборчик в руке. Идти неудобно, не говоря уже о фотосъёмке. Если холодно, то и рука мёрзнет (ею приходится греть батареи прибора).

Выход нашёлся случайно. Всё началось с хохмы. Мы купили походное снаряжение, моя шапка оказалась тесной, и я разогнул поля. Получился замечательный колпак. А так как рука к тому времени замёрзла, я засунул под колпак навигатор. Получился симбиоз человека и компьютера. Через некоторое время я проверил показания — прибор прекрасно работал! На рабочем экране постоянно отображалась информация о точности определения местоположения. Когда навигатор был перенесён на плечевой ремень, точность упала с 9 до 17 метров. Когда прибор оказался в нагрудном кармане, сигнал со спутников был потерян. Под шапкой аппарат лежит довольно плотно, не скользит по голове благодаря обрезиненному основанию

крышки прибора, всегда остаётся в тепле. Считать показания никакого труда не составляет — это можно делать прямо на ходу. А со стороны не особо и заметно.

Преимущества данного метода: максимально возможный в каждом конкретном случае приём (отсутствие препятствий на пути радиоволн — голова, шея, туловище человека, высокий рюкзак со снаряжением), защита от неблагоприятных воздействий окружающей среды (не забудьте, что шапочки из полартека очень удобны не только для человека, но и для прибора, и даже капюшон зимнего анорака не помешал прохождению сигнала, да и точность осталась такой же высокой), оптимальная температура источников питания и, как следствие, большой ресурс их работы, свободные руки, что очень важно при путешествиях по пересечённой местности, на лыжах, да и просто во время прогулок по лесу.

Хочу успокоить тех, кто боится вредных излучений: в отличие от сотовых телефонов GPS-приёмник ничего не излучает. Напротив, он поглощает излучения, следовательно, вреда здоровью нанести не может.

Удачи на неведомых дорогах!

ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ

Из рассказов дядюшки Рурка

Вечер был просто клевый — другого слова не подберу. Старушка погода в кои-то веки развелась на комплименты рекламщиков и всерьез поверила, что должна быть калифорнийской, раз уж дело происходит в Калифорнии. Старый Фергюс трепался, что это-де из уважения к Каннаханам, только шиш там — такое бывает и в те дни, когда у нашей семейки нет никаких юбилеев. Но Каннаханов было просто море, это жизненный факт, их тусовалось тут

больше, чем народу на порносайте. Не то чтобы у кого-то был день рождения — хотя если поискать, то просто должен был найтись Каннахан, которого коммивояжер-аист впарил папе с мамой в этот самый денек — если только не врет старая добрая теория вероятности. Просто стукнуло ровнехонько сто пятьдесят лет, как первый Каннахан приперся в гости к дяде Сэму — да и завис, как дуреха Пэг в чате про диеты и косметику. Поскольку случилась эта засада в Большом Яблоке, я, вот хоть убейте, не въезжаю, на фига нам тусоваться совсем с другого бока географической карты. Наверно, потому, что у дядюшки Шеймуса самая крутая вилла из Каннаханов, и вообще он депутат конгресса от Калифорнии, вот и отдувается, бедолага. Иногда залезать на самый верх так же глупо, как болтаться в самом низу. Шварц вон вообще теперь губернатор, а толку? Ни в «Чужом против Хищника» не снялся, ни в новом «Конане» не снимется из-за этого...

Э-э, вы чего подумали?! Не, старина Шварц — не Каннахан, даже никаким боком, если только тетка Дейдра не сплавит за него одну из своих безмозглых дочек, но это разве если у Терминатора совсем перемякнет схемы. Она и ко мне присматривается, только на фиг. Близкородственный брак — это по жизни не круто, а уж с этими...

Я тихо-мирно перетирал насчет нового «Дума» с кузеном Малькольмом (единственный обремененный хоть каким-то айкью чел в нашей с дуба рухнувшей семейке), когда на нас наскочила чумная герла — я сперва подумал, что это Шимми или Мэг, одна из еще несплавленных дочек тетки Дейдры, и успел подсесть на измену, пока просек, что это всего-навсего Урсула, моя троюродная племяншка. Такая же чокнутая, как тетка Дейдра с семейством, но безобидная. В принципе, если жениться в обязон — я бы выбрал ее, она тише компьютерной мыши и из дому вылезает чуть не реже, чем Шимми с Мэг — в библиотеку. Глаза вечно такие, будто сейчас сбежала из японской мультяшки.

— Ой, — говорит, — Дон, Малк, мальчики, как хорошо, что я вас отыскала! Идемте на мансарду, там дядя Рурк уже трубку раскуривает!

Я уже открывал рот, чтоб объяснить, как некультурно называть людей, на два года старше и на тыщу мегабайт умнее тебя, «мальчиками»,

но просек фишку и забанил пост на корню. Дядя Рурк — это круто, других слов нет. Из наших родственничков он вторая шишка по величине после дяди Шеймуса, но не грузится этим сам и никого не грузит. И возрастом своим не тычет, не в пример старому Фергюсу — хотя навряд ли сильно моложе его, а может даже, и старше. Ему не то восемьдесят, не то все девяносто, он помнит живого Синатру и один раз ездил в одном мерсе с Кеннеди. Хотя по нему не скажешь, на вид — не больше шестидесяти, а секретуток кадрить перестал лет десять назад, и не из-за того, о чем вы подумали, а как раз тогда это стали обзывать домогательством и сексуальной дискриминацией. Где именно работает дядя Рурк, никто толком не знает, кроме него самого и его начальства, но он всегда ошивался при разных секретных заморочках, и лично я верю, что старик участвовал и в проекте «Филадельфия» и в Ангар 18 захаживал. Он подписал больше подписок о неразглашении, чем вы — квитанций об уплате штрафа за неправильную парковку тачки, и если бы дядя Рурк был русским, то давно сгинул бы в горных рудниках Таймыра или Казахстана — куда там у них принято ссылать тех, кто слишком много знал?

Но самое клевое в дяде Рурке — истории, которые он рассказывает. Это может быть что-нибудь в общем простое, но до жути интересное — «Дискавери» не надо! А иногда — и в этом самый кайф! — дядюшка «размораживает» какую-нибудь жутко секретную кресту, если срок подписки вышел. Жаль, с «Филадельфией» или с Ангаром такого не случится, наверное, никогда.

А когда он собирается что-нибудь рассказать, то раскуривает трубку и весь покрывается дымом, как вулкан перед извержением — и это самое то сравненьце, поскольку его истории сногшибательны, как извержение, и горячи, как лава, даже если пробыли под землей эру-другую.

Поэтому я без лишнего флейма снялся с перил веранды и на пару с Малком чесанул за племяшкой на мансарду. Было б жутко стремно зевнуть новую байку от дяди Рурка. Настолько, что я готов был рискнуть пересечься с Мэг или Шимми или их мамашей.

А дядюшка и впрямь уже дымил трубкой (старый Фергюс ворчал — мол, Рурк завел эту привычку, когда ездил в Ялту — перед дядюшкой Джо подхалимаж разводил, да так и пристрастился). Пыхнул пару раз, затянулся, выпустил дым колечками, как Бильбо у Джексона, и задумчиво так начал — видать, в ответ на пост Патрика, тусовавшего тут же. К слову, мамаша Дейдра с жуткими дочурками тоже была как штык, к счастью, спиной ко мне, а глазами — в рот дяде Рурку — как ни крути, а они Каннаханы.

— Ты говоришь, Пат, у человека откроются паранормальные способности? Не знаю, сынок, не знаю... вообще-то они открывались уже — лет пятьдесят тому, я только тогда начинал работать — и

сам это видел. Было это сразу после Фултонской речи толстого Винни, когда все вдруг поняли, что вчерашний друг вот-вот обернется врагом похлеще прежнего, и надо быстро ломать кайф от победы в одной войне и готовиться к другой, которая — это уже тогда многие понимали — запросто может оказаться последней. В смысле, не последней схваткой с этим врагом, а вообще последней в истории человечества, потому как после нее воевать станет никому и не с кем. Поэтому дядя Эм шарил повсюду в поисках такого оружия, которым можно было бы ущучить Красного Монарха, не развалив при этом наш собственный дом на холме. Не все секреты той поры «остыли», но скажу вам одно, детки, рассказ Боба Хайнлайна не полная выдумка. Мы с ним про то не говорили, когда потом встретились, но я, читая тот рассказик, накрепко заподозрил — и подозреваю по сей день, что старина Боб просто трудился в то время в том же отделе, что и я, только в другой группе — секретность была жуткая, я и про возможность существования других групп в отделе додумался уже задним числом, и не в последнюю очередь — благодаря Бобу..

— Дядя Рурк, — не вытерпела Шимми. — а этот Боб, как ты говоришь — Хай... хайлайн — он кто?

Блин, и на этом меня хотят женить! Я до того ошизел, что уже открыл рот отмодерировать дурицу на фиг, не сообразив, что вот-вот сдам себя самого, но тут влезла с постом Урсула.

— Ши, ты даешь, — хихикнула она. — Ты и впрямь не видела «Звездный десант», да? Не знаешь, кто автор?

Шимми фыркнула, как кошка, и соорудила такую умную физию, что ее было впрямь привлечь за заведомо ложную рекламу.

— Су, детка, если у самой в головке пусто, спроси старших, а не показывай всем, какая ты дурочка. «Десант» снял Верховен, понятно?

— Тихо, девочки, не ссорьтесь — вмешался дядя Рурк, величественно приподымая белоснежную бровь — ну вылитый Гэндалф. — Ши права, фильм снял Верховен. И Су права, потому как именно старина Боб написал книжку, по которой Верховен его снял. Так вот тогда-то мы металась по всей стране, просеивая все, что говорили или писали про всех этих эсперов — телепатов, прорицателей будущего и прочих продавцов дождя.

Святая Дева, сколько шлака мы перетрясли, в каком мусоре — не будь здесь детей и женщин, сказал бы точнее — приходилось копать! Нет, не все они были жуликами. Кое-кто был сам жульничеством — журналистской уткой, чучелом из бумаги и типографской краски, никогда не рождавшимся на свет во плоти человеческой, кто-то — не совсем нормальным, кто-то — искренне заблуждался. Был, скажем, случай с «голосами», когда в конце концов выяснилось, что у старикана, который их слышал, недавно вставленная челюсть ни с того, ни с сего начала работать в режиме радиоантенны, исправно сообщая хозяину новости — только не очень

разборчиво. Случай сам по себе загадочный — но к тому, что нам надо было, он явно не имел отношения. Но год подходил к концу, на нас давили все сильнее и требовали результата, результата и еще раз результата. Честно сказать, становилось неуютно — недолго было уж и до того, что какая-нибудь крыса сочтет наши неудачи не неудачами, а, как тогда говорили — «антиамериканской деятельностью».

Вот в таком духе я и размышлял тоскливым зимним вечером за столом в нашей конторе, под гудение ртутных ламп — они тогда были совсем свеженькой новинкой — суммируя на бумажке результаты наших изысканий. Дело совершенно безрадостное — потому как нули сколько ни складывай, в итоге все равно получаешь тот же самый нуль. И в этот самый момент влетает в контору Джино Спинелли, сам на себя не похожий. Как многие мака... кхм, итальянцы, выбившиеся на серьезную должность, был Джино большой аккуратист по части внешнего вида, я бы даже сказал, щеголь. Если уж он выходил из дома, то в его ботинки можно было глядеться вместо зеркала, поля шляпы использовать вместо строительного уровня, а галстук — вместо отвеса. Берег он свою одежду, как солдат гвардейской части — знамя, а подбирал

тщательней, чем президент — референтов, а нефтяной шейх — любимую жену.

И вот это-то красавец влетает ко мне со шляпой на затылке, поверх всклокоченной шевелюры, с узлом галстука под левым ухом и в грязных — в грязных, святой Патрик и Дева Мария! — ботинках. Я, по молодости, немного завидовал его умению держать марку и при таком его виде сперва слегка позлорадствовал, в первое мгновение. Но во второе-то мне пришло в голову, что для такого чуда должно произойти нечто по-настоящему страшное — убили президента, или красные бомбят Большое Яблоко атомными бомбами, или маленькие зеленые человечки с Марса оккупировали Землю.

А он глядит на меня сумасшедшими глазами и, тыча в грудь какой-то папкой, твердит: «Ру, я нашел! Святая Дева, и апостол Иаков, и святой Франциск — я нашел, Ру, слышишь, нашел!»

Спокойно, говорю я, спокойнее, Джино, честное слово, я понимаю, что ты родом из Сиракуз, но это, ей-же-ей, еще не повод, чтобы, как кое-кто из твоих земляков, бегать по улицам в непотребном виде и набрасываться на людей с криком, что ты чего-то там нашел.

Тут — только тут! — наш щеголь оглядывает себя, произносит несколько итальянских фраз, благо рядом не было ни дам, ни начальства, и, пробормотав чего-то про отчет, сует мне папку, а сам улетает к зеркалу. А я сажусь читать отчет и понимаю, что да, действительно — нашел. Во-первых, наблюдатель — наш человек, проверенный-перепроверенный и по части психики, и по части серьезного отношения к работе, и по части деловой этики. Тут уж ни галлюцинаций, ни розыгрышей быть просто не может. Во-вторых, объект — не из каких-нибудь лунатиков или шулеров с колокольцами на нитках и эктоплазмой из резины. Фермер из глухого захолустья на Аляске, фантазии у него, как у бобра, да и ума ровно столько, чтоб выжить самому и семью прокормить в этом диком краю. Не станет он расходовать такой дефицитный товар на то, чтоб надуть — и без всякой, замечу, выгоды для себя, случайного городского гостя. Джино, кстати, остановился у него по случаю аварии вертолета — он работал с эскимосскими шаманами и много узнал про то, что мерещится с мухоморовой настойки, и про то, как изобразить хакарири с помощью ножа с выдвигаемым клинком и полунфунта оленьей требухи — но ничего больше. К слову, и это тоже показатель — если уж наш человек раскусил типов, которые веками дурили голову целым племенам, на самостоятельность этого дровогрыза из хатки он бы тем паче не поддался.

Настораживало, что объект был сектантом — но когда этой публике что-нибудь мерещится, то это либо сатана, либо ангел Господень самое меньшее — на что-то поскромнее они не согласны. Ну и, соответственно, если бы он вздумал сбивать людей с толку, так это тоже касалось бы не бы-

товых мелочей, а чего-то покрупней, с пророчеством Иоанна Богослова или пророка Иезекиля, с четырьмя всадниками или зверьми крылатыми и многоочитыми. А с другой стороны — лгут эти люди нечасто. Это ведь мы можем исповедаться и получить отпущение...

В общем, Джино и впрямь нашел. Поэтому, когда он вернулся от зеркала, мы с ним — а мы были напарниками, и на Аляску я не летал с ним ввиду травмы ноги — почитатели одного чудотворца успели поблагодарить меня за разоблачение кумира прежде, чем я достал значок... так вот, мы с Джино направились прямо в кабинет к шефу, мистери Паттерсону. Он посмотрел на нас сквозь сигарный дым красными, как у быка, глазами и впился, как клещ в бок корове, в отчет Спинелли, не выпуская изо рта сигару, а из-под щеки — прижатой к плечу телефонной трубки, в которую он временами что-то рывал. В середине отчета он резко свернул беседу, положил трубку и раздавил сигарный окурок в пепельнице, и на лице его был восторг пращуров, с борта «Мэйфлауера» узревших долгожданной берег. Дочитав, он поднялся из-за стола, как был, сияя зубастой улыбкой, и зеркальной лысиной, и пряжками подтяжек — пиджак висел на спинке стула, — и волосатой грудью из расстегнутого ворота над спущенным узлом невероятного оранжевого галстука. Он пожал Спинелли руку, и хлопнул его по плечу, и сказал: «Джино, мальчик, я всегда и везде говорю — настоящий американец, истинный американец, говорю я, преодолет любые преграды и препятствия на пути к цели, раз уж поставил ее перед собой. Да, парни, именно такие, как вы, сделали эту страну великой державой». Он предложил нам сигары, и закурил сам, и вызвал машинистку, чтобы та немедленно отбила приказ о нашей со Спинелли командировке на Аляску.

Мы летели на вертолете — иначе в те края добраться было б непросто, да и время поджимало. Иисус-Мария, в какой драмучей глуши жил наш объект! В округе обитало с полдюжины семейств, все угрюмые кальвинисты, фермеры и охотники. Ни телефона, ни радио, электричество от ветряка, а когда ветер утихал — зажигали керосинки. Газет не читали — вообще ничего не читали, кроме Библии. По-моему, самая свежая новость, дошедшая до этих краев перед нашим появлением, была про то, что царь продал Аляску нашему правительству, впрочем, о золотой лихорадке там тоже могли слышать, но вот слышали ли, что она кончилась — в этом я не уверен.

Господи, какими же мы были идиотами, напросившись самим вести объект... старик жил на ферме со старой женой, успешно сбыв — он так и говорил «сбыв», словно речь шла о лошадях или партии картошки — замуж дочерей. Он был неумный, но хитрый и моментально почуял, что нужен нам позарез. Никакой граф Дракула не высосал бы из меня столько крови, сколько удалось этому старому бобру. Он не очень понимал... что там, он вообще не

понимал, зачем он нам нужен, какую организацию мы представляем. Советы, красная угроза, холодная война — все это было для него пустым звуком. Он только бычился из-под широких полей своей вечной серой шляпы — как же я тогда возненавидел такие шляпы, и клетчатые толстые рубахи, пахнущие потом, и джинсовые комбинезоны, пахнущие навозом... он бычился и твердил одно: «Я свои права знаю... я свободный гражданин». От опытов на своей ферме он отказался сразу и наотрез, назвав это небогоугодным делом — почему Господу угоднее было, чтобы он участвовал в тех же опытах в городе, я так и не понял.

По понятиям той округи, нас Господь велел обмануть как можно наглее и выгоднее. Мы были городские, мы были «от правительства», и хуже того — какие же идиоты мы были! — мы были католики. Даже у меня с уст иной раз сорвется имя Девы или одного из святых, а Джино — тот просто не умел говорить, не боюсь через слово. Жена нашего бобра проводила его до порога фермы, лепеча что-то заботливое и жалобное, а он только рычал на нее да повторял «И не вздумай бросать ферму без пригляду!» В вертолете он побледнел со страху, но больше ничем не выдал испуга, разве что лицо стало еще замкнутее, а глаза — еще злее. Кремень был старик, что и говорить...

Он прожил в лаборатории больше месяца, пил и ел за четверых все, что ему приносили из нашей столовой, да молился, ну и ходил на опыты. А больше ничего не делал. И получал за все это деньги, и — святой Иосиф Обручник — как же ему это нравилось! И еще больше ему нравилось, что из наших опытов ни черта не выходило.

В конце концов, опыты с ним пришлось свернуть. Он, ко всему прочему, подцепил от кого-то из наших ребят простуду — пустяк для горожанина, но серьезная опасность для человека, предки которого поколениями жили вдалеке от чужаков, в чистом лесном краю. Его лечили тем тщательней, что он всех достал, и мы чувствовали себя виноватыми из-за того, что никак не можем его жалеть. Такие вот закрученные комплексы — в те годы психоаналитик был редкой птицей, и рядовому агенту его приемы были не по карману — не говоря уж о том, что никто не пустил бы набитых государственным тайнами и совершенно секретными сведениями ребят на кушетку к ученичкам доктора Фрейда. Движимый такими комплексами, наш сотрудник из Аляски даже прихватил с собой его жену — та из него, бедняги, вынула душу, звоня через день и справляясь о состоянии мужа.

Муженек, что характерно, о ней и не вспомнил ни разу, пока жил на нашем довольствии. То есть что я — вспоминал, конечно, когда надо было охаять только что съеденную до последней крошки двойную порцию ланча из столовой. Звучало это так: «Да даже моя старая дура и то готовит лучше!».

В общем, мы ждали вертолета, который должен

был отвезти бобра в его родную хатку, к нашему общему удовольствию. Один только Джино выглядел, как на собственных похоронах — даже скорое расставание с клиентом не могло развеять скорби на смугловатом лице бедолаги.

«Ру, — твердил он, — но ты-то мне веришь? Я не выдумал, я ни капельки не выдумал, клянусь святой Анной! Я все видел, вот как сейчас тебя! Он разозлился на жену, и в руках у него оказалась плетка, которая висела в пятидесяти метрах на стене — я сам потом замерял!»

Я тактично смолчал — во-первых, над щегольской шляпой итальянца нависало самое меньшее постановление о неполном служебном соответствии, если не что-то похуже — на днях его двоюродная сестра в Италии вышла замуж за члена итальянской компартии, какого-то Родари. Учитывая, что мы были напарниками, мне как-то больше думалось о спасении собственной души. А во-вторых, вертолет уже опускался перед нами, и пришлось бы орать в ответ, чтоб меня расслышали.

Наконец, еще прежде, чем лопасти огромного винта окончательно замерли, люк распахнулся, и к нам бросилась щупленькая фигурка.

«Гидеон! Гидеон, слава Господу, ты жив! С тобой все в порядке?»

О да, с ним было все в порядке. Увидев, кто его встречает, наш бобр побагровел и рванул-ся вперед, и вид его внушал не больше мыслей о болезни и слабости, чем вид атакующего быка на мексиканской корриде.

«Рахав! Иезавель! — про-ревел он. — Блудница Вавилонская! Тебе было сказано — не оставлять ферму, а ты — ты бросила наш дом и поперлась сюда — наедине с этими еретиками, старая шлюха!!».

Она даже присела — а он занес над ее головой руку, и тут, прежде чем я успел крикнуть «Эй, мистер!» — и я, и Джино, и пилот, выбравшийся вслед за пассажиркой из машины, увидели, как в его кулаке возникла плеть. Тяжелая фермерская плеть с бревенчатой стены его дома, где она висела мгновение назад — за сотни километров от летного поля, по ту сторону Канады, в глухом углу Аляски.

Дядюшка Рурк замолчал, весь уйдя в новую затяжку.

— Знаешь, Пат, святая церковь считает, что все эти паранормальные способности в большинстве случаев — бевсовское наваждение. А теософы, которые постоянно ругают церковь последними словами, в этом с ней практически согласны, говоря о «проявлениях низших ментальных планов» — если перевести это на человеческий язык, будет примерно то же самое. И я, честно говоря, готов согласиться и с теми, и с другими. Единственный раз в жизни я видел настоящее проявление паранормальных способностей. И человек, владевший ими, использовал их только лишь для того, чтоб сдернуть со стены плетку — избить безответную, искренне преданную ему жену.

Лев Прозоров, 1972 г. р., закончил исторический факультет Удмуртского государственного университета. Живет в Ижевске.

Публикуется с 19 лет. В сфере его интересов — древняя история, особенно дохристианские эпохи. В личном архиве — публикации научного, публицистического характера и художественная проза (фэнтези, фантастика, исторический рассказ). В этом году у него вышло три книги в издательстве «ЭКСМО»

Любит путешествовать. Работает охранником в частном предприятии.

Рисованные стихи

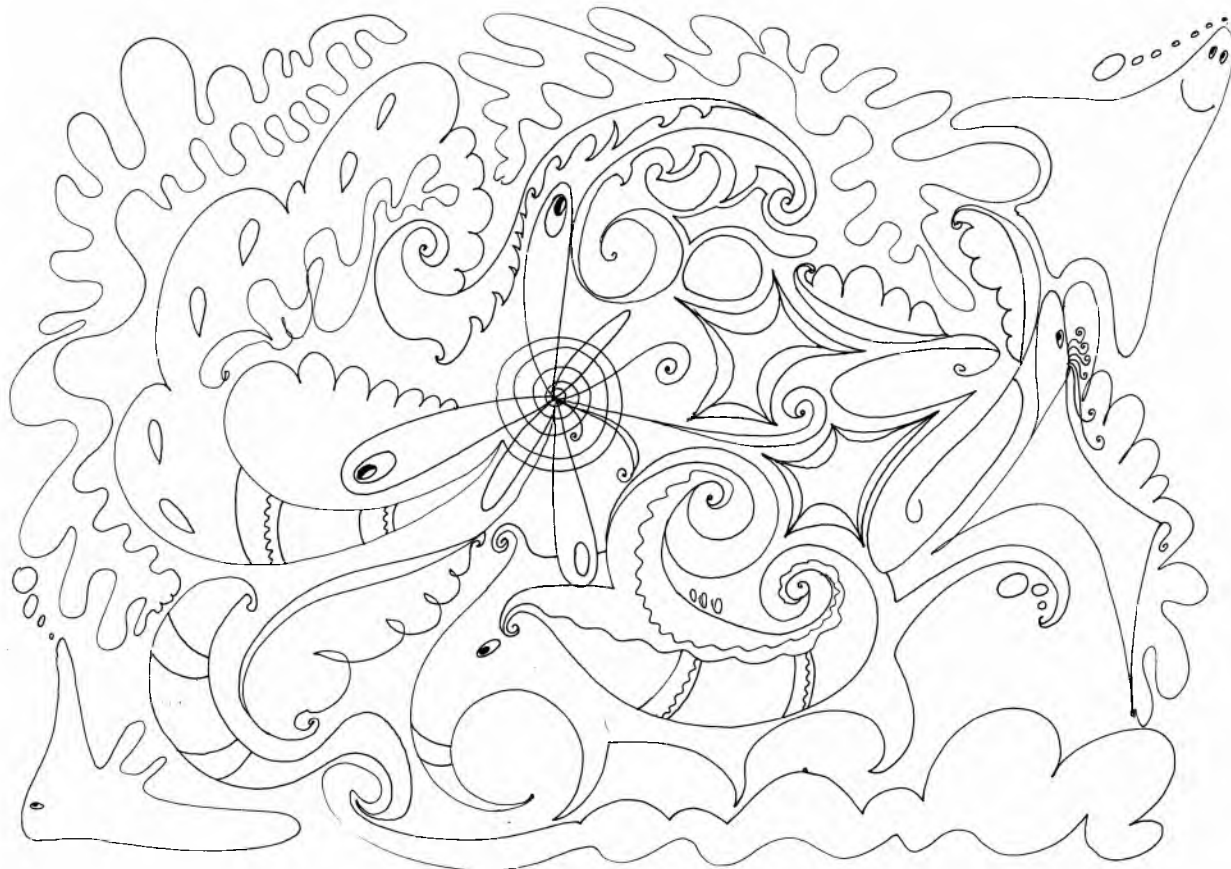
Андрей Патокин живет на планете зеленого цвета и не расстается с гитарой. Его дом — и сцена под открытым небом, и краски, которые ложатся на бумагу, и теплая атмосфера поющей многоголосой семьи. Все вместе Патокины любят путешествовать. В родном Екатеринбурге они разработали оригинальную методику развивающего позитивного творчества для детей, а своем «родовом поместье» в Крыму — вдали от городов — они сочиняют песни, встречают бардов, менестрелей, которые путешествуют по земле.

Книжка-раскраска с рисунками поющего автора еще не сложилась окончательно. Пока творчество Андрея Патокина — только добрый урок. Но мы все-таки решили познакомить читателей «Уральского следопыта» с этим интересным проектом.

Андрей ПАТОКИН

Приглашение к рисованию

Ты не умеешь рисовать?! Я предполагаю, что ты просто не знаешь себя. Допустим, что изначально мы можем всё, а лист бумаги это наша собственная жизнь. И даже если мы просто ставим точку, это может означать всё, что угодно. И это уже картина «нашей жизни». Помните, как у Карлсона — картина «Самый одинокий петух». Безусловно, в точке уже скрыт целый мир, и этот мир не стоит на месте. Он развивается — движется, и вот из точки появляется линия. Возможно, мир перемещается по прямой. Но такое бывает только в теории. Скорее путь его полета — это какая-то траектория, которая меняется в зависимости от нашего настроения, от притяжения и отталкивания других миров. Эти миры — наши знакомые или совершенно новые люди и события, которые притягиваются к нам и к которым тянемся мы. И так появляется такая «волнительная» линия, которая встречается и взаимодействует с другими линиями и точками. А если говорить о формах, то они состоят из таких же точек и линий. Возьмем две короткие линии и соединим их «крестиком», пусть это будет «звездочка», а добавив второй крестик, получим «снежинку». И вот в нашей жизни начинается «снегопад» или «звездный танец». Теперь остается только добавить музыки цвета, чтобы наполнить нашу картину чувствами! Ещё немного импровизации, и будем считать, что «жизнь» удалась, а рисунок закончен! Если тебя сегодня не устраивает «твоя жизнь», не расстраивайся. Попробуй еще, может, в следующей повезет больше. Желаю удачи!

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

В каждом номере журнала «УС» будет публиковаться раскраска Андрея Патокина. Чтобы стать победителем конкурса «Приглашение к рисованию», нужно:

1. Взять в руки фломастеры, гелевые ручки или цветные карандаши.
2. Раскрасить рисунок так, как подсказывает воображение.
3. Вырезать и положить в конверт.
4. Отправить по адресу: 620142? г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Конкурс».

В январе 2007 г. жюри подведет итоги конкурса; авторы самых ярких и интересных рисунков получат ценные призы, а тот, кто пришлет все 9 вариантов, - книгу-раскраску Андрея Патокина.

ЧУДАК

Hm Em F# Hm
 Когда-то, когда-то дружил я с чудаком.

Em A D
 Он думал, что всё небо у нас под потолком,
H7 Em F# G
 Под черепичной крышей, которой нету выше,
Em F# G
 А «небо» было просто чердаком.
Em F# Hm

Когда-то, когда-то, уже давным-давно,
 Решив, что душновато, я приоткрыл окно.
 Мой друг-чудак заплакал: за много долгих лет
 Он не видал, бедняга, белый свет.

Тогда-то, тогда-то мой старый друг ушёл,
 Где облака, как вата, туда, где хорошо,
 Где чистая бездонна небес голубизна,
 А я остался дома у окна.

Когда-то, когда-то вернётся мой чудак,
 Смеяться и плакать. О чём? Да просто так,
 О том, что жизнь глубока,
 О том, что мир таков,
 Снаружи тоже много чердаков,
 Снаружи тоже много чудаков.

ЗА СОЛНЕЧНЫМ СЛОВОМ

C Em Dm G7
 За солнечным словом, за солнечным светом,
Dm G7 C
 За самой высокой мечтой
Dm G7 C A7
 Мы вышли за пару минут до рассвета
Dm G7 C A7
 По тонкой струне золотой.
Dm G7 C A7
 Мы вышли за пару минут до рассвета

Dm G C
 По тонкой струне золотой.

В предчувствии лета становится звонче
 И крепче седая зима.
 Играй, моя флейта, в неведение ночи,
 Морозу тебя не догнать.

И радостью новой наполнится слово,
 И в лад запоят голоса.
 Для нашего счастья всё в мире готово,
 И нету дороги назад.
 Для нашего счастья всё в мире готово,
 И надо об этом сказать!

АХ, КАК ХОЧЕТСЯ ПРОСНУТЬСЯ

Dm Gm7 Am7 Cm7 Hm7
Gm7 B7 Cm7 A7 Dm

Dm
 Ах, как хочется проснуться
Gm7
 И увидеть, не вставая,
Am7
 Сверху, снизу и в округе
Cm7 Hm7
 Лишь один зелёный лес.
Gm7
 И семью весёлых дятлов
B7
 Вместо грохота трамвая
Cm7
 Обнаружить по соседству
A7 Dm
 И подняться, напевая...

Этот ранний, белый заяц
 С новым клоком серой шерсти –
 Он сегодня почему-то
 Тоже вышел на дорогу.
 Он услышал песню леса,
 Будто сам себе приснился,
 Он на солнце загляделся
 Сквозь еловые ресницы...
 Ах, как хочется проснуться...

КАК РЕДКО...

A+6 F#

Как редко слышится: «люблю»

Hm7 E

За суетливыми словами:

A+6 Dm7

«Прости – я очень тороплюсь»,

Hm7 E7

«Прости – сегодня очень занят!»...

Hm7 E7 A+6

И, не впуская в жизни круг

F# Hm7

Ни цвет, ни запахи, ни звуки,

G#7 C#m7 Cm7 Hm7

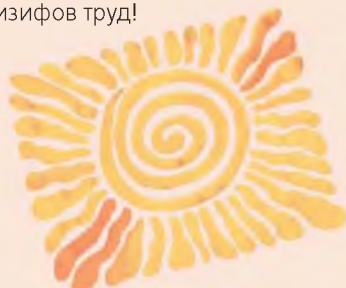
Пустой гранит сухой науки –

E7 A+6

Упорно в гору камень пру.

Тружусь, непокладая рук,
А камень катится обратно,
Что было ясным поутру –
Под вечер стало непонятно.
И разве можно объяснить
Одним законом тяготенья
Свое наивное стремленье,
Мое желание – творить.

И просыпается: «Люблю!»
И одевается словами:
Я мир на части не делю,
Я улыбаюсь вместе с вами!
Как исчезают поутру
Мои недавние сомненья:
Жизнь – это радость восхождения,
А не сплошной сизифов труд!

ФЛЕЙТА

A7DmGm7C7FB7Gm7A7Dm

Dm A7 Dm

Играет флейта никому

Gm7 A7

За городской неразберихой.

Gm7 C7 F7

И – сам не знаю, почему –

Gm7 A7

Я подпеваю флейте тихо...

A7DmGm7C7FB7Gm7Edim

GdimDm7AdimEm7EdimDmDmaj7A7 Dm

Откуда взяться флейте сей?
Как важно с этим разобраться!
Себя узнать куда трудней,
Собою стать, собой остаться.
Всему, всему причина есть:
Мотив божественный прекрасный.
Я знаю только, что я есть,
Я часть всего и это счастье!

Фоторепортаж Виктора БАЙДУКОВА

Денежкин Камень — богатый камень

Видимый не только с окрестных вершин, ближних и дальних, но и с дорог, пролегающих восточнее него, он впечатляет своей грандиозностью и величавым видом, чем завораживает и притягивает к себе. Он в десятках километров от тебя, а кажется, что совсем рядом, в каких-нибудь пяти—семи километрах. Стоит один, как будто рядом с ним нет других гор, настолько он огромен и величествен.

Да, это он, стоящий в стороне от Главного Урала, одинокий и гордый, богатый своими недрами и красотами — Денежкин Камень.

Когда-то у его подножия жил своим стойбищем известный в округе Андрей Денежкин. Ему повезло: когда возникла необходимость записать для новой карты название горы, кроме его фамилии, ничего подходящего не нашлось. Известность самому Камню принесло и найденное рядом с ним месторождение платины. Позже здесь был организован заповедник, заново открытый в наше время.

Денежкин Камень красив своими формами. Необычайно живописный проход между гор — Сорокинские ворота; островершинная гора Рубель; спо-

койно уходящий на запад Кулаковский Увал; отливающая золотом минералов и лишайников Желтая сопка; каменистые, с холодной горной водой, серебристым хариусом и крупным тайменем долины рек, опоясывающие Камень со всех сторон. Яркие майские цветы, зеленый лук с сиреневыми цветками вокруг микроскопических озерков горной тундры и первые кристаллы льда на вершине в начале летнего августа дополняют прекрасную и суровую картину.

В 1991 г. здесь был заново воссоздан заповедник. Всегда радуется, когда находятся энтузиасты — защитники природы, беззаветно любящие ее, отдающие ее сохранению и восстановлению все свои силы, время, а иногда и всю жизнь.

Текст Евгения Савенко

Мария ОСЕНЕВА,
Фото Романа САВЕНКО

ЗАБЫТЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, или КРЕСТ ЭДУАРДА СОКОЛОВА

В мире прекрасного

РЕКА ВРЕМЕНИ

Лет двадцать назад недалеко от Кургана, в порушенном Далматовском мужском монастыре, случилась неожиданность. Солдаты из стройбата ломали монашеский корпус и в одной из кеий обнаружили замурованную нишу. В ней лежали гусли. Строгие церковные каноны учили, что в монастыре нет места музыкальным инструментам. Но, как доказывала находка, запрет все-таки нарушался. Не ради развлечения: под гусли в былые времена ставили голос, разучивали псалмы и колокольные звоны.

— Раньше даже термин такой был: звонить по-гусельному, — рассказывает мастер-реставратор струнных инструментов Эдуард Соколов. — Звонарь, как правило, вызванивал все колокольные звоны дома, на гусях, а уже потом забирался на колокольню и там доводил свою технику до совершенства.

Колокола на колокольнях настраивались на тот же звукоряд, что и гусли. Послушайте звон колокольни кремля в Ростове Великом, и вы это заметите.

Уже несколько лет Эдуард Иванович создает без шаблонов забытые русские «гудебные» инструменты: гусли и колесные лиры. Несколько гуслей разошлось по музыкантам, а некоторые находятся сейчас в коллекции Екатеринбургской музыкальной экспериментально-передвижной мастерской. Над своей первой колесной лирой мастер работал три года. Та, что только-только освобождена из специальных тисков, вторая по счету, рождалась в течение двух лет.

Сегодня в России классных мастеров по изготовлению струнных музыкальных инструментов можно пересчитать по пальцам. Заниматься этим в наше время невыгодно: очень затратно. Еще более невыгодно возрождать древнерусские инструменты. Надо быть бессребреником: ни государство, ни частные меценаты еще не вдохновились музыкальной стариной в той мере, чтобы хоть как-то поддержать мастера-подвижника на деле. Но мастера, влюбленные в гусли, все-таки их вырезают. И в разных городках России перед завороженными слушателями выступают странствующие гусяры-одиночки, такие же бессребреники, как и мастера.

— А мы ко всему прочему задались целью знакомить земляков с древнерусскими инструментами, — говорит Эдуард Соколов. — Есть даже проект специальный: «На тысячу лет в глубь истории. Развитие инструментальной музыки в России, забытые инструменты». За год нам удастся устроить в Екатеринбурге четыре-пять выставок музыкальных инструментов Древней Руси и царской России. Чаще всего под открытым небом, на народных гуляньях во время Дней города и районов. Случайные

прохожие задерживаются у столиков, на которых разложены гусли, лиры, волынки, гудки, рожки... Мой друг Евгений Бунтов и, случается, приезжие гусяры играют на них, поют старинные песни. Все инструменты можно внимательно рассмотреть, а то и в руках подержать, провести по струнам.

Главные инструменты коллекции: донская казачья колесная лира, войсковой музыкальный инструмент; гудок, реконструированный по модели четырнадцатого века. Это древнерусский скомоорошный смычковый инструмент, который еще ласково называли — звончатый переладец. Большие девятиструнные гусли тринадцатого века, которые мы назвали Лелека. Обломки таких гуслей нашли в Великом Новгороде в слоях, что относились ко времени княжения Александра Невского.

— Чтобы сделать гусли или ту же колесную лиру, нужно видеть образец инструмента, наврное, в запасниках каких-то музеев, нужных мерки. Как вы обходитесь?

— Основную информацию дают археологические раскопки в Великом Новгороде, они начались еще после Великой Отечественной войны. С тех пор найдено множество фрагментов различных древних музыкальных инструментов, в том числе и всевозможных гуслей. Всегда, когда во время раскопок находят какой-то музыкальный предмет или его фрагменты, их сразу же фотографируют, обмеряют и подробно описывают.

Более тридцати лет в новгородских раскопках участвуют студенты УрГУ, и отчетность по их экспедициям можно найти в Екатеринбурге.

Серьезными изысканиями занимается известный новгородский реставратор древнерусских

Эдуард Соколов пробует колесную лиру

Настройка гудка

Евгений Бунтов перед выступлением

Любовь Басурманова

инструментов Владимир Поветкин. По найденным обломкам гуслей, дудочек и прочего он домысливает первоначальный вид инструментов. Так, к примеру, домысливались знаменитые гусли «Славиша», открылок которых напоминает по форме птичку. Владимир Иванович исследует и то, как настраивались древнерусские инструменты, что и как на них играли. Это все давным-давно забыто. Считайте, тысячелетие минуло.

— А как давно появились гусли на Руси?

— Об этом можно судить по тем же новгородским раскопкам. Город возник в девятом веке. Сейчас раскапывают его самые древние исторические слои и гусли находят даже там. Значит, можно сделать вывод, что на землях Великого Новгорода они бытовали еще до появления новгородцев.

Вообще гусли произошли от звучащего лука. Такие гусли, как «Славиша» или «Медведь», одни из первых, их держали вертикально, просунув пальцы левой руки в специальное игровое отверстие. Есть предположение, что на них играли смычком. В то время как раз с ним экспериментировали.

В России существовали определенные традиции и обряды, исполнение которых было невозможно без гуслей. Допустим, в центральной России парень не мог помыслить о вечерках, если у него не было гуслей. Сделал — иди. В воинской дружине гусли помогали поддерживать боевой дух. Под гусли дружинники пели старины — сказания о подвигах предыдущих поколений. Гусли в России претерпели много изменений. К XVII веку появились очень сложные модели, где число струн доходило до двадцати двух. Еще позже их могло быть за пятьдесят, например, у столообразных гуслей, стоявших на специальных ножках.

Только не надо думать, что гусли — исключительно русский музыкальный инструмент. Похожие инструменты есть и у многих других народов мира, допустим, в той же Африке. У каждого народа они назывались по-своему, были свои модели, свой строй. И везде шла реформа инструмента в сторону увеличения струн и использования более качественных материалов. У наших соседей ханты есть разновидность гуслей, которая называется нарсу юх, что переводится как «звучащее дерево». У манси подобный инструмент называется санквилтап.

— Из чего делали гусли на Руси?

— Для них выбирали звучащее дерево местных пород. В Новгороде Великом и Пскове предпочитали ольху и ель. Из клена-явора делали так называемые яворчатые гусли. Для одних гуслей использовали как минимум две породы дерева.

На струны в древности шел любой материал, который только мог звучать. Натягивали проволоку из цветных сплавов, ту, что использовалась в ювелирном ремесле. Были струны жильные. Применялись шелковые нити. Стальная проволока, которая шла на изготовление кольчуг, самая тонкая — дополнительно протягивалась до диаметра 0,7—0,3 мм. Сейчас на гусли идут бук, клен, ель. Добавились металлические детали: допустим, раньше колки кололи из дерева, а теперь на гусли натягиваются металлические струны и колки должны быть металлические.

— Когда появились гусли на ссыльном и промышленном Урале?

— Вместе с ссыльными скоморохами, после Ивана Грозного. Скоморохами тогда называли профессиональных музыкантов. Их изрядно гоняли, и

Виталий Галицкий

не зря, конечно. Много тогда нецензурных потешек пелось. И, видимо, политикам немало доставалось. А какой же политик вытерпит? Тем более в условиях самовластия.

Преследуя скоморохов, уж очень сильно пострадали. Когда в конце XIX века помещик Василий Андреев, музыкант-любитель, заинтересовался русской балалайкой и другими народными инструментами и принялся создавать великорусский оркестр, балалайка никому не была нужна. Он приложил невероятные усилия, чтобы возродить этот инструмент и помимо него еще гусли и домру. А вот гудок возродить у него не получилось. Снаряжали специальные этнографические экспедиции, исправно прочесывали губернии, но так и не смогли найти ни одного гудка. На наше счастье во время раскопок в Великом Новгороде обнаружили и разломанные гудочки. Сейчас они восстановлены очень достоверно.

Василий Андреев не только возродил русские народные инструменты. Он адаптировал их к современным условиям: в XIX веке на них предстояло играть уже не в избе и в поле, а в большом зале. Нужны были более мощные инструменты, нужна была температура. Кстати, такой интересный момент. В то же самое время, когда гоняли скоморохов, по указу Ивана Грозного была создана Государева потешная палата, ГПП, как сказали бы сейчас, институт музыкальной промышленности. Она просуществовала более ста лет. Сюда со всей России собирали музыкальных и колокольных мастеров, композиторов, профессиональных музыкантов. В ГПП реформировали русские музыкальные инструменты и адаптировали чужестранные, например, те же колесные лиры. Донская казачья лира — наверняка разработка ГПП. Европа такой лиры не знала и не знает. Гуслиями в ГПП довольно серьезно занимались.

— Понятно, что делать гусли может только увлеченный идеей мастер с золотыми руками. Научиться игре на гусях, должно быть, проще. А где?

— В России есть училищ пять, где учат играть на гусях. Важно учиться у хорошего специалиста, должна быть традиция, преемственность. К сожалению, чтобы сейчас в каком-нибудь училище ввести класс гуслей, потребуется специалист, у которого есть высшее музыкальное образование и запись в дипломе, что он специалист именно по гусям. Где эти специалисты с записями в дипломе? И так — по любому инструменту, что сейчас возрождаются: гусли, гудок, волынка, колесная лира.

Есть такая известная гусяристка Любовь Басурманова, москвичка. Ее учил игре на гусях Дмитрий Локшин. Она написала книгу-учебник, смогла передать другим людям его уникальный опыт. Любовь Басурманова — отличный педагог, и у нее есть несколько талантливых учеников.

— Кто изготавливает древнерусские инструменты для ансамблей народной музыки?

— По-разному бывает. Возьмем московский ансамбль древнерусской музыки и народной импровизации «Русичи». Его художественный руководитель Виталий Галицкий — дивный мастер по древнерусским инструментам. Он собственноручно сделал для ансамбля и колесные лиры, и набор гудков, и многое другое.

Есть такой редкий ансамбль в Костромской области — «Нерехтские рожечники», он существует более 20 лет. Объехали весь земной шар. Они играют на очень древних инструментах — рожках. Это войсковые инструменты, разновидность княжеского рога, который давал сигнал к атаке и другим боевым действиям. Потом они превратились в инструменты пастухов. Они тоже сами рожки делают: бас, полубасок, визгунок.

— У вас есть заветная мечта?

— Да — сделать наконец хорошую гитару. Все никак руки не доходят. Еще скрипочка лежит незаконченная.

Что касается древнерусских инструментов, то хотелось бы сделать небольшую коллекцию колесных лир. И гуслей, тоже разных. И по возможности делать их еще и для фольклорных коллективов, для нарождающихся ансамблей.

Еще хочется возродить уральскую бандурку. Был такой инструмент, народная пятиструнная гитара, маленькая, размером с альт. Она была долбленая. Сверху деревянными гвоздиками прибита дека, широкий недлинный гриф. Этот инструмент использовался в дуэте с уральской разновидностью балалайки, которую называли брункой. И ее тоже охота сделать. Уральская балалайка пела басовым голосом, у нее строй был пониже, чем у современной. А бандурка была настроена немного выше, чем современная гитара. Получался необычный дуэт, когда солировал инструмент с низким голосом, а аккомпанировал инструмент с высоким.

— А не напрасно ли то дело, которым вы занимаетесь?

— Знаете, в одной из книг Мельникова-Печерского встретила мне одна древняя фраза, которая уходит своими корнями век в шестнадцатый: «Внимай, чадо Божий, дивному промыслению и не борзися, сим бо случаем дивная вещь содеяся и памяти достойна». Иногда я озорничаю, вырезаю ее на гусях церковнославянскими буквами. С титлами, с сокращениями. Она относится не только к гусям: дивная вещь и памяти достойна. Это одна из моих заповедей.

Гусли Стрельникова

То, что делали наши предки, действительно достойно возрождения и подражания. И поэтому внимай и не борзися — делай на совесть, честно. Хочется верить, что мы возродим древние инструменты и дело наших рук тоже будет достойно памяти, а со временем даже станет антиквариатом.

...В мастерской Эдуарда Соколова висит на стене необычный деревянный крест. Это шаблон для сборки гитары, который однажды перевернули и подправили гости: гуслиар Юрий Стрельников из Москвы и кобзарь Василий Жданкин с Украины. Теперь это — крест человека, возрождающего древнерусские инструменты.

— Сейчас мы все Иваны, не помнящие родства. А послушал человек песни, которые его же предки пели когда-то — и у него внутри шевельнулся родовой корень, пробудилось чувство национального самосознания. Так начинается необратимый процесс: приходит время, когда человек становится нормальным, то есть русским, — так о смысле жизненного креста Эдуарда Соколова высказался его друг, гуслиар Евгений Бунтов.

Ансамбль рожечников из Нерехты

«Горка крута, да миновать нельзя...»

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СУДЬБЕ БАЖОВА

Знакомый уголок бажовского дома. Валентина Александровна строчит что-то на старенькой ножной швейной машинке. Входит Бажов.

— Что так рано? — Жена удивленно встает из-за машинки.

Бажов молча снимает зимнее пальто и валенки, надевает домашние пимы с короткими голенищами, — без них ногам в этом доме зябко. Делает несколько шагов по комнате и сообщает:

— Отдохнуть велели. От хождений на работу.

— Что случилось?! — Для Валентины Александровны эти слова как гром среди ясного неба. — Говори толком!

— Я, Валянушка, прямиком с бюро горкома партии, — без предисловий начинает Бажов. — А вызвали меня туда после ночного ареста кое-кого из героев моей книжки «Формирование на ходу». Троцкистами, дескать, оказались. Я-то ни сном, ни духом такого не ожидал, — люди эти Истпартом мне были рекомендованы, как большевики без единого пятнышка. Но нынче, выходит, и это не спасает. — Вынимает портсигар, достает папиросу, закуривает. — Крутой был взыск, без курева и не доскажешь...

— Ты присядь, — просит она.

Он отрицательно мотает головой. Продолжает говорить, вышагивая от стены к стене:

— Одним словом, постановили, что книжка моя антисоветская, восхваляющая врагов народа. Еще сказано, что недостаточно отражена роль товарища Сталина. Весь тираж, само собой, из магазинов и библиотек велено изъять. А автора исключить из партии. Первый секретарь обкома там присутствовал, Кабаков Иван Дмитрич, — он у меня лично партбилет из рук вырвал. Вот такие дела... Ну, из издательства, само собой, тут же уволили, антисоветчикам там не место.

— Как же мы теперь? — убито глядит на него жена.

— Я вот шел и думал: хорошо, что старшие дочери с семьями разъехались, — хоть на них не падет... — Бажов останавливается. — А Ридчёна в школу еще не ушла?

— Собирается. Они со второй смены.

— Рида! — громко зовет он. — Зайди-ка сюда.

Появляется Ариадна, в пионерском галстуке, с портфельчиком.

— Присядь, дочка, хочу поговорить с тобой, как со взрослой.

— Папа, уже времени много, — не опоздать бы...

— Ничего, я кратко. Сегодня же скажешь учительнице, что твой отец исключен из партии. Так надо. Все равно узнают, и будет хуже, если от других...

— Папа, значит, тебя... — Она, конечно, еще не догадывается, чем все это может обернуться, испуг ее — от неожиданности.

— Не смотри на меня так. Выслушай, — втолковывает он. — Наверно, тебе не остаться председателем совета отряда и старостой класса, — приготовься к этому. Но пионеркой-то, думаю, оставят... Только сегодня же все скажи.

— Скажу, — обещает дочка.

— Вот и умница. — Бажов целует ее в лоб, и девочка уходит.

— Папочка, может, не надо бы с этим спешить, — говорит Валентина Александровна. — В тридцать третьем-то году, помнишь, тоже исключали из партии, да вскоре и восстановили.

— Ну, то не равняй. Тогда в приписке партстажа обвиняли, да эсерство припомнили, но время-то было другое, — а тут дело посерьезней. И первое исключение лыком в строку, строгий выговор-то до сих пор на мне висит, — глядишь, привесной гирькой на весы и ляжет... Сказать тебе, чего опасаясь?

— Ну?

Бажов снова принимается ходить по комнате. Нелегко ему выговорить то, что гнетет душу. Но заставляет себя:

— Вот если подъедет ночью машина и возьмут меня на казенные хлеба, — как бы не пришлось нашей пионерке от отца отречься. Нынче такое сплошь и рядом...

— Типун тебе на язык! — вскипает жена. — Никогда этого не будет!.. Ты вот лучше скажи, что делать собираешься?

— Сказы писать.

— Папуля, ну до шуток ли сейчас? — укоряет она. — Я всерьез спрашиваю.

— А я всерьез и отвечаю. Ну, конечно, руки не опущу, буду апелляцию строчить в Комиссию партийного контроля, добиваться восстановления, хоть и слаба надежда. Торкаться буду во все двери... А сказы — не оставлю!

1937-й, НОЯБРЬ

Все тот же уголок бажовского дома. Поздний вечер. Валентина Александровна что-то шьет на своей машинке. Бажов работает, стоя за старинной конторкой. На обоих все, чем можно «утеплиться»: холодно в доме. Дело у Бажова, видать, не очень

(Окончание. Начало в № 3, 2006)

спорится: напишет что-то, обмакнув ручку в пузырек с чернилами, потом зачеркнет, пораздумывает, опять напишет. Жена отрывается от своей машинки. Закрывает руками глаза, — ползет по щеке слезинка. Бажов замечает это.

— Валянушка, ты чего? Опять глаза на мокром месте?

— Да подумала, продать бы сейчас чего, — а уже и нечего. И вспомнилось, как продала свое обручальное кольцо. Ты тогда еще работал, а все равно каждая копейка на счету. Вот и решила. Пирожков в тот день напекла, — ели все да нахваливали. И не знали, что колечко их угощает... Господи, за муку, за мяса кусок — память самую светлую...

— Ну, это ты зря. — Бажов подходит к жене, гладит руку. — Память наша с тобой никуда не денется. А кольцо — что? Просто предмет. Да и не в моде они сейчас. Пережитком считаются... Ты о другом лучше подумай: десятый месяц мы в осаде, — и ничего, существуем.

— Да, уж точно в осаде. — Валентина Александровна достает платок, вытирает глаза. — Обходят дом, будто зачумленный. Ни один знакомый не заглянет.

— Понять можно. Остерегаются, как бы и их не подозревали. Время такое... — Простятся Бажову на язык и похлеще слова, но глушит он их в себе — уж лучше промолчать, не растревать обоих попусту...

Тихо в доме. Ариадна давно спит. И Наталья Александровна, сестра жены, тоже легла, потушила свет в своей комнатке — ей, учительнице, рано вставать, к первым урокам.

— А я все жду, когда ты мне скажешь, что там, в Комиссии этой вашей, — нарушает молчание жена. — Ходил же туда на днях, а чего выходил-то? Секретничаешь.

— Да ничего я не выходил. И говорить про то неохота. Ну, спрашивал там, в Партконтроле, когда ответ-то будет на мою апелляцию. «Рассматривается», — отвечают. А она у них уж девять месяцев лежит, — ребенок успел бы родиться... Ясное дело: и пальцем не шевельнут без сигнала сверху. А там свистопляска, — кто меня исключал, сами за тот же троцкизм расстреляны. И Кабаков, и горкомовские. Ну, а новым, видать, не до меня. Вот и тянется... А все-таки существуем, Валянушка, всем чертям назло! Огород-батюшка урожаем порадовал, — картошки, капусты до лета хватит. Заодно, считай, и отдых. Копаться в земле до пота — по мне, лучше всякого курорта. И табачок собственный. — Бажов вынимает кисет, свертывает самокрутку, закуривает. — Одним словом, натуральное хозяйство.

— Так-то оно так, — вроде бы соглашается Валентина Александровна. — А если б не жила с нами Тяля, сестра моя, часто и хлеба бы купить не на что. Вот кому поклониться надо: самой учительской зарплаты едва хватает, а еще с нами делится.

— Ну, авось, когда-нибудь отблагодарим... Я еще удивляюсь, как мои-то три сказа в издательском альманахе прошли. В набор, правда, сдали, когда я еще не в прокаженных был, да и без подписи, — но потом-то могли выбросить, — а вот не выбросили. Невелик

гонораришко, а все же подмога. Тут уж наверняка Клавдия Рождественская постаралась, — без нее и не насмелились бы.

— Вот бы и еще какую работенку подкинула, — говорит жена.

— Слишком много от нее хочешь. И так рисковала. — Бажов поеживается от холода. — А ты сегодня все печки топила? Дров утром наколот, натаскал, а все равно холод собачий...

— Топить-то топила, да по-сиротски. Экономить дрова приходится. А то грянут морозы, — и вовсе заколеем. Такой домину натопить, — вдвое надо против наших запасов. — Валентина Александровна вздыхает. — Прикупить бы еще дровишек, — да на какие шиши?..

— Бы да кабы... Давай-ка я тебе лучше о своем урожае скажу. «Каменный цветок» сегодня кончил.

— Правда?! И какой конец?

— А вот слушай. — Бажов идет к конторке, берет тетрадку и читает: — «Уснул Прокопъич. Постоял Данилушко над стариком, вздохнул... Потом взял балодку, да как ахнет по дурман-цветку — только схрупало. А ту чашу — по барскому-то чертежу — не пошевелил! Плюнул только в середину и выбежал. Так с той поры Данилушки и найти не могли»...

— Столько бился над тем цветком, душу вложил, — и вдребезги? — Жена качает головой. — Сказ редкостный получился, а конец — горький.

— А иного, Валянушка, и быть не могло. — Бажов подходит к ней, садится рядом. — Такая уж судьба мастеру выпала — неутолимость мечты. Но в конце этом — новое начало таится: про душу ту неуемную другой сказ будет... В голове-то вроде уж скроилось. Теперь только на бумагу перенести. Да дело это у меня копотливое, мешкотное. Скупослов я. Трудно слова подбираются. Вчера вот ночью хорошо вроде шло, да одно слово куда-то делось. До утра искал. Светать уж стало, когда нашлось... А то еще бывает, и сам обманешься. Кажется: сладил, выточил всё, будто веточку узорную. А потом глянешь: вместо веточки-то лист капустный получился. И сызнова ищешь...

— Не знаю, Пашуточка, что ты еще напишешь, но эти два — «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок» — по-моему, лучшие из всех. Какой же ты у меня крепышок душой, если смог такое, когда беда удавкой сдавила. — Валентина Александровна произносит это тихо, приглушенно, хоть они здесь и одни. Просто сердце подсказывает: такие слова не говорят громко.

— Да, без удавочки бы куда веселей, — Бажов проводит рукой по шее. — Зато времени предостаточно, — раньше о таком досуге только мечтать... И подфартило мне по-старательски, — на золотую жилу напасть. Только вот читателей кот наплакал: ты, да я, да мы с тобой. Ну, еще Ридчэна.

— А Талю мою забыл? — вставляет жена. — Хочешь, скажу секрет? Она ребятам в школе «Малахитовую шкатулку» пересказывала. Сразу стали спрашивать, где можно прочитать. Ну, она отговорилась, что сама не помнит, из какой книжки. И тебе просила про то не говорить... Вот удивились бы школяры, что сказы-то

тут, рядом, в неприметном доме пишатся. Да к людям вырваться не могут, — цепи крепкие держат.

— Ну, с цепями не поспоришь... Да я, считай, сам себе сказки рассказываю, — все равно без работы своей жить не могу. А что с ними дальше станется... Если что, — спрячешь, как договаривались.

Она кивает. И, помолчав, Бажов заключает:

— Может, станут обретаться мои сказы в народе, вроде побывальщин, а кто их записал, — важно ли? Вон песни народные поют, тоже безо всякого авторства...

Снова пауза. Будто вслушиваются оба в зябкую, вязкую тишину.

— Слушай, — вспоминает Валентина Александровна, — а вот у тебя столько командировок было в Краснокамск, на стройку бумкомбината, с ударниками всякими встречался, — может, написал бы что в газету, а? Ну, пусть под псевдонимом. Все же какая-никакая денежка.

— Да кто же меня, лишенца, к газете подпустит? И псевдоним не поможет... Нет уж, теперь только сказы! По крайней мере, Медной горы Хозяйку в троцкизме не обвинят. Пожить бы еще без ночного стука, пописать бы еще дали, — и на том спасибо.

И тут слышится стук в дверь.

— Накликал... — Жена идет в прихожую.

— Если из органов, не открывай, — вдогонку ей просит Бажов. — Я сам к ним выйду.

Спустя полминуты Валентина Александровна возвращается с сильно прихрамывающим, опирающимся на палку незнакомцем лет сорока с гаком. На нем обтрепанная шубейка и шапка — не лучше. Когда снимает ее, видны начавшие сесть на висках волосы.

— К тебе, — говорит жена.

— С кем имею честь? — спрашивает Бажов.

— Не узнал? А я тебя — сразу. Хоть и борода сивая. — Оба напряженно всматриваются друг в друга. — Ченцов я, помнишь такого?

— Вроде вспоминаю.

— Тогда, в Егоршино-то, в восемнадцатом, один я тебя раскусил. Заранее учуял, как изловчишься...

— Ты про что? — хмурится Бажов.

— Про то, как мы в Перми за Каму отступили, а ты одежду сменил — и на восток сиганул.

— Чего брешешь?! В плен я попал, чудом вырвался...

— Да не было никакого плена, придумал всё, концы-то с концами не сходятся... — презрительно щурится Ченцов. — «Вырвался», говоришь, — а почему тогда не к нам, за Каму?

— Заслоны колчаковские кругом. Не прорваться было.

— Ха... Кама-то длинная, всю, что ль, они оцепили? — На конопатом тонкогубом лице Ченцова едкая усмешка. — Да верные-то люди сквозь пули прорывались! Пятна кровяные на камском льду оставляли, а к своим выползали! Советскую республику выручать, на которой ты, ассессор, крест поставил. Вычислил, грамотей поповский, что дело-то, мол, проиграно, спасаться надо...

— Старый я, — делает шаг к нему Бажов, — а еще

одно поганое слово услышу, — вышвырну, не погляжу, что хромой!

— Хромой, да палка-то у меня крепкая, — может, испробуешь? Не отсиживался в вагончике с газеткой, из боя в бой кидали, — вот и садануло... Думаешь, одна у меня рана?! — Ченцов уже почти кричит. — Показать, куда меня долбануло, — почему у меня ни жены, ни семьи быть не может, — показать?! — Распахивает шубейку, берется за ремень брюк, словно и впрямь готов в исступлении обнажиться.

— Господи... — Валентина Александровна выходит из комнаты.

— Кончай истерику! — глуховатый голос Бажова наливается яростью. — Ты чего явился-то, а?

— Глянуть охота, как ты ночного стука ждешь. Долгонько тебе пождать дали. Руки, видно, не дошли, делов много. Ничо, скоро постучат, не сум-лайся. Вот тогда за все ответишь, — и за писанину вредительскую, и за то, что в гражданскую с фронта бежал, в урмане прятался. Всё им обсказано...

— Брехня! — отрезает Бажов.

Снова появляется Валентина Александровна, вслушивается в разговор.

— Хитер бобер, — цедит Ченцов, — учителем в самой глухомане пристроился... Вызнал я, вызнал, чего в анкетах-то пишешь про партизанство свое в том урмане. Это уж когда мы по всему фронту колчаковцев погнали, — пришлось тебе в партизаны да подпольщики податься. Чтобы шито-крыто было, зачем ты в тайге-то прятался...

— Хватит! — Бажов с трудом сдерживается, чтоб не ударить. — Пошел вон, злыдень!

— Я-то уйду, да и тебе недолго тут оставаться. — Ченцов поворачивается и хромает к выходу.

— Стой! — останавливает его голос Бажова. — А интересно, чем сам-то живешь, каким смыслом?

Ченцов оборачивается.

— Радостью живу. Кулачье извели — радость! Заводы новые встают — радость! От троцкистской да бухаринской нечисти товарищ Сталин землю нашу очищает — радость! Вот когда всем врагам-вредителям каюк придет, — то и будет самая большая радость! А мне, инвалиду, самому ничо и не надо, — лишь бы стране хорошо!

Он уходит, и Бажов молча смотрит вслед, пока не возвращается Валентина Александровна, закрывая дверь за незванным гостем.

— Да, фигура... — медленно произносит Бажов. — Из таких, наверно, палачи хорошие получаются. Со смаком казнят.

— Знала бы, что он тут накаркает, — не пустила бы, — говорит жена.

— Эх, Валюша, да если б он один... — Горечь в голосе Бажова. — Не говорил тебе, а теперь чего уж таить. Не однажды меня в разных кабинетах про тот побег из плена выспрашивали. Почему, дескать, в Сибирь, а не на запад, к своим?... Да первой мыслью тогда было: через все заслоны, пусть и под пулями, — за Каму махнуть! Уже и к берегу пробирался, — а там засада... Едва снова в плен не угодил, тогда бы уж не вырваться. Ельник густой спас, кое-как от них оторвался, — и повернул на восток... Далекий путь

выпал — в партизанский урман. Мог ли тогда помыслить, что злопыхатели сыщутся...

— Да плюнь ты, не держи в голове! — махнув рукой, Валентина Александровна идет к своей швейной машинке.

— Стараюсь, милая жена, да не всегда получается. — И, помедлив, Бажов заключает: — Ладно, чего там, давай уж по присловью: «Живы будем, — не помрем!..»

ЕЕ ГЛАЗАМИ

Недели тянулись за неделями, вот уже и новый, 38-й год наступил, январь близился к концу, — а в житье нашем ничего не менялось. Только морозы крепчали и в доме становилось все холодней. Павел Петрович писал себе да писал. А я каждый день голову ломала, чем их с дочкой кормить. И когда 27 января — как раз в день его рождения — пришел он сияющий из той год молчавшей Комиссии, сказал, что восстановлен, вернули партбилет, — пропуск в жизнь, — я в первую минуту и слова вымолвить не могла, будто онемела от неожиданности... И сразу в застывшем нашем доме ветерком надежды повеяло. Павел Петрович по редакциям пошел, куда целый год и не заглядывал. Стал помалу в газеты писать, но постоянной-то работы не было. В издательстве, откуда с треском уволили, принимать обратно не торопились, может, места не было... А он времени не терял: ночами все писал свои сказы. И хотя так же медленно, трудно выходили они у него из-под пера, редкий месяц обходился без новой вещи. А в марте прочел он мне целых два новых сказа: «Тяжелая витушка» и «Горный мастер» — продолжение любимого моего «Каменного цветка». Перед самым маем наконец-то взяли Павла Петровича в Свердловск, на прежнее место — редактором краеведения. Не забыть мне тот весенний день, когда принес он первую за полтора года полочку, вместе с окрылившей новостью: решило издательство выпустить книгу сказов, — их к тому времени уже четырнадцать было написано. Название родилось сразу: «Малахитовая шкатулка». Но вот как он авторство обозначит? Это меня больше всего волновало. Неужели опять: «Записал П.Б.»? И сказы, над которыми бился, каждое словечко выискивал, — вроде как ничейными останутся?.. Помалкивала, конечно, — мне ли в его дела лезть? И он помалкивал, видно, размышлял. И как же я радовалась, когда сказал наконец, что на титуле будет его имя! Стали мы ждать-пождать. Приятное было ожидание, да, ох долгое. Пока наберут, да вычитают, да художник оформит, да все эти верстки, сверки, правки... А еще цензура все проштудирует, — сказы, не сказы, а без их штампа и печатную машину не включат... Сдали-то в набор в июле тридцать восьмого, а первые книжки пообещали уж в тридцать девятом, не раньше лета.

1938-й, ДЕКАБРЬ

Знакомая комната в издательстве. Бажов сидит за столом, рассматривая только что принесенные эскизы оформления своей книги, которую готовят к печати. Занятие приятное, — соответственно и настроение неплохое. Входит мужчина в очках, — тот

самый, что год назад принес черную весть. Только стал он с тех пор заметно солидней, — и лицом, и манерами, и костюмом.

— Здравствуйте, Павел Петрович!

— Здравствуйте! — И тут только Бажов узнает этого человека. — Ну, спасибо, что гражданином не назвали, — уже отрадно.

— Павел Петрович, давайте поставим на том эпизоде точку. — Мужчина опускается на стул. — Как говорится, кто старое помянет, — тому глаз вон. Извините за тогдашнюю резкость: обстановка была такая. Искренне рад, что все обошлось, что снова вы с партбилетом. И заранее поздравляю с книгой.

— Да она еще и к печати не подписана, — говорит Бажов. — После Нового года вроде должны подписать, — а тираж-то еще ждать да ждать...

— Тираж — дело нескорое, — хорошо поставленным баском соглашается мужчина. — А юбилейные экземпляры отдельно печатаются, они к вашему 60-летию точно поспеют. Вот это мне и поручено с вами обговорить: детали юбилея.

— В райкоме поручили?

— Нет, Павел Петрович, я теперь в горкоме работаю, в секторе литературы и искусства, — не без вестости сообщает о своем новом положении гость. — А вопрос с вашим юбилеем решался на самом высоком уровне. Издательство обратилось с инициативой, а товарищи в обкоме ознакомились с вашими сказами — и одобрили. Учитывая хорошие отзывы из Москвы.

— Спасибо на добром слове. — Полупоклон Баждова сдержанно вежлив.

— Через месяц, на чествовании, еще многое услышите, — с улыбкой обещает горкомовец.

— Ну, что сказать?.. Благодарствую от души. Но, если честно, — никак не привыкну к нежданному этому юбилейству, — признается Бажов. — Когда в издательстве о том заговорили, — всерьез и не принял. Это мне-то, — дважды из партии исключенному, с не снятым строгим выговором, в Союзе писателей не состоящему, да еще и автору изъятой, запрещенной книги, — и вдруг юбилей?..

— Павел Петрович, давайте раз и навсегда забудем об этой злосчастной книжке. Вы не виноваты, что пролезла в нее троцкистская нечисть и сгубила ваш труд, да едва и вас не сгубила. И — точка на этом... — Горкомовец делает паузу. — Вернемся к делу. Есть мнение: поздравить юбиляра с 20-летием литературной деятельности. Как смотрите?

— С 19-го года получается? Но я ж тогда «Окопную правду» редактировал, — какая уж там литература... Первая-то книга у меня в 24-м году вышла, — поясняет Бажов.

— Ну, с 15-летием не поздравляют. Не кругло. Давайте оставим 20-летие.

— Тогда уж сказать: «журналистской и литературной работы».

— Должно, Павел Петрович, — возражает человек из горкома. — Не звучит. Юбилей-то писательский, — значит, и деятельность творческая, литературная.

— Ну, не мне редактировать... — пожимает плечами Бажов. — Как скажут, так скажут.

— Вот и правильно! — Горкомовец встает, но, видно, вспомнив, что еще не все сказал, — снова садится. — Да, хочу еще ознакомить вас с тем, что намечено. Рецензию на «Малахитовую шкатулку» прочтете в «Уральском рабочем» дней за десять до юбилея. Боголюбов напишет.

— Рецензию? — Бажов не может скрыть удивления. — Да ведь тираж, поди, еще и печатать не начнут.

— Ну и что? Он и напишет, что книга ожидается. Чтобы народ знал... А в день юбилея «Уральский» целую полосу вам посвятит.

— Не было ни гроша, да вдруг алтын... — Не знает Бажов, что еще и сказать. Но одна фраза, словно сама собой, вырывается: — Гляжу я, всё-то у вас распланировано.

— А как же иначе? На то и поставлены! — Горкомовец встает и с полной благожелательностью протягивает руку тоже вставшему Бажову.

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— И настал день юбилея. Первый раз в жизни сидела я рядом с мужем на сцене перед полным-полнешеньким залом, — в Доме работников искусств на Пушкинской. Неловко было в стареньком своем платье под люстрами, под людским многоглазьем. И по его лицу видела, как непривычно ему вот так сидеть, слушать поздравления. И от облисполкома, и от свердловских писателей, от издательства, от «Уральского рабочего», даже из Москвы писательское приветствие пришло... Но я все это вполуха слышала. Одна мысль пронизывала: наконец-то! За весь труд нескончаемый, за пули, чудом не задевшие, за все мытарства, за мечту, не угасшую наперекор всему, за ночи бессонные над заветной тетрадкой, — наконец-то она улыбнулась, — судьба!.. И другие мысли невольно набегали: а где ж вы были, поздравители, когда, отовсюду изгнанный, писал он вот эти самые сказы в холоде, в недоедаловке, в обнищанном доме, который вы, как зачумленный, обходили? Да если б знали вы, что юбиляру-то накануне единственные брюки штопать пришлось, а сапоги до такого блеска наваксили, чтоб ветхость их в глаза не бросалась... Отшумел юбилей, — и в жизни нашей поворот обозначился. Сказы в газетах, журналах печатались, за книгу аванс дали. И смогли мы купить самое необходимое, приодеться малость. А «Малахитовая шкатулка» будто завязла в типографии. Уже приняли Павла Петровича весной в Союз писателей, уже и лето наступило, — только в июле выдали печатники немного экземпляров, но они и на прилавки не попали, в узком кругу разошлись. Вот тогда и получила я от моего писателя первую дарственную «Шкатулочку»... У нас у обоих уж терпение лопалось, когда в октябре появился наконец в книжных магазинах весь тираж. И тут такое началось, чего, наверно, никто не ожидал, а меньше всего сам автор. Мне любопытно было, — в один магазин зашла, в другой. И видела: «Малахитовая шкатулка» нарасхват шла, чуть не в очередь. И из Москвы, куда часть книг отправили, Павлу Петровичу о том же писали: в считанные дни всё раскупили.

1939-й, ОКТЯБРЬ

Одна из комнат бажовского дома. Валентина Александровна гладит белье. Входит Бажов с газетой в руках.

— Валянушка, прервись на минутку. Показать хочу.

— Что? — Жена, поставив утюг, подходит к нему.

— Неловко про самого себя... Но ты же обидишься, если не покажу. Ну, рецензии на «Шкатулку» в «Правде» и «Литгазете» ты уже видела...

— И видела, и перечитывала, — с улыбкой подтверждает Валентина Александровна. — Замечательно написали!

— И вот еще в «Известиях», — Бажов протягивает ей газету.

— Ну-ка, ну-ка... — Она разворачивает газету, находит рецензию. — О, большая! — Вглядывается в текст.

— Потом прочтешь, — говорит Бажов.

— Минутку... — Она громко читает: — «Чудесные, поэтические сказы, свежее дыхание...»

— Не надо вслух, — просит он. — Потом — про себя.

— Только гляну еще... Что глаз выхватит... Вот: «щедро рассыпаны словесные изумруды, мастер языка...»

— Просил же: не вслух. — Бажов закрывает газету, откладывает в сторону. — Перехвалу наворочено...

— Но ведь верно сказано: мастер!

— Валянушка, огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой. Мастер — народ. А мы, писаки, — подмастерья. Ну, я, может, не из самых последних...

— Из первых! — Знает Валентина Александровна: не любит муж громких слов, но радостно рвутся они из нее сейчас, не удержат: — Из самых первых!

— Вот я эти дни сколько книг подарил, подписал, — переводит разговор Бажов. — А самую-то первую кому надо было бы подарить, — ну-ка, милая жена, скажи?

— Хмелинину Василию Алексеичу. — Ответ ей ясен давно.

— Вот умница, — в самую точку!.. — одобрительно кивает Бажов. — Порадовался бы старик, что его побывальщины книгой стали, что по-доброму ее люди приняли.

— «По-доброму» — не то слово, — наотрез не согласна Валентина Александровна. — На ура ее приняли! Да разве сам не видишь? Многие ли знали Бажова год еще назад? А теперь и в газетах, и по радио, и в Москве... В Америку на Всемирную выставку книгу послали, — кому еще такое улыбнулось? — Приникает к нему, тихим, как в самые их задушевные минуты, становится голос: — Непривычно, боязно даже слово-то выговорить, но это, Пашуточка, — слава! Ярким солнцем проглянула, где вчера еще облака да тучи клубились...

Бажов закуривает трубку, теперь она прочно сменила прежние самокрутки и папиросы. Помолчав, глуховато произносит:

— Солнышко-то проглянуло, да только предве-

чернее оно. Светить светит, а греет-то уж не шибко. Не полднеевое.

— Что поделаешь, если полдень наш на крутоверть кровавую выпал. — Хорошо понимает она, что у него сейчас на душе.

— Ну, потом другие годы были, — говорит Бажов. — И вижу теперь, ясно вижу: раньше надо было начинать «Шкатулку» свою ладить. Всё казалось: не вызрело еще во мне, не по плечу, — а надо было наперекор...

— Чего уж себя зря попрекать. — Ей хочется заслонить, отвлечь его от самоедских этих мыслей. — Что ушло, то ушло.

— Так оно. Да, сколько там ни осталось, — вперед надо смотреть. — Он берет жену за руку. — Помнишь, как у протоппа Аввакума: «Инда еще побредем...»

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— Сороковой год будто в два цвета был окрашен. Первый-то цвет — счастливый, удачей озаренный. Начали мы уже привыкать к вчера еще непривычному, — к тому, что Павел Бажов стал самым известным в городе писателем. Да что там в городе, — по всему Уралу. На подъеме новые сказы писались, — один за другим. А в ТЮЗе спектакль шел «Малахитовая шкатулка», всегда с полнешеньким залом. И не удивилась я, когда осенью избрали Павла Петровича руководителем писательской организации. Видела: повеселели у него глаза. Новые заботы, конечно, зато — признание. Жить бы да радоваться... А пройдешь по улицам, увидишь длинющие хмурые хвосты очередей, — за маслом, за сахаром, за колбасой, — и испаряется радость. Карточек еще не было, но нормированье уже началось: давали по кило, а то и полкило на человека. Потому и старались занимать очередь целыми семьями, а выстаивать-то приходилось часами... За крупами, лапшой очереди еще не выстаивались, но многие начинали скупать и это, — в запас, на черный день. Откуда ждать беды, никто не знал, может, кто о чем-то и догадывался, да помалкивал. Город словно набряк тревожным предчувствием. У нас-то хорошо, да на таком вот фоне... Так и сорок первый год начался. Только еще длинней стали очереди, еще тощее полки магазинов. А 22 июня жизнь будто разрубило пополам, — война...

1941-й, НОЯБРЬ

Комната Союза писателей. На стене плакат военных лет «Родина-мать зовет». Уже вечер, за окном с наклеенными полосками бумаги — светомаскировка — темно. За столом Бажов просматривает какие-то документы. Входит один из эвакуированных писателей, мужчина лет под пятьдесят. Он из Ленинграда. На чисто выбритом лице уверенность знающего себе цену человека.

— Добрый вечер, Павел Петрович!

— Добрый и вам! — откликается Бажов.

— Хорошо, что вас застал. Поговорить хочу.

— Присаживайтесь, слушаю.

— Павел Петрович, вы читали мой роман «Стальное поколение»? — присев на стул, спрашивает ленинградец. — О героях индустриализации.

— Нет, не приходилось. — И, видя разочарование в глазах собеседника, Бажов отдает дань вежливости: — Знаете, сколько ни читай, — всего не охватишь.

— Издали в Ленинграде большим тиражом. И прессу хорошую книга имела... — не без гордости общается писатель. — Но я не о том. Понимаете, перед самой войной начал новый роман: те же герои — в наши дни, — ну, теперь и военная тема войдет. Но эвакуировались сюда, — и нет никакой...

Внезапно гаснет свет. «Опять отключили!» — возмущается ленинградец. «Ничего не попишешь: военные заводы поглощают...» — с этими словами Бажов зажигает резервно стоящую на столе керосиновую лампу. И возвращается на свое место.

— Ну, слушаю вас.

— Павел Петрович, нас пятеро: я, жена, двое детей и теща. В Ленинграде у меня 3-комнатная квартира была. А здесь дали 12-метровку в коммуналке. Еле три койки втиснули. Мы с женой на полу спим.

— Сочувствую. Но, увы, ничего не изменишь, — говорит Бажов. — Сами видите, сколько народу в город хлынуло. Все в тесноте ютятся.

— В тесноте, да по-разному! — возражает писатель. — В нашем же доме поэт, тоже ленинградец, — фамилию называть не буду, сами знаете. Семья — четверо, а получил на метр больше. За что, спрашивается? За душой-то три чахлах сборничка стихов. А у меня...

Его прерывает телефонный звонок.

— Извиняйте. — Бажов берет трубку. — Алло... Здравствуйте, товарищ полковник медицинской службы! Из двух госпиталей сегодня звонили, вы — третий. Нет, нет, не опоздали, что вы! У нас сейчас творческих кадров с избытком: чуть не семьдесят писателей. И из Москвы, и из Ленинграда, из Киева, из Минска. Имена-то какие: Федор Гладков, Агния Барто, Мариэтта Шагинян, Ольга Форш... Мы, свердловчане, в меньшинстве... Выступим, выступим у вас обязательно! Послезавтра у нас овощебаза, — литературе поручено перебирать картошку... А денька через три позвоню вам, — обговорим состав. Ну да, и поэты будут, и юмористы, и песенника возьмем с гитарой... Сам-то? Ну, могу прочесть из нового, если раненые не заскучают... Ладно, товарищ полковник, всего доброго! — Окончив разговор, делает запись в своих бумагах. Вынимает трубку, набивает табаком, закуривает. — Вот такие дела...

— Павел Петрович, если не секрет, где табачок берете? — любопытствует ленинградец. — Я второй месяц без курева.

— А у меня собственная плантация. Вырастет на грядке самосад, высушу его, измельчу, — вот и с табачком.

— Ну, вы все же в собственном доме. — Ленинградец вздыхает. — По крайней мере есть, где писать. А мне в той клетушке — никакой возможности...

— А вы идите в библиотеку, в читальный зал, — советует Бажов. — Многие наши там и пишут.

— Пробовал. Теснотища, негде приткнуться.

— Приходите пораньше, — и приткнетесь... — Бажов вынимает часы из брючного кармашка, смотрит

на них. — Ох, чуть сводку не пропустили!.. — Торопливо включает радио, — черную «тарелку», висящую на стене.

Слышатся позывные Москвы. И раздается голос диктора:

— Внимание, говорит Москва! От Советского Информбюро. В течение 26 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточенные бои происходили на Волоколамском и Сталиногорском участках фронта. За 26 ноября под Москвой сбито два немецких самолета...

Бажов выключает радио. Долгая пауза.

— Волоколамск... Это уж к самой Москве подползают... — Он раскуривает свою пригасшую трубку. — А мы еще тут ноём... Да чего стоят все наши нехватки и порухи — рядом с бедой народной?!

— Ладно, пойду я, — писатель понимает, что разговор окончен.

— Пойдите, — удерживает его Бажов. — Тут вы про мой дом упомянули. Тогда уж позвольте уточнить: и нас уплотнили. Семья эвакуированная живет. И еще дочь с сыном из Тулы. Да нас трое. Вы вот в тесноте, да при паровом отоплении и с водопроводом. А мы с боем дрова достаем да печки топим. А по воду — на колонку. И топять мне с палочкой до моих хором — десяток кварталов... Вам, извините, лет-то сколько?

— Сорок восемь.

— А мне 63-й доходит... — Бажов старается говорить примирительно. — Не в обиду будь сказано, — всем трудно, все перемогаются. И еще добавлю. Вы вот говорите: роман застопорился. А поглядите кругом: многие свои романы да повести отложили, — на заводы пошли, очерки, репортажи пишут, как Урал оружие кует. Вот где темы-то сегодня черпать!

В этот момент в комнату вбегает седоватая, но еще энергичная писательница в затрапезном пальтишке и ветхих ботинках.

— Ох, слава богу, застала! Павел Петрович, беда!

— Что стряслось?

— Вот прочтите! — Женщина подает ему повестку.

— «В 24 часа переехать на жительство в район-центр», — пробежав бумажку глазами, поражается Бажов. — Это как понимать?

— А вот так и понимать. Пришли вчера из домоуправления и спрашивают: «Вы с производством связаны? На работу ходите?» Отвечаю: «Я — писательница. Вот это колоченный столик — мое рабочее место». Покивали и ушли. А сегодня — эта повестка...

Она не успевает договорить, как в комнату влетает мужчина в очках с такой же бумажкой в руке.

— Павел Петрович, поглядите, что делается! Выселяют из города!

— Все уже знаю, — мельком глянув на его повестку, говорит Бажов. — В управление милиции надо звонить.

Снимает трубку, набирает номер.

— Алло, управление? Бажов из Союза писателей. Можно товарища Николаева? Да, да, подожду... — Не отрываясь от телефона, — первому своему собеседнику: — С такой повесткой, пожалуй, и по тесноте

своей затоскуете... — И в трубку: — Здравия желаю, товарищ Николаев! Тут какое-то недоразумение: писатели получили повестки о выселении... Что, что?.. Всех?! Решение обкома?! Ясно...

Ошеломленно кладет трубку. Озадаченно молчит.

— Ну, что там? — нетерпеливо спрашивает писательница.

— Он говорит, что так решил обком, — подавленно сообщает Бажов. — С жильем кризис, и будут переселять в районы всех, кто не ходит на работу. Нашу братию в том числе. Дескать, не все ли равно, где писателю сидеть и писать, — в Свердловске или в Ревде? Была бы бумага да чернила...

— Что же делать?! — чуть не хором восклицают все трое.

— Надо идти в обком. — Бажов поднимается из-за стола. И, помедлив, принимает решение: — Нет, не одному, — делегацией! Сейчас позвоню Анне Караваевой, она корреспондент «Правды». И без Федора Гладкова не обойтись, — он у нас из москвичей главный авторитет. А телефона-то нет, — как и у дедушки Бажова...

Склоняется над столом, торопливо пишет. И обращается к писателю-ленинградцу:

— Можете передать записку Федору Васильевичу, что срочно его ждем? Живет-то рядом с вами.

— Конечно. — Ленинградец берет записку и уходит.

— Жалко, Мариэтты Шагинян нет. В Тагил уехала, — о металлургах в «Известия» писать. Пробойная женщина — вот бы пригодилась... Ну ничего, соберемся втроем и двинем в верха. — Бажов снова садится к телефону.

— Час-то поздний, может, уж не будет никого, — сомневается писательница.

— Ну, они там чуть не до утра сидят. Сталин, говорят, ночами звонит, справляется, сколько чего на фронт отправлено. Худо тому будет, кого на месте не окажется... — И Бажов поднимает трубку.

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— Приходил домой затемно. Собрания эти, выстуженья — в госпиталях, на заводах, в казармах... Иной раз так задержится, — думаешь: уж не подстерegli ли где? На улицах-то темным-темно, ни единого фонаря. О машине и речи не было, — от самого центра пешедралом. А бандитя в голодном городе развелось, — за буханку хлеба запросто могли зарезать. Раздевали да обирали поздних прохожих бесcчетно. Ну, иногда провожали его из Союза мужчины. Да в случае чего, какая от них защита, — сами перестарки. Писатели, кто помоложе, все на фронте... И, как бы поздно ни пришел, — передохнет малость, пожует, что есть, закурит, — и к конторке своей, за перо. Выпускал его из рук уж под утро, тогда только засыпал. Полнилась, полнилась новыми сказками «Малахитовая шкатулка». Она-то полнела, — только автор от такой жизни исхудал, будто прозрачный стал. Борода совсем седая, по старому времени, ну прямо иконописный лик... Уж как упрасивала его хоть курево свое бросить, — ни в какую. Еще и приговаривал;

«Без табачка-то, может, и «Шкатулочки» бы не было»... Когда подступил сорок четвертый год, ни я, ни Павел Петрович и не помышляли, что отметят его 65-летие, тем более, за год перед этим присудили ему Сталинскую премию, первому из уральских писателей. Думали: ну, дата не круглая, да и война, — не до отмечаний. А, оказалось, — отметили, да еще как! Сколько поздравлений пришло, — и уральских, и московских, а дороже всего — с фронта. Писали фронтовики, что и в окопах, в землянках «Малахитовую шкатулку» читают, — недаром она в войну тремя изданиями вышла, и у нас, и в столице. На удивление, и горсовет заботу проявил: наконец-то бревенчатые наши стены изнутри оштукатурили, сразу потеплело в доме. Потеплело, а Павел Петрович жаловаться стал: «Воздуха не хватает», — потом уж пообвык. Пообещали еще и водное отопление устроить, да руки, видать, не дошли, — остались мы со своими печами. Зато уж дров навезли целую гору. Но самым неожиданным подарком была корова! Тут уж — не стану скрывать — взрадовалось мое домохозяйкино сердце: о молоке в ту пору приходилось только мечтать. И не нам одним было то молочко, — кто из писателей ни заходил, всегда полную кружку подносила и с собой непременно давала, — они уж и привыкли с посудиною приходиться. Так потом и говорили: «писательская корова»... Не успели к подаркам привыкнуть, — из Москвы весть прилетела: наградили Павла Петровича орденом Ленина. Война все дальше на запад сдвигалась. Вроде и дышалось полегче. И еще была радость: Ариадна наша — уже студентка... А поговорить с соседками, со знакомыми, — и язык прикусишь, неловко становится за свое благополучие. Только и слышишь: сыплются, сыплются кругом похоронки. И иной уже видится близящаяся Победа. Видится светлым кораблем, что все ближе подплывает, — да по красным волнам, рекой крови народной...

1945-й, ДЕКАБРЬ

Кабинет секретаря обкома по пропаганде. Над столом, за которым восседает хозяин кабинета, — большой портрет Сталина в форме генералиссимуса. Рядом, на столике, — несколько телефонов. Секретарь — типичный, крепко скроенный партфункционер той поры, ему лет сорок, — читает какую-то бумагу. Он в солидном костюме, при галстуке, — все, как положено. Раздается негромкий звонок внутреннего телефона, — это из приемной.

— Пришел? — сняв трубку, осведомляется хозяин кабинета. — Да, да, жду.

— Разрешите? — появляется в дверях Бажов.

Секретарь обкома встает, с улыбкой идет на встречу.

— Милости просим, Павел Петрович! — Крепко жмет руку. — Давненько, давненько не виделись.

— Ну, Николай Иванович, в войну столько приходилось докучать обкому всякими писательскими просьбами, что, поди, поднадоел, — говорит Бажов. — А теперь мир наступил, приезжий писательский люд домой вернулся, забот вроде поменьше, вот и стараюсь в высоких кабинетах не мельтешить.

— Ну, это вы, Павел Петрович, зря, — мне всегда

приятно с вами встречаться. — Секретарь под руку подводит Бажова к длинному «заседательскому» столу, усаживает на стул, сам садится напротив.

— Спасибо на добром слове, да дела-то бывали не больно приятные. — Бажов какой-то миг колеблется, стоит ли напоминать, но решает: стоит. — Помните, как постановление вышло — выселить неработающих из города, и писателей в том числе? Сколько битись пришлось за нашего брата...

— Да, были и у нас огрехи, наломали дров... — признает секретарь. — Но положение-то было отчаянное. Заводов эвакуированных в город втиснули, — ткнуть некуда. Каждый подвал, каждый метр жилья на учете. И все-таки извернулись, худо-бедно всех разместили, закрутились станки, и пошли наши танки и пушки потоком на фронт. Не зря сказано: Сталинский Урал — главная кузница Победы! И во всем этом, Павел Петрович, и ваш вклад немалый!

— Чего там, — сидел да пописывал, ковырялся в одиночку...

— Нет, Павел Петрович, не скромничайте, слово ваше людей вдохновляло. А «Сказы о немцах» вообще к снарядам можно приравнять, — прицельно по врагу били, святой ненавистью сердца воспламеняли! — Голос секретаря наливается привычным трибунным пафосом. — И великое спасибо вам, дорогой наш человек!

Приоткрывается дверь, слышится женский голос из приемной:

— Николай Иванович, Москва!

Секретарь протягивает руку, поднимает трубку белого телефона.

— Алло! Здравствуйте, Сергей Ильич! — Встает, и все дальнейшее говорит стоя: там, на проводе, большое начальство. — Да, в основном подобрали, сегодня завершаем. И женщины представлены, и беспартийные, — всё в должном проценте... — кивает словам «оттуда». — Ну конечно, конечно! Завтра высылаем список со всеми данными товарищей. Ясно, — обязательно учтем... До свидания!

Кладет трубку, но несколько секунд еще почти-точно стоит. Садится, что-то записывает в настольный блокнот. Потом говорит Бажову:

— Из Центрального Комитета звонили. — И, почти без паузы, приступает к делу: — Ну, Павел Петрович, давайте, как говорится, быка за рога. Как вы знаете, начинается первая после войны избирательная кампания — в Верховный Совет. И есть мнение выдвинуть вас кандидатом в депутаты. Как смотрите?

— Честно сказать, я уж уловил, зачем пригласили, — не скрывает догадки Бажов. — Что сказать? Почетно, конечно, и за доверие спасибо. Но ведь староватя, Николай Иванович, через месяц шестьдесят семь брякнет. Свой-то воз с трудом тяну, а потяну ли еще и депутатство?

— Павел Петрович, вы — слава Урала, всюду знают вас и уважают. Да у кого еще в наших краях такое авторитетное слово, как у вас? Одно слово ваше, одна подпись любые канцелярские препоны прошибет, поможет людям с бюрократизмом бороться, — к чему и призывает нас товарищ Сталин.

— Слышать-то лестно, — а вот поглядит народ на

мою седую бороду да и выдвинет в кандидаты кого помоложе.

— Лукавите, Павел Петрович. — Секретарь обкома с усмешкой качает головой. — Будто не знаете, что партия — руководящая сила нашего общества. Кого мы порекомендуем, того и выдвинут.

— Да все я знаю, — кивает Бажов. — Так сказал, вроде шутики.

— Ну, значит, договорились. — И секретарь деловито излагает решенное еще накануне: — Выдвигать вас будут по Красноуфимскому округу. Куст большой: Арти, Манчаж, Нижние Серги, ну и родина ваших сказов — Полевской. Так что готовьтесь к встречам с избирателями, — поездка недели на три.

Понимает Бажов: с решенным в этом кабинете не поспоришь. Но поездке он рад. Искренне и отвечает:

— Это по мне. Люблю с народом встречаться.

— Вот и ладненько. — Довольный, что дело сделано, секретарь, по обыкновению, задает вопрос: — Ну, а какие творческие планы?

— Планов-то много, да времени мало. Дни будто короче стали, — не успеешь оглянуться, а он уж прошел... И еще тормоз: зрение все худеет и худеет. Мелкий шрифт с лупой читаю, очки не помогают. Хорошо — машинку подарили, теперь на ней набрякиваю. Только сказы мои от этого не ускорились, — медленно на бумагу выползают...

— Сказы у вас, Павел Петрович, замечательные, — говорит секретарь обкома. — И отрадно, что стали в них появляться черты нашей советской эпохи, ленинская тема возникла. Спасибо, что прислушались к нашим пожеланиям. Вот таких бы сказов — да побольше!

— Сказы сказами, а у меня вот, Николай Иванович, исторический роман задуман, — решается сказать о заветном Бажов. — Урал 18-го века, перед Пугачевским восстанием. Я ведь еще в сороковом году заявку в издательство подавал на историческую повесть. Да война все задумки спутала... Тогда-то повесть виделась, а сейчас понял: шире надо пахать. Время далекое, а после войны словно бы зримей тот век стал. Недаром присловье такое есть: «После беды, как после горькой слезы, глаз яснее». Демидовых хочется во всей противоречивости показать.

— А была ли противоречивость? — вроде бы даже удивляется хозяин кабинета. — Крепостники, кровопийцы, народ мордовали.

— Верно, крепостники. Но какие заводы основали, как дело развернули! И сами — рабочего корня, из тульских кузнецов. Переходные фигуры из мужиков — в бары. Вот это и интересно... Да, материала-то собрано под завязку, история как-никак мой хлеб, — а взяться — руки не доходят. Вот если б поменьше было всяких обязанностей...

Этого намека секретарь обкома как бы и не слышит. Бросив взгляд на часы, поднимается из-за стола.

— Ну, ладно, Павел Петрович, всего вам добро. — Пожимает руку Бажову. — Значит, готовьтесь к поездке.

Депутатские заботы. Фото Ивана Тюфякова

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— И стал Павел Петрович депутатом Верховного Совета. Знала я, предчувствовала, что прихлынет у него работы. Но и представить не могла, что — столько. Ну, в Москву-то пару раз в год на сессию съездить — не хлопотно. Чего там, — сиди в кремлевском зале, речи выслушивай да голосуй единогласно, — всего и делов... А у себя, в Свердловске, — хлопот полон рот. По правилам-то прием избирателей раз в неделю, а к нему чуть не каждый день обращались. Бывало, и вечером к нам стучались, и раным-рано. Еще и телефон поставили, — названивал безумолку. А с каждым ходатаем разберись, да запрос направь, да проследи, как выполнят... Раз, помню, поздно уже, сел за свою машинку, — и тут звонок. Офицер демобилизованный просит помочь, на работе его начальство зажимает. Договорились о встрече, положил Павел Петрович трубку. И не выдержала я, говорю: «Уж не подходил бы так поздно к телефону. Сама отвечу, скажу, что отдыхаешь». Ка-ак он на меня глянул, век того взгляда не забыть! А потом и говорит: «Запомни. Валянушка: не в депутатстве только дело, — для меня каждый свежий человек, — как новый корешок для дерева. Отрежь их, — и иссякнут соки, усохнет ствол». Хотелось мне ответить: «Сам бы на себя посмотрел, как усох от всей мотни», — да язык не повернулся... А кроме депутатских хлопот, да поездок, да выступлений, — еще на нем же писательская организация, где повороты бывали ох непростые. Особенно когда началась кампания против «космополитов», которыми сплошь оказались писатели одной нации. Нашлись и у нас в Свердловске «активисты», — принялись подписи собирать, чтоб исключить неугодных из Союза.

Но без руководителя-то собрания не проведешь. А Павел Петрович как раз в Москве был, на сессии. Потом еще какие-то дела задержали, потом еще... И вернулся он в Свердловск, когда кампания-то уже пригласла. Видно, кто-то наверху «отбой» скомандовал. Шепнул мне после: «Дела-то придумывать пришлось, чтоб в дерьме не измазаться...» Но, как бы ни повернулось, — любил его писатели. Слово Бажова решающим было, потому и несли, слали ему рукописи, особенно молодые, — сколько времечка-то он на них потратил... И над всеми делами-хлопотами, будто солнышком, хоть и вечерним, «Малахитовая шкатулка» светила. Повсюду ее теперь издавали, — и на Урале, и в столицах, и переводы косяком пошли — английский, польский, чешский, даже персидский. В самой-то первой книге четырнадцать сказов было, а в юбилейную «Шкатулку» сорок девятого года их втрое больше вошло. И выплеснулась красота тех сказов из книжных берегов, — подхватили ее художники, композиторы, артисты. Сколько рисунков, картин, спектаклей, сколько музыки «Малахитовая шкатулка» породила, — не счесть. Больше всего моему любимому «Каменному цветку» повезло: два балета, опера, а потом и фильм всю страну обошел... Было, было с чем поздравлять Павла Бажова, когда в день семидесятилетия собрался в зале филармонии весь цвет города. Да разве только города, — со всего Урала были там люди и из Москвы. И из всех юбилейных слов радостней всего было мне слышать два самых простых и искренних: «любимый писатель». Снова и снова их повторяли. И думалось: вот оно, признание за всю жизнь многотрудную! Одна незадача: почета все больше, а для писательства-то времени все меньше... И когда через год после юбилея вызвали Павла Петровича в обком, надеялась я, что наконец-то войдут в его положение, освободят от непосильных нагрузок.

1950-й, ФЕВРАЛЬ

Комната бажовского дома, в чем-то обновившаяся за эти годы. Стены оштукатурены изнутри, оклеены обоями. Телефон на столике. Появилось пианино, его купили, чтобы учить музыке маленького внука — сына Ариадны. Валентина Александровна как раз и вытирает тряпкой пыль с пианино. Входит Бажов.

— Ну, что? — бросив тряпку, встречает его нетерпеливым вопросом жена.

— Все то же самое. Как и четыре года назад.

— Опять выдвигают?!

— И выдвинут, и проголосуют, и процент будет 99 с хвостиком, — все, как положено, — заранее известен Бажову государственный распорядок.

— В семьдесят один-то год!.. — Валентине Александровне трудно с этим смириться. — Неужто не сказал, про здоровье, про зрение свое?

— Не стал я ничего говорить. — Бажов кашляет, теперь это у него все чаще. — Всѣ они знают: и про возраст, и про здоровьишко. Но раз решено, что дедушка Бажов должен в Кремле заседать, — значит, так тому и быть. Это, Валянушка, партийное поручение: хочешь, — не хочешь, — выполняй. Назвался

груздем, — полезай в кузов... Да, честно сказать, и приятное в этом есть: какие-никакие права иметь, землякам в нуждах помогать, с большими людьми в Москве общаться. Если б вот только силенок побольше...

— В том-то и дело! — не может успокоиться жена. — Видела я, как ты эти годы в депутатстве своем выкалывался. Разве сможешь вот так же?

— Сколько смогу, столько смогу. Горка крута, да миновать нельзя... Благ всяких наобещали: отопление в дом, курорты хоть каждый год, льготы разные. Дали белке орехи, когда зубы стерлись... — Усмешка на лице Бажова. — И все наговаривают: «Современности бы в сказах побольше, современности...» А тут еще из журналов, из газет называют, — то к Первомаю просят написать, то еще к какой дате. Толкают со всех сторон, торопят. Я уж, по секрету сказать, и не рад, что телефон этот депутатский поставили.

— Да, куда спокойней без него было, — согласна Валентина Александровна.

— Вот стал писать для одного назойливого журнала сказ «Живой огонек». Сажусь за машинку и себя пересиливаю, — до чего ж скушно... — Бажов достает трубку, давно уже пустую, раздумчиво посасывает.

— И не надоело тебе свою пустышку сосать? — спрашивает жена.

— Пустышка и есть. Запретили врачи курить, а сунешь в рот, — и словно табачком повеет. — Бажов благодарно поглаживает свою верно служившую «курильницу». — Как у дитенка, — иллюзия утешения...

Раздается звонок телефона.

— Легко на помине! — произносит Валентина Александровна.

— Да, слушаю. — Бажов берет трубку. — Здравствуйте, товарищ редактор! Как поживаю? Да живой еще... Пишу, пишу, как обещал. Нет, до весны не получится. Уезжаю, ворочусь уж в марте. А там как пойдет... Извиняйте, скорохватом не свичен, не умею. Да и сказ для меня по материалу-то — не из легких. Вот такие дела... Ладно, всего доброго. — Кладет трубку, будто припоминая что-то, касается пальцами лба.

— А что со сказом-то? — нарушает паузу жена.

— Да публицистика прет, ничего не могу поделать. — В голосе Бажова досада. — Про то, как растет новый советский рабочий, как с наукой стал дружить... Да правильно оно, — только слова какие-то не мои подбираются, будто по чужой подсказке. Живинки не стало. Или уж так остарел я?..

— Ну, и не брался бы. — Никогда не разрешала себе Валентина Александровна вмешиваться в его дела, а сейчас вырвалось.

— Ты, милая жена, мой первый читатель и советчик. Вот прочтешь, — и скажешь свое слово. А я уж кончу, — не на середине же бросать. Да вроде и стоящее в сказе есть. Вот глянешь, и решим, что с ним делать. — Посасывая пустую трубку, Бажов ходит взад-вперед по комнате, держа руки за спиной. — Современность им подавай... Да я ей, современности, лучшие годы отдал. В газетах о ней только и строчил. А писательское мое полюшко — история, на нем мои хлеба колосются! Да мало успел сжать. Стоит

перед глазами полоса нетронутая, вижу, как колос осыпается, и жатка давно готова, а за дело взяться все недосуг. Прямо как у Некрасова: «Только не сжата полоска одна, грустные думы наводит она»...

— Это ты о романе задуманном?

— Уже и зачин в голове сложился, — кивает он. — Считай, первая глава, появление на Урале Демидовых, — а сесть, да начать, — сама видишь...

— Теперь вот опять по округу ездить, с избирателями встречаться. С твоим-то бронхитом... — Со вздохом выговаривается у Валентины Александровны.

— Да это-то — в радость. В людской гуще такое увидишь и услышишь, чего — хоть трое штанов до дыр просиди — сроду и не придумать. И мысли новые приходят, и слова. Поездка эта — за милую душу. А вот потом... — Бажов досадливо машет рукой. — Съезнова начнется: собрания, сессии, конференции всякие, писательские разборки, — заседаловка, суетиха нескончаемая, где борода бажовская непременно должна или в первом ряду, или в президиуме торчать... И знают ведь: безотказный дед-то, — ко всем придет, везде попридет. А захваливать начнут, не в укор будь сказано, — говорят-то часто, будто о покойнике. Словно уж все этот Бажов свершил. Иной раз крикнуть охота: да мне еще писать да писать! Только вот — когда?

— Папулечка, а может, попросить, чтоб тебя от писательского руководства освободили? Десять лет уж отбухал, пора бы кого помоложе.

— Да намекал я в обкоме, — и слушать не хотят. — Бажов снова принимается молча ходить по комнате, потом останавливается перед женой. — Валянушка, а помнишь, как Ермак кончил?

— В Иртыше утонул, в ночном бою. В «Ермаковых лебедях» у тебя описано.

— Вот мне те строки и вспомнились, когда из обкома шел... — И, будто спохватившись, обрывает себя Бажов. — Нет, пусть уж при мне останется: и выговорить неловко...

— И мне не скажешь? — неодобрительно качает головой Валентина Александровна. — Начал, так договаривай.

— Самому не по себе от той мысли, — после долгой паузы произносит он. — Ладно уж, исповедуюсь. Тебе одной. Ермак-то потому и утонул, что серебряная кольчуга — подаренье царское — на дно потянула... И подумалось мне: лауреатство, депутатство, все эти почеты-президиумы — на плечах моих стариковских вроде той же кольчуги легли...

— Папочка, — не удержавшись, вклинивается жена, — да ведь не только от власти почет, — от народа!

— Да неужто не понимаю? Кольчуга-то лестная, дорогая мне, да тянет, тянет она, — нет, не на дно, — от стола письменного утягивает, от рабочего моего места...

Слышится дверной звонок.

Валентина Александровна уходит открывать. А Бажов продолжает молча расхаживать, посасывая свою трубку-пустышку, временами забирая бороду в кулак. Жена возвращается с бедно одетой старой женщиной.

— Извиняйте, Павел Петрович, — кланяется та Бажову. — Из Красноуфимска я. На депутатский прием к вам не поспела. Вот и решилась домой. Уж простите старую...

— Да вы раздевайтесь, садитесь. — Бажов кладет в карман трубку, придвигает посетительнице стул. Женщина садится, сняв с седой головы платок и лишь расстегнув шубейку. — Ну, рассказывайте, с чем пришли.

— Тут вот мне написали, — сама-то малограмотная... — протягивает она бумагу Бажову.

Он водит лупой по строчкам, читает заявление. Спрашивает:

— Что, и спать в шубейке приходится?

— Дак холод, топи — не топи. Барак-то весь аварийный. А у меня самый торец, бревна прогнили... Все пороги обила. «Нету другого жилья», — и весь сказ...

— Ясно... Как вас звать-величать?

— Ченцова Евдокия Егоровна.

— Любопытно... — Бажов внимательно смотрит на нее. — А инвалид гражданской войны Ченцов, хромотает сильно, — случайно, не родня вам?

— Брат это мой. Вместе и жили. Третий уж год, как помер.

Невольно переглянувшись с женой, Бажов говорит:

— Значит, так, Евдокия Егоровна. Звонить уж никуда не стану, потому как дня через три сам буду в Красноуфимске. И обязательно к вам зайду. С кем-нибудь из горисполкома. Поглядим и подумаем, как вам помочь.

— Спасибо, Павел Петрович.

— Не за что пока. Увидимся.

— Ну, дай вам Бог здоровья!

Женщина, поклонившись, идет к двери, но у порога оборачивается:

— Павел Петрович, спросить еще хочу. Может, не к месту оно, уж не обессудьте...

— Слушаю, — глуховато звучит голос Бажова.

— А верно говорят, что вы первоначально на священника учились?

— Было когда-то, — явно не без удивления кивает Бажов. — Давненько уж мне про то не поминали... — И неожиданно спрашивает: — А вы в бога верите?

— В кого ж еще верить?... — И с этими словами женщина уходит. Валентина Александровна за ней.

— Ну и совпадение! — поражается она, вернувшись из прихожей. — Помнишь, как брат сюда явился?

— Как не помнить... — откликается Бажов. — А сестра-старуха — при чем? — И раздумчиво, будто сам себе, произносит: — Да, редко сегодня такое услышишь...

— Какое? — вопросительно смотрит на него жена.

— Слова ее эти: «В кого ж еще верить?»

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— И остался Павел Петрович депутатом на второй срок. Опять не умолкал телефон, опять нескончаемо шли со своими нуждами люди, — никому не было отказа. И прочая заседаловка ничуть не убавилась. Господи, если б знал, сколько ему жить-то осталось... Да

Бажов с женой Валентиной Александровной.
Фото Ивана Тюфякова

навряд ли притормозил бы, если б и знал. Такой уж человек... Мне только одной признавался, что сидит, бывало, в президиумах, а зал — как в тумане, лиц не видно. Уже и лупа часто не помогала, собственную рукопись не мог прочесть. А все равно на каждое письмо отвечал. Мы с Ариадной секретарствовали: и читали ему, и письма под диктовку писали. Ох, да только недолго все это продолжалось. В марте избрали, летом съездил в Москву на последнюю свою депутатскую сессию, а вернулся — кашель, боли, одышка... До осени еще перемогался, а в сентябре положили в спецбольницу. Диагноз был прежний: хронический бронхит, — да, видно, поняли уже врачи, что дело-то куда хуже. И отправили в Москву, в кремлевскую клинику. А там хмурым ноябрьским днем дали нам с Ариадной прочесть врачебное заключение: рак правого легкого и метастазы в левом, — не спасти...

1950-й, 3 ДЕКАБРЯ

Все та же палата кремлевской клиники. На кровати под одеялом — Бажов. Возникает знакомая негромкая музыка, и из темноты появляется фигура Малахитницы.

— Ты опять?! — удивление в ослабелом голосе Бажова.

— Не опять, — насовсем. — Малахитница подходит, берет его за руку.

— Какая у тебя рука холодная, — вздрагивает больной.

— Каменная, сам знаешь... — напоминает она.

— Камень, везде камень... — Голос Бажова всё тише. — Мне и судьба-то выпала — каменная. Еще и насмешница большая... Все же под вечер жизни тропку свою протоптал...

— Не тропка это, Павел Петрович, — качнув головой, поправляет Малахитница. — Тропок много протоптано, да зарастают они, после и следа не найдешь. А твоя дорожка никогда не зарастет, — торная она... — И крепче сжимает его руку. — Ну, пора, соберайся.

— Да мне ни рукой, ни ногой-то не шевельнуть...

— И не надо, — склоняется над ним Малахитница. — Туда ногами не ходят.

— Куда?

— В бессмертье, Павел Петрович.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«Горка крута, да миновать нельзя...» — эти вынесенные в название бажовские слова — словно эпиграф ко всей жизни писателя, подобной трудному и долгому восхождению.

Предвижу вопрос: а насколько достоверны в сути своей диалоги в повествовании, — разговоры Бажова с женой, с окружающими, с недругами? Отвечу сразу: всё, о чем говорят персонажи, основано на реальных фактах и обстоятельствах жизни писателя, на его реальных взаимоотношениях с людьми, а часто и на подлинных его высказываниях. Тем более что хронология, событийная канва жизни Бажова детально встает в монологах Валентины Александровны. Ну, а сам язык, его колорит, интонации, эмоциональная окраска? Да, всё это воспроизводилось по многочисленным воспоминаниям, свидетельствам друзей и близких Павла Петровича, по выдержкам из писем, заметок, дневников писателя, — немало бажовских фраз, словечек, характерных выражений вошло в повествование «в чистом виде». Сам автор, увы, лишь один-единственный раз студентом видел и слышал Бажова, выступавшего тогда, весной далекого 1948-го, у нас в университете. Но в какой-то мере пригодились и те студенческие впечатления...

Естественно, изображая в живых красках жизнь писателя, нельзя было обойтись и без «элементов доммысла», без собирательных образов, — от Малахитницы, являющейся в бажовских снах, до большевиков гражданской войны и партработников сталинских времен. Такова и фигура Ченцова, вобравшая в себя враждебность и недоверие, с которыми не раз приходилось сталкиваться Павлу Петровичу на жизненном пути. Доммыслен и отец Евлампий, — достоверно лишь его имя, да еще место и дата венчания молодой четы...

Разумеется, автор сознает, что многое в судьбе Бажова и сегодня остается недосказанным. Написанное — лишь первая попытка, и верится, что еще появятся произведения, глубже и объемней рисующие жизненный и творческий путь писателя, пережитое и сделанное им.

Хотелось, чтобы в этом повествовании Бажов предстал без «хрестоматийного глянца», — во всех перепадах, передрыгах, взлетах и драматичных моментах своей высокой судьбы. Удалось ли это — судить читателю.

ТУРИНСКИЙ СЛЕД ГЕНЕРАЛИССИМУСА

(История своеручных записок А.В. Суворова)

На сохранение для потомков

На втором этаже мемориального дома декабриста В.П. Ивашева в Туринске расположен кабинет хозяина. Старинные книги на полочке. Рабочий стол. Письменные принадлежности. Здесь, в скромных, неброских стенах, Василий Петрович более двух лет работал с автографами генералиссимуса А.В. Суворова. В последний раз записки гениального русского полководца находились в этом кабинете в 1840 году.

Как они попали сюда? Будучи не в силах по нездоровью и старости выполнить полностью поручение Суворова — выправить по его замечаниям сочинение немецкого биографа Фридриха Антинга «Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского», отставной генерал-майор, бывший генерал-квартирмейстер штаба Суворова и начальник суворовского штаба П.Н. Ивашев перепоручил эту работу своему сыну Василию Петровичу, опальному декабристу, поэту, художнику и композитору, туринскому ссыльнопоселенцу. С этой целью выслал ему в Туринск вместе с сочинением Антинга во французском переводе и своими воспоминаниями о полководце также автографы (рукописи) Александра Ваильевича.

Как видно из отцовского письма к сыну в уральский городок на реке Туре от 22 августа 1838 г., его желание было сохранить для потомков за вещанный ему князем Итальяским личный архив героя Рымника и Фокшан. Отец так и писал Василию Петровичу: «Посылаю суворовский архив на сохранение». Кто лучше любящего, преданного сына выполнил бы отцовскую волю?

«Нахожу великое удовольствие»

Как продвигался перевод сочинения Антинга на русский язык с уточнением содержания по суворовским подлинным документам в ураль-

ской глубинке, видно из писем В.П. Ивашева из Туринска отцу в симбирское имение Ундоры от 25 ноября и 1 декабря 1838 г. Василий Петрович признавался отцу, с каким удовольствием жадно перечитывал он в суворовском архиве те места, где упоминается о батюшкином военном поприще и о доверии, которое питал к П.Н. Ивашеву «славный вождь». «Вы, может быть, подумаете, почтенный мой отец, — писал В.П. Ивашев, — что я приневоливаю себя работать, напротив того, могу Вас уверить, что нахожу великое удовольствие в этом занятии».

Впоследствии в судьбе суворовских автографов наступает полная неизвестность. В 1838 г. генерал Ивашев скоропостижно скончался у себя в Ундорах от припадка грудной жабы, практически не получив двух последних писем сына. А в 1840 г. ушел из жизни и Василий Петрович.

25 ноября 1982 г. в областной газете «Уральский рабочий» («Архив полководца») был указан список «подозреваемых», у кого могли оказаться суворовские автографы из архива П.Н. Ивашева. Это правнучка суворовского генерала Ольга Константиновна Буланова — автор книги «Роман декабриста»; правнучка декабриста Ивашева Елена Константиновна Решко; декабрист Н.В. Басаргин, который, находясь на поселении в Туринске, помогал В.П. Ивашеву переводить книгу Антинга; муж сестры декабриста Ивашева князь Ю.С. Хованский; приятель Хованского писатель В.А. Соллогуб (последний передал в «Отечественные записки» туринскую рукопись генерала Ивашева о Суворове, полученную им от Хованского.

Увы! Подлинных суворовских документов у «подозреваемых» не оказалось. Не обнаружен суворовский архив П.Н. Ивашева и в фондах Санкт-Петербургского Центрального военно-исторического музея А.В. Суворова. Поиски продолжались. И вот — удача.

Неизвестный художник XIX века. Холст, масло. 84х66. Ленинградский Государственный военно-исторический музей А. В. Суворова

Омская находка

В книгах, которыми пользовались декабрист Басаргин и Менделеевы, из книжного фонда Омской научной библиотеки им. А.С. Пушкина, обнаружались вкладыши между страниц — списки суворовских автографов из архива П.Н. Ивашева. Списки сделаны рукой декабриста Басаргина. Как известно, поручик, старший адъютант Главного штаба Второй армии, член Союза благоденствия и Южного общества декабристов Н.В. Басаргин после отъезда из Туринска и Кургана, где был на поселении, служил писцом 3-го разряда канцелярии Омского пограничного управления сибирских киргизов. Очевидно, после перевода на службу в Ялуторовский земский суд, с согласия О.И. Медведевой, сестры русского ученого Д.И. Менделеева, с которой Басаргин после смерти прежней жены вступил в брак в 1847 г. в Омске, Николай Васильевич оставил в Омске на попечение родственников — Менделеевых — часть книг, которыми пользовался, и забыл заложенные в этих книгах копии суворовских автографов, сделанные им для продолжения работы над текстом Антинга. Возможно, эта «забычивость» вынудила Басаргина в дальнейшем прекратить работу над биографией А.В. Суворова.

Итак, хотя мы по-прежнему не знаем местонахождения подлинников суворовских записок из ивашевского архива, нам известно благодаря омской находке, какие именно суворовские документы побывали в Туринске, а также их содержание.

Недовольный вторым томом своей биографии

в записи Антинга, Суворов поручил П.Н. Ивашеву по возвращении из Одессы указать автору недостатки и неверности повествования, вызванные слабым знанием русского языка. Вот эта апрельская 1796 г. записка полковника из Тульчина (из туринского ивашевского архива):

«П(етр) Н(икифорович)...

Во второй части (биографии) Антинг скворца дроздом встречает, много немогузнайства и клокотни; тебе лучше известно, когда пуля, когда картечь, где штык, где сабля; исправь, пожалуй, солдатским языком, отдай каждому справедливость и себе — я свидетель».

А вот прежде неизвестный аттестат П. Ивашеву о присвоении ему звания секунд-майора после осады и победного штурма Очакова в русско-турецкой войне 1787—1791 гг.

«Аттестат Фанагорийского Гренадерского полку секунд-майору Петру Ивашеву. 1788 года июля 27 дню при наглom покушении турков числом до 300 пехоты из Очакова, отряженный со стрелками Фанагорийского полку к прогнанию, (Ивашев) ободрял примером своей неустрашимости подчиненных, истребляя повсюду неприятеля с отличной храбростью. При штурмовании крепости был вожатым колонны, поступал мужественно, исполнял дело свое со всякою точностию и исправностию, был всегда при своем месте и примером неустрашимости, подвергаясь всегда опасности, состоял до самого конца дела сего. Таковые его, г-на секунд-майора, храбрые подвиги свидетельствуя, нахожу достойным всякого воздаяния и уважения. Дан за подписанием моим и с приложением герба печати декабря 6-го 1788 г. Генерал Александр Суворов».

Будучи в тот период генерал-аншефом, командующим русскими войсками на Кинбурнской косе, Суворов, не дожидаясь одобрения вышестоящего начальства, самолично вручил награды отличившимся при Очакове, включая Ивашева-старшего.

«Великий Петр попробовал»

В туринском ивашевском архиве Суворова мы находим и другие документы.

Вот то самое «туринское» письмо генералиссимуса, написанное 16 января 1795 г. в Варшаве, где Суворов называет П. Ивашева своим другом.

«Дорогой и сердечный друг Петр Никифорович! Как ты думаешь о той войне? (Предполагаемой войне с Персией.— Ю.К.) Тебе, может быть, очаровательными кажутся Тамерлановы походы? Бараньи шапки персы не кавказские удалцы (горцы), оне никому не страшны, оне ниже стамбульцев (греков); не на оружие их должно обращать внимание, а страшат важнейшие наши неприятели: фрукты, вода и самый воздух, убий-

ственный для детей Севера. Великий Петр попробовал и завещал убежать их. Граф АСР (Александр Суворов-Рымникский)».

Набеги персов в Грузию вынудили Россию в 1796 г. к войне с Персией. В главнокомандующие Персидским походом прочили Суворова. Но возглавил поход царский фаворит П.А. Зубов. Поход продолжался недолго. Император Павел I в декабре 1796 г. отозвал войска в Россию. Мы не знаем ответа Ивашева на это письмо. Но скорее всего, Ивашев-старший разделял мнение Суворова о климатических трудностях Персидского похода для русских.

18 ноября 1795 г. по пути из Варшавы в Санкт-Петербург Суворов посылает Петра Никифоровича к генерал-фельдмаршалу, дипломату, командующему армией князю Н.В. Репнину с такой запиской:

«Милостивый государь мой князь Николай Васильевич! Сего поручитель полковник Ивашев (уже полковник!) имеет честь сообщить Вашему сиятельству о невозможности моей заехать в Гродно и принять рапорт Ваш по слабости здоровья моего: болезнь ноги и оттого слабость удручают меня. Пребываю с совершенным моим почтением Вашего сиятельства, милостивый государь, покорнейший слуга граф Александр Суворов-Рымникский».

Получивший чин генерала-фельдмаршала после взятия Варшавы, Суворов не хотел пышной встречи, подготовленной для него князем Репниным в Гродно, на пути следования Суворова в столицу. Герой Измаила приказал Ивашеву ехать вперед, отклонить все приготовленные полководцу почести и извиниться от имени Суворова перед Репниным, что от сильной боли в ноге он не в состоянии иметь честь быть у него. Конечно, это был лишь предлог. Суворов считал, что Репнин «упражняется больше в дипломатических изворотах, солдатского мало».

Записка Репнину — тоже из туринаского архива суворовских документов.

Мы не знаем общего числа «своеручных записок Суворова», посланных в Туринск. Поэтому трудно судить, все ли «записки» переписаны Басаргиным и все ли переписанное найдено. Пождем новых открытий.

БАУЕР Юлия Александровна, авт. учебных пособий.

Преп. нем. яз. 2-й московской жен. гимн. Авт. уч. пособий: «Руководство для нач. обучения нем. языку по естественному методу». Кн. 1-3. М., 1901-1906; «Краткие заметки о преподавании нем. языка по натуральному методу». М., 1915; «Сб. легких нем. рассказов с переводами нек. слов и выражений». М., 1910.

Венгеров. Источ.; РНБ.

БАУЛЕР А., авт. воспоминаний.

Участница одного из петерб. рев. кружков 70-х гг. «М.А. Бакунин накануне смерти: Воспоминания». — «Былое», 1907. № 7(19). С.62-87.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. №1364.

БАУЛИНА А., поэтесса.

Авт. стихотворных кн.: «Отрывки: (Стихотворения)». СПб., 1905; «Думы и песни». СПб., 1907; «Зори вечерние». СПб., 1910; «Мелодии» СПб., 1913; «Кантата в память 300-летия Дома Романовых. 1613-1913». Н-Новгород, [1913]. Написала также неск. работ по педагогике: «Заметки по ист. педагогики». Ч. 1. Н.Новгород, 1907; «Задачи современного воспитания». СПб., 1910; «Руководство к ведению детских подготовит. школ». СПб., 1907.

Венгеров. Источ.; Розанов; РНБ.

БАУМГАРТЕН, фон Ольга Аполлоновна, авт. воспоминаний.

Сестра милосердия Георгиевской общины. Напис. воспом. об англо-бурской и русско-япон. войне: «Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины св. Георгия. 1899-1900». СПб., 1901; «В осажденном Порт-Артуре: Дневник сестры милосердия». СПб., 1906; «Артур пал!.. Дневник сестры милосердия». [СПб., 1907]

Венгеров. Источ.

БАУЭР Мария, беллетристка.

Сотр. «Сиб. студ.» (1914-1915).

Здобнов.

БАУЭР Эмма Вильгельмовна (псевд. Эмма Б), драматург.

Масанов.

БАХ Ирина Алексеевна (1900 -), историк, лит. редактор.

Доктор наук. Готовила к печати соч. К.Маркса и Ф.Энгельса (М., 1946); протоколы Базельского конгресса Первого интернационала (М.-Л., 1934). Под ее редакцией изданы кн.: «Парижская коммуна 1871 г.: Время, события, люди». 2-е изд. М., 1981; «1 Интернационал и Парижская коммуна: Указатель лит., вышедшей в СССР. 1917-1970» М., 1971.

РНБ.

БАХ Лидия (псевд. Слободская-Шиповникова, Л.), публицист.

Сотр. журн. «Нева». Авт. ст. «Рабочее законодательство Австралии и Новой Зеландии». — «Заветы», 1913. № 8.

Масанов.

БАХ Лидия Алексеевна

В соавт. с А.И.Опариним напис. кн. «Алексей Николаевич Бах. Биогр. очерк». М., 1957.

РНБ.

(Продолжение на стр. 47)

Из истории уголовного сыска

Во второй половине XIX в. в российской полиции начала формироваться специализированная служба уголовного розыска. Органы этой службы на местах назывались сыскными отделениями (их нельзя путать с охранными отделениями, которые занимались политическим сыском). Главной задачей сыскальной полиции была борьба с растущей преступностью, в первую очередь — с профессиональными преступлениями.

Сыскные отделения появились сначала в «столичных» городах Российской империи — Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве. А на рубеже XX в. получили утвержденные штаты сыскных отделений еще четыре крупнейших города — Одесса, Рига, Ростов-на-Дону и Баку.

Однако, необходимость в профессиональном уголовном розыске к этому времени стала очевидной для администрации и населения других городов и регионов. На местах начали формироваться сыскные отделения, не имеющие законодательно утвержденных штатов. Этот процесс затронул многие регионы страны, в том числе и Урал.

Первое сыскное отделение на Урале было сформировано в 1903 г. в Уфе. Инициатором его создания стал только что назначенный на должность уфимского полицмейстера Г.Г. Бухартовский. Возглавил отделение один из приставов, заведовавших полицейскими участками города. Из другого участка к сыскальному отделению прикомандировали помощника пристава. Кроме того, от каждого участка выделили по одному городскому. Чтобы стать профессионалами сыска, им пришлось осваивать специальные розыскные приемы и методы, в том числе, как тогда говорили, «научные методы сыска» — антропометрическую регистрацию преступников и криминалистическую фотографию. Бухартовский добился от губернатора выделения средств, и на эти деньги при отделении оборудовали антропометрическое бюро и фотографию.

Уфимские сыщики первыми на Урале начали использовать для борьбы с преступниками специально обученных сыскных собак. Осенью 1908 г. уфимские служебные собаки участвовали в первом всероссийском кинологическом мероприятии — «состязании полицейских собак», состоявшемся в Санкт-Петербурге. А затем четвероногие помощники сыщиков приняли участие в выставках, целью которых было познакомить служащих полиции с породами служебных собак, их применением, приемами обучения и правилами ухода за ними.

6 июля 1908 г. император высочайше утвердил закон «Об организации сыскальной части». Создавалась всероссийская система органов уголовного сыска. В крупных городах учреждалось 89 новых штатных сыскных отделений. В зависимости от численности населения в том или ином городе, отделения делились на четыре разряда.

Согласно закону, штатные сыскные отделения появились в уральских и приуральских городах. В Оренбурге, Перми и Уфе формировались отделения третьего разряда, а в Вятке и Тобольске — четвертого. Штат отделения третьего разряда включал восемь сотрудников, а четвертого разряда — шесть. Проще всего формирование прошло в Уфе, так как там отделение уже фактически существовало несколько лет.

Сразу же после принятия закона многие местные начальники стали ходатайствовать об открытии в подведомственных им губерниях новых отделений. Тобольский губернатор просил учредить сыскное отделение в Тюмени, которая была крупным транспортным узлом на пути в Сибирь. А вятский считал нужным организовать отделение в Сарапуле. Сарапульский уезд был важным

Младший тюремный надзиратель (1885—1886 гг.) и чиновник тюремного ведомства VI—VIII классов (1885—1886 гг.). Реконструкция

Чиновник министерства юстиции в парадном мундире IX разряда (1834—1855 гг.), чиновник заведений императрицы Марии Федоровны в мундирном фраке (1834—1855 гг.) и канцелярский служащий министерства внутренних дел (1834—1855 гг.). Реконструкция

промышленным центром, так как здесь располагались военные заводы. Но эти ходатайства были отклонены. По мнению высших властей, в это время существовали более важные государственные задачи, чем борьба с преступностью.

Особенно настоятельной была необходимость создания профессионального уголовного розыска в быстро растущем Екатеринбурге, который хотя и не был губернским городом, но фактически превратился в экономический и культурный центр уральского региона. Пермский губернатор А.В. Болотов вел упорные и затяжные переговоры с центральными ведомствами об учреждении здесь сысского отделения.

Первое ходатайство об этом было подано министру внутренних дел 29 сентября 1908 г. Губернатор писал: «При Пермском

Помощник полицмейстера (1864—1867 гг.); унтер-офицер городской полиции (1867—1884 гг.) и городовая в шинели (1884—1892 гг.). Реконструкция

Городском Полицейском Управлении... образовано сысское отделение третьего разряда. В открытии такого же сысского отделения является крайняя необходимость и в городе Екатеринбурге, как еще более крупном центре, чем Пермь, как по количеству народонаселения, достигшего 60000 человек, так и по количеству преступлений».

Глава МВД не возражал, зато решительно воспротивилось ведомство Государственного контроля и министерство финансов.

Не удалось включить положение об учреждении сысского отделения в Екатеринбурге и в законопроект «О преобразовании полиции в империи», внесенный в 1913 г. в Государственную Думу. Впрочем, депутаты все равно не успели принять этот законопроект до начала Первой мировой войны, а затем он и вовсе был отложен.

Но отложить необходимость раскрывать, пресекать и предотвращать преступления было невозможно. И уже новый пермский губернатор М.А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский продолжил попытки убедить высших администраторов. В 1915 г. он дает такую характеристику сложившейся в городе ситуации: «Екатеринбург по количеству и характеру населения один из больших городов, значительно более многих губернских. Имея более 10000 жителей, он населен в большинстве рабочими, мастеровыми и мелкими служащими. Как в городе, так и в пригороде — Верх-Исетском заводе — проживает большое число так называемых чернорабочих, не имеющих определенных занятий, пользующихся случайными поденными заработками. Оставаясь часто без работы, эта группа населения выделяет из себя преступный элемент, главным образом воров. Обширный толкучий рынок, масса всевозможных притонов служат удобным и надежным местом для сбыта краденного. С каждым годом растущая дороговизна жизни, не уступающая столичной, а в некоторых случаях и дороже, сильно увеличивает число воров в названной части населения.

Являясь центром географическим, административным и промышленным для Урала, Екатеринбург привлекает к себе массу пришлого люда. Наравне с ростом интеллектуальной и культурной жизни в этом городе, сюда стремятся и отбросы общества, другая

категория преступного элемента, содействующая усилению преступности.

Таким образом, Екатеринбург находится в таких условиях, что в нем крайне необходимо учреждение сысского отделения, т.к. в таком большом городе естественно совершается много преступлений, а бороться с преступностью путем розысков по обнаружению совершившихся преступлений и задержанию преступников, при имеющемся комплекте чинов полиции весьма трудно — тем более, что в городе Екатеринбурге, как железнодорожном узле, преступникам легко скрываться и, похищенное сегодня в Екатеринбурге, сбывается завтра в другом городе за несколько сот верст и наоборот — и вообще для раскрытия преступлений необходимы агенты сысского отделения».

Губернатор выдвинул несколько предложений по решению этой проблемы. Если главной причиной отказов были денежные затруднения, то можно выделить средства из местного бюджета за счет экономии от незаемещения некоторых полицейских должностей в губернии. Если нельзя учредить новое отделение, то нужно увеличить численность сотрудников Пермского сысского отделения с тем, чтобы часть личного состава откомандировать в Екатеринбург. Если же и это невозможно, то губернатор соглашался даже на то, чтобы оставить губернский город без сысского отделения и перевести пермских сыщиков в Екатеринбург.

Наконец высшее полицейское начальство убедилось, что «при неблагоприятном разрешении этого вопроса, борьба с преступностью в городе Екатеринбурге... безусловно непосильна». Директор Департамента полиции В.А. Брюн-Де-Сент-Ипполит и товарищ (заместитель) министра внутренних дел, заведующий полицией, генерал-майор В.Ф. Джунковский добились составления законопроекта об учреждении в Екатеринбурге сысского отделения второго разряда. Однако ввести этот проект в действие опять не удалось. 23 сентября 1915 г. управляющий МВД князь Щербатов распорядился приостановить до окончания войны все дела об усилении полиции.

Еще одна возможность появилась в связи с тем, что с оккупированной противником территории эвакуировались полицейские учреждения. Пермский губернатор ходатайствовал о переводе в Екатеринбург одного из эвакуированных сысских отделений. В полной мере этот план не был реализован. Но все же в июне 1916 г. в Екатеринбурге организовали «временное сысское отделение» из эвакуированных полицейских. Возглавил отделение бывший помощник варшавского полицмейстера М.Е. Сушинский, а его подчиненными стали полицейские надзиратели люблинской полиции Иван Эрст и Александр Житков.

5 сентября 1916 г. екатеринбургский полицмейстер направил в городскую управу отчет, в котором говорилось: «Несмотря на то, что сысское отделение функционирует всего лишь около 3 месяцев, польза от его деятельности появилась с первых же дней. За это время все большие кражи и другие важные

**Екатеринбургский полицмейстер Ключников.
Начало XX в. (Из фондов СГИКМ)**

преступления раскрыты, много профессиональных преступников задержано и заключено в тюрьму, благодаря чему число крупных преступлений резко сократилось».

А 23 октября 1916 г. высочайшим императорским повелением был утвержден закон «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». В Екатеринбурге и Оренбурге стали действовать сысские отделения второго разряда, а в Челябинске, Перми, Уфе, Вятке и Тобольске — третьего. Кроме того, увеличивалась численность штатного состава отделений. В отделениях второго разряда работали по 14 человек, а в отделениях третьего разряда — по 12. Личный состав отделения делился на три отряда: первый отряд специализировался на борьбе с насильственными преступлениями (убийствами и покушениями, грабежами и разбоями); второй — на борьбе с хищениями, в первую очередь с профессиональным воровством; третий — на борьбе с «экономическими» и «нравственными» преступлениями (мошенничествами, фальшивомонетничеством, контрабандой, продажей женщин в публичные дома и т.д.). Но времени для реализации этой программы уже не оставалось. Наступающий 1917 г. стал последним для Российской империи и ее полиции. Однако опыт, накопленный сотрудниками сысских отделений, в том числе уральских, не пропал даром. Он стал основой для формирования органов уголовного розыска в Советской России.

Иллюстрации взяты из книги В. Н. Земцова и В.А. Ляпина «Екатеринбург в мундире».

Владимир ПУРОНЕН

Приключения бумажных денег

Некоторые коллекционеры искренне убеждены, что собирание бумажных денег нумизматики совершенно не касается. Такие любители именуют себя «бонистами».

Что же такое «бонистика»? В Советском энциклопедическом словаре читаем: «Бонистика, вспомогат. ист. дисциплина, изучает бум. ден. знаки и боны как источник по экон. и политич. истории об-ва». А вот «Словарь нумизмата» разъясняет, что нумизматика изучает не только монеты, но и другие формы денег, в том числе и бумажные. Так что бонистику следует признать составной частью нумизматики, как оно и есть на самом деле.

Серебро и ассигнации

Когда и где впервые появились в обращении бумажные деньги? Историки отвечают на этот вопрос уверенно — в XIII в. в Китае. Об этих деньгах поведал миру в своих воспоминаниях венецианский купец и путешественник Марко Поло, проживший в Китае в упомянутом веке 17 лет. Он же, Марко Поло, считается изобретателем слова «миллион». На русский оно переводится как «большая тысяча», «тысячища».

В Европе бумажные денежные знаки начали появляться в XVII в. В конце того же столетия бумажные деньги стали печатать английские колонии в Северной Америке. Но сравнительно широкое распространение этот вид денег получил лишь со второй половины восемнадцатого века.

Бумажные деньги обычно называют в обиходе кредитками или банкнотами, хотя правильнее было бы их именовать кредитными или банковскими билетами.

Кредитные деньги — это деньги, номинальная стоимость которых ниже собственной материальной

стоимости. Таковыми являются бумажные деньги или большинство выпускаемых сегодня монет из железа, алюминия, бронзы...

Банковские билеты — разновидность кредитных денег. В прошлом банкноты служили платежными обязательствами эмиссионных банков и разменивались на звонкую монету (золото и серебро). Это качество сделало их устойчивым средством обращения. Однако во время Первой мировой войны размен банкнот на золото и серебро в большинстве стран был прекращен, и банкноты превратились фактически в обычные кредитки.

В XVIII–XIX вв. бумажные деньги в России назывались ассигнациями. Название это имеет любопытную родословную.

«Асс», он же «ас» — древнеримская единица меры веса, груз,

Ассигнация

Кредитный билет

который следовало удерживать на ладони вытянутой руки. С развитием денежных отношений в Риме асс стал единицей веса медного фунта (либра) — слитки черновой меди в то время использовались в качестве денег. Как сообщает историк Плиний, римский царь Сервий Тулий, живший в VI в. до н. э., в числе прочих многочисленных государственных преобразований осуществил и денежную реформу. По его распоряжению кускам меди в один асс весом стали придавать форму прямоугольных пластин, на одной стороне которых выбивали изображения пегасов, быков, орлов, треножников... Эти изображения по-латыни назывались «сигнатум» — «клеймо», «метка». Таким образом, полное название первых римских «монет» было «ассигнатум», но в просторечии их называли короче — «асс». После того, как в Риме стали чеканить деньги из драгоценных металлов, ассы постепенно превратились в мелкие медные или бронзовые монеты. Вот от этих первых римских денег и получили свое имя бумажные деньги — «ассигнации».

В России бумажные деньги были введены в обращение особым императорским манифестом с 1769 г. На первых порах они ходили наравне с серебряными, хотя обеспечивались медными монетами, но уже к началу XIX столетия рубль ассигнациями стоил почти вдвое дешевле рубля серебром. Причина тому — неумеренный выпуск бумажных денег. И почти до середины XIX в. в России даже официальный денежный счет был двойным — «на серебро» и «на ассигнации». В 1843 г. тогдашний министр финансов России генерал Е.Ф. Канкрин сумел заменить ассигнации, к тому времени изрядно потерявшие доверие населения, более устойчивыми государственными кредитными билетами.

«Сашки» и «керенки»

Подобный избыточный выпуск бумажных денег со последующим их обесцениванием называется инфляцией. После Первой мировой войны инфляция поразила многие страны Европы. Пожалуй, быстрее всего бумажные деньги в те годы падали в цене в Германии, где счет сначала

шел на тысячи марок, затем на миллионы и, наконец, на миллиарды. Но все эти миллиарды недорого стоили. За миллиард марок можно было купить, например, почтовую марку.

Небывалая инфляция мирного времени свирепствовала в России в 1992—1995 гг. Организовало ее «с целью оздоровления экономики» правительство Ельцина—Гайдара. Эта инфляция уничтожила все денежные сбережения трудящихся. Кстати, в переводе с латинского «инфляция» означает «вздутие».

Первые бумажные деньги печатались, как правило, одним цветом на одной стороне простого бумажного листа и оформление имели самое примитивное: цифры номинала и название денежных единиц, номера серии, подписи, незатейливый орнамент... Но как только фальшивомонетчики освоили подделку бумажных денежных знаков, их внешний вид стал быстро меняться: вместо простой появилась бумага сложного состава с водяными знаками, многоцветные изображения печатались теперь на обеих сторонах банкнот, да и сами рисунки с каждым годом становились все сложнее.

Нередко банкноты, как и монеты, получали характерные прозвища, в обиходе заменяющие официальные названия. Обратная сторона долларов США по традиции печатается темно-зеленым цветом. Поэтому и внутри страны, и за границей их часто называют «зелеными».

Российские двадцатипятирублевые царские кредитки назывались «четвертными билетами», позже они получили прозвище

«Четвертной билет» 1909 г.

«Керенки»

«сашки» — по изображению на них Александра III. Сторублевые банкноты уважительно величали «катеньками» — по портрету Екатерины II. Стремительно падавшие в цене деньги Временного правительства получили кличку «керенки».

А в годы Гражданской войны появилось бесчисленное множество самых разнообразных денежных знаков, выпускавшихся чуть ли не в каждом крупном городе, где для этого были подходящие условия. Эти местные деньги заметно отличались по качеству

Денежные знаки 1923 г.

исполнения. Красиво оформленные пятирублевые банкноты выпускались, например, Уральским облсоветом в Перми в 1918 г. Помимо лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на них были красноармеец и матрос.

Деньги «воеводы» Дитерихса

Хотя в распоряжении Колчака находился золотой запас России, его деньги выглядели довольно невзрачно. Что делать, полиграфические возможности провинциального Омска — временной колчаковской столицы — заметно отставали от возможностей Петрограда или Москвы. «Краткосрочные обязательства Государственного Казначейства» — так официально назывались денежные знаки Колчака — печатались на простой бумаге без водяных знаков, да и то только на одной стороне. Зато их номинал и срок действия (до 1 марта 1920 г.) указывался сразу на трех языках — на русском, английском и французском. За их маленькие продолговатые размеры — примерно 58–59 мм на 143–144 мм — эти деньги получили прозвище «языки». После расстрела Колчака «языки» прекратили свое хождение.

В годы Гражданской войны случалось, что иные новоиспеченные генералы, атаманы или комиссары, не имея времени или возможностей для выпуска собственных денег, довольствовались тем, что ставили надпечатки на уже имеющиеся.

Вот кредитка — еще не «керенка» — Временного правитель-

ства достоинством в 25 рублей: качественная бумага с водяными знаками, великолепная печать, на лицевой стороне — Свободная Россия с соответствующей символикой на фоне Исаакиевского собора, корабельных мачт и паровоза... На оборотной стороне — двуглавый орел без регалий, забитый надпечаткой красного цвета: «Временная земская власть Прибайкалья». Деньги с такой надпечаткой имели некоторое время хождение на Дальнем Востоке. Некоторые почему-то считают, что «земская власть» — это власть земства, учрежденного в 1864 г. местного (сельского) самоуправления, упраздненного советской властью в 1918 г., но сохранившегося в Прибайкалье. Но у земств никогда не было права выпускать собственные деньги, да и самих земств в Сибири и на Дальнем Востоке практически не было. Но если «земская власть» — не земство, тогда что это такое?

Людям старшего поколения знакома песня «По долинам, и по взгорьям». Впрочем, ее и сейчас иногда исполняют по радио. В конце этой песни есть такие строчки:

*Разгромили атаманов,
Разогнали воевод.
И на Тихом океане
Свой закончили поход.*

Понятно, что в песне упоминаются важные события Гражданской войны на Дальнем Востоке. Но как понимать слова «разогнали воевод»? Вроде бы последние воеводы на Руси были во времена Петра I. Может, воеводы упомянуты здесь только ради рифмы?

А вот и нет! Один из ближайших соратников к тому времени покойного адмирала Колчака генерал Дитерихс в 1922 г сменил «правителей» Дальнего Востока (Прибайкалья) братьев Меркуловых. По аналогии с событиями Смутного времени свое правительство генерал назвал «земским правительством», свое немногочисленное войско — «земским ополчением» (иначе — «земской ратью»), а самого себя и ближайших сподвижников — «воеводами»... Однако повторить то, что удалось князю Пожарскому, генералу Дитерихсу не удалось.

Вот об этой «земской власти» и напоминает упомянутая надпечатка.

Советские червонцы

После окончания Гражданской войны во всех советских республиках стали обращаться дензнаки РСФСР, замененные с конца 1923 г. дензнаками СССР. Реформа 1922–1924 гг. покончила с хаосом в денежном деле нашей страны. На смену обесценившимся дензнакам пришел, пусть и ненадолго, рубль с золотым обеспечением. Все прежние деньги были аннулированы, но новые не везде доставлялись своевременно. В связи с этим на местах иногда возникали трудности, которые местные власти решали, сообразуясь со своими возможностями.

Банковский билет 1922 г.

Билет гос. банка 1937 г.

Например, в таежных районах Западной Сибири в качестве денег некоторое время использовались... винные этикетки, сохранившиеся здесь с дореволюционных времен. Впоследствии эти этикетки были обменены на червонцы.

Кстати, о червонцах. Это старинное название для советской валюты было утверждено не сразу. Первоначально предлагались и «федерал», и «целковый», и «гривна»...

Изображения на советских деньгах менялись довольно регулярно, через каждые несколько лет. В 1937 г. на советских червонцах впервые появился портрет Ленина – по случаю 20-й годовщины Октябрьской революции. А после реформы 1947 г. изображение Ленина стало обязательным для банкнот достоинством от десяти рублей и выше, а на купюрах в 50 и 100 рублей его профиль был виден на водяном знаке.

Позвольте, 10 рублей, 50 рублей, 100 рублей... А как же червонец? Увы! После 1947 г. червонец более не является отечественной денежной единицей, и банкноту, например, достоинством в

десять червонцев сменила сторублевка. Навсегда исчезли купюры в три червонца, зато появились двадцатипятирублевые...

Одновременно с червонцем были изъяты из обращения некогда знаменитые, введенные в 1938 г., казначейские билеты достоинством в один рубль с изображением шахтера, в три рубля – с изображением красноармейца и в пять рублей – с летчиком. В народе их так и звали: «шахтер», «солдат» и «летчик».

При денежной реформе 1947 г. десять старых рублей обменивались на один новый, при этом цены, зарплата рабочих и служащих сохранялись без изменения. Реформа 1947 г. памятна еще и потому, что одновременно отменялись (к сожалению, не навсегда) карточки на продовольственные и промышленные товары.

Денежная реформа 1961 г. для большинства населения не была неожиданной – упорные слухи о грядущем обмене денег ходили уже за несколько лет до того. Вопреки ожиданиям, «хрущевская»

Государственный казначейский билет 1961 г.

реформа оказалась на удивление «мягкой», и ее скорее следовало бы назвать «деноминацией», но этот термин в те годы еще не вошел в моду. Деньги менялись в соотношении 1:10, так же изменились зарплаты и сбережения, а цены в момент обмена выросли чуть-чуть, почти незаметно. По размерам деньги 1961 г. были гораздо меньше прежних, но изображения на них остались, в общем, традиционные: государственная символика, виды Кремля, портреты Ленина...

Мойте руки после денег

После 1991 г. инфляция в России стала расти небывалыми до того темпами. И пока доморощенные «специалисты по экономике» спорили, как ее называть — «гиперинфляцией» или «суперинфляцией», на новых денежных купюрах нулей становилось все больше и больше. Сторублевка превратилась в самую мелкую разменную бумажку — печатать деньги меньшего достоинства не было никакого смысла. Зато в обиход вновь вернулось почти забытое со времен Гражданской войны слово «лимон» — название для суммы в 1 миллион. Впрочем, «миллионерами» стали практически все.

Банкнота 1993 г.

Заметно изменилось художественное оформление банкнот — с них исчезла государственная символика, зато вновь, после многолетнего перерыва, появились изображения монархического и религиозного характера: вид памятника Петру I, многочисленные шпили и купола православных храмов...

Находящиеся в обращении бумажные денежные знаки сравнительно быстро изнашиваются — бумага, даже самого лучшего качества, остается всего лишь бумагой. А что, если заменить бумагу каким-либо другим материалом? Несколько лет назад в Великобритании выпущена новая банкнота достоинством в один фунт стерлингов на пластмассовой основе. Она чуть-чуть толще и тяжелее традиционных, но зато гораздо прочнее, практически вечная. Во время испытаний пластиковая купюра выдержала полмиллиона сгибаний и разгибаний, заметно при этом не пострадала.

В периодической печати промелькнула заметка о результатах исследования группы американских бактериологов, проводивших исследование загрязненности денег — звонкой монеты и кредиток. Выяснилось, что в среднем 13% монет и 42% бумажных денег несут на себе болезнетворные микроорганизмы, главным образом возбудителей гнойничковых заболеваний кожи и кишечных заболеваний. Чем меньше номинал — тем выше степень загрязненности. В связи с этим бактериологи рекомендуют не держать в карманах много мелочи, хорошо мыть руки после посещения магазина, не давать деньги детям и не дарить им копилки.

БАХ Наталия Алексеевна (в замуж. Николаева; 1895 –), авт. научных трудов.

Доктор химич. наук, профессор. Авт. научных работ: «Электропроводность и парамагнетизм полимерных полупроводников». М., 1971; «Радиолитическое окисление органич. соединений». М., 1955; Под ее ред. вышли труды Всесоюзного совещания по радиационной химии (М., 1957); «Сб. работ по радиационной химии» (М., 1955); кн. «Активный уголь». М.-Л., 1933. В 1995 г. в Москве вышла кн. Н.А.Бах: Очерки, воспоминания, материалы. РНБ.

БАХ Р. Е. (псевд. Девица Роза Скромноравова; Летец, И.; Настоящий Сорокин), писательница.

См. «Искра». 1859. № 19, 34; «Весельчак». 1858. № 36, 42; 1859. № 3, 4. Масанов.

БАХ Татьяна.

Сотр. журн. «Театр в карикатурах» (1914) - Т. Б. Масанов.

БАХАРЕВА Н.

(См. Романовская Н.С.)

БАХАРЕВА Наталья Дмитриевна, драматург.

Зав. театр. отд. «Пб. листка»; внучка Н.С.Лескова. Авт. пьесы «Красавчик» (в соавт. с С.Кондаковой). (Н.Б. и С.К.) Масанов; Венгеров. Источ.

БАХМЕТЕВА Александра Николаевна (урожд. Ховрина; 1823 — 1901), прозаик.

Была в дружеских отношениях с С.Т. и И.С.Аксаковыми, Н.В.Гоголем, Н.В.Станкевичем. И.С.Тургенев посвятил Б. стих. «Луна плывет над дремлющей землею», которое ввел потом в ром. «Дворянское гнездо» как адресованное Лизе. Была близка к кружку славянофилов. Писала в основном книги и брошюры для детей и нар. чтения по еванг., церковной и граждан. истории, которые много переиздавались. Авт. кн.: «Рассказы для детей о земной жизни Спасителя и Господа Бога нашего Иисуса Христа» (кн. 1-5), выдерж. 14 изд.

Русские писатели, (портр); Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

БАХМЕТЕВА Екатерина Петровна (урожд. Свинына; 1779 — 1841), поэтесса, прозаик, переводчица.

Жена ген-майора П.С.Бахметева. Сестра писательницы А.П.Свиныной (см). Сотр. в «Утреннем свете» (1780); «Чтении для вкуса, разума и чувствований» (1792, 1793); «Приятном и полезном препровождении времени» (1793, 1794, 1795); «Аонидах» (1798). Нек. произв. перевела вместе с сестрой А.П.Свиныной. О ней: Макаров в «Дам.. журн.». 1830. Ч. 30. С.49-55, апрель. № 17;

Слов. рус. писательниц (Свинына Е.П.); Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 75)

Юрий ШИШКИН,
фото автора

«ЗООПАРК» НА ПРОГУЛКЕ,

или Команда RIVERZOO
открывает сезон бурной воды
на Горном Алтае

Часть 1

Сегодня 22 апреля. За последнюю неделю погода наладилась, стоит жара и оставшийся на улицах города снег тает, образуя мутные ручейки, которые стремятся навстречу друг другу и складываются в реки. Ещё утром я занимался самой ненавистой в мире работой, но к десяти часам вечера мне подфартило, и удалось получить расчёт за строительный объект, на котором я вкалывал последние три недели. Являясь счастливым обладателем достаточной суммы денежных единиц для того, чтобы не подохнуть с голода в течение следующего месяца, я, не долго думая, отправился на вокзал, где приобрел билет на поезд до Н-ска, с твердым намерением двигаться далее в сторону Мажойского каскада на реке Чуя. Здесь должны встретиться все действующие лица этой «мыльной оперы». Перед отъездом успеваю черкнуть письмо своему братцу Васе с просьбой встретить меня на вокзале, где, имея час между поездами, мы можем обсудить дальнейшие планы заброски в зону боевых действий.

В шесть утра мой поезд прибыл в сибирскую столицу, и я был несказанно рад тому, что на перроне обнаружил не одного, а целых двух братьев — Васю и Антоху Огорельцева из Перми.

— Привет, чувак! Что новенького в городе Е? — говорит Вася и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Поехали сегодня с нами. Местная каяк-родео тусовка желает прыгать с Карпысакского водопада.

— Поехали, — говорю я.

Ну, мы и поехали. У водопада собралась действительно внушительная толпа, состоявшая из

людей здравомыслящих, которые на предложение попрыгать с водопада громко заявляли:

— Я? Отсюда? Да никогда в жизни!

Оставим, однако, этих людей в покое, ибо история не о них, и займёмся описанием оставшейся части тусовки, представленной людьми безмозглыми, которые без всяких заявлений отправились в ближайшие кусты переодеваться в драные гидрокостюмы. И шоу началось...

Через пару дней в неприметном и ничем не выделяющемся среди прочих городов Алтайского края городе Бийске состоялась встреча каякеров, пред-

ставляющих разные регионы нашей страны. На повестке дня был один вопрос — как при минимальных затратах в кратчайшие сроки добраться до красивого города Чибит. В итоге, через десять часов непрерывного драйва наша компания, состоявшая из шести человек, разбила свои шатры на нижней поляне, по неизвестным причинам именуемой местным населением «кролятник». Именно здесь и находился базовый лагерь нашей команды в последующие дни. В первый вечер все участники регаты собрались за чашечкой традиционного алтайского чая и наперебой рассказывали страшилки о встречах с бурной водой. Вечер выдался на удивление тёплый, и все радовались возможности прогуливаться в футболках, но, с другой стороны, каждый понимал: тепло — значит, вода поднимется. И она поднималась.

После завтрака Вася с Антохой уходят в Чибит искать машину, чтобы заехать наверх, до ГЭС, к началу Мажойского каскада. Кто-то должен остаться в лагере охранять вещи от любопытных аборигенов. Наверное, это буду я, поскольку родео-лодка есть только у меня, в то время как остальные участники проекта обладают сплавными дреднуотами, а Сэм вообще притащил целый пароход. Вскоре появляются родеомобиль, и «все уходят на фронт».

Для меня день проходит в надежде на то, что все эти «подонки» сгинут в ущелье и я стану законным обладателем кучи новомодных шмоток. Но надеждам моим не суждено сбыться. Ближе к вечеру вся банда появляется на склонах гор и спускается к лагерю. Рассказывают. Прошли только верхнюю часть, до порога «Тихоня». Здесь едва не утопили Сэма. Его прижало к не предвещавшему неприятностей камушку, где он и покинул лодку (или, попросту говоря, зажал), нырнул в слив и пропал. Антоха стоял на страховке под сливом, но Сэму удалось обмануть бдительного спасателя. Пронырнув не менее 20 метров под водой, он всплыл гораздо ниже этого места. Погоня за терпевшим бедствие Сэмом продолжалась вплоть до Оройского моста, что перед входом в порог «Президиум». Самостоятельно выбраться на берег он не мог, сперва потому что в сводях всё было закрыто наледями, а позже потому что (как выразился Вася) «ему уже немного оставалось». По возвращении в лагерь Сэм был всё ещё в шоке и смотрел на всех каким-то отрешенно-сумасшедшим взглядом. А впрочем, он всегда такой...

Таким образом, прохождение второй, наиболее слож-

Утром пришли дети горных алтайцев, принесли молоко в пластиковой бутылке из-под пива.
 — Молоко, — говорят дети.
 — Сколько стоит? — спрашивает каякер.
 Молчат в ответ, пожимают плечами.
 — Сколько денег хотите за молоко?
 Говорят о чём-то между собой, видно, боятся продешевить.
 Наконец самый старший выступает вперед и заявляет:
 — Восемьдесят! — сказал, как отрезал.
 Им предлагают тридцать. Опять молчат, совещаются, не понимают, что ли? Достаём деньги, показываем им. Соглашаются... Молоко свежее, жирное, с жёлтыми сливками сверху. Каякеры готовят на нём «Геркулес».

ной, части уще-
 ля было отложено на завтра. Однако нашим
 планам не суждено было сбыться. С утра зарядил
 дождь, холодина жуткая, вода продолжает расти,
 и есть опасность, что лодки, оставленные на берегу,
 отправятся на сплав, не дожидаясь затупивших
 каякеров. Ближе к вечеру мне и Антохе было пред-
 ложено прогуляться до места дислокации каяков с
 целью устранения этой затупы.

Ручей Орой, что впадает в Мажой с левого берега перед порогом
 «Президиум», преобразился в каскад водопадов. Мутная жёлто-
 коричневая вода катилась по голубому льду, ниспадая высокими
 ступенями в Чую. Здесь нас нагнал горный алтаец на мотоцикле.

— Здравствуйте, — говорит горный алтаец.
 — Здорово, — отвечаем мы.
 — Нурыльщики? — спрашивает он.
 — Да.
 — А не много? — он кивает головой в сторону реки, имея в
 виду воду!
 — Много, — отвечаем мы.
 — Я такого Ороя никогда не видел! — сказал горный алтаец и
 покотился дальше по своим горноалтайским делам.

На обратном пути мы попали в настоящий при-
 родный катаклизм. Встречный ветер больно стегал
 по лицу крупными градинами, продувая насквозь
 мокрую одежду. Вода по телу стекала в ботинки.
 Короче, было чертовски холодно и архимерзко.
 Вскоре пошел снег и всю ночь тихо шуршал по
 тенту палаток...

Земля успела прогреться тёплыми апрельскими
 днями, и утром снега на поляне почти не было,
 зато окрестные горы преобразились до неузнава-

¹ Алтайцы — язычники, они не произносят вслух назва-
 ния стихий, которым поклоняются.

емости. Вода
 в реке медленно начала спадать.
 Небо прояснилось, но солнце ещё долго не грело,
 и снаряжение не удавалось разморозить. Лишь к
 полудню наша банда, в полном вооружении, вы-
 двинулась наверх.

Пятеро человек в полной экипировке, с вёслами
 наперевес — со стороны мы были похожи на сред-
 невековых воинов. Все молча шагали по жёлтому
 плато, окруженному белыми горами, и каждый по-
 своему медитировал. Лично я старался не думать
 о предстоящем сплаве. Мы шли навстречу самым
 острым в мире ощущениям, навстречу свободе, и
 то, что мы получили, было настоящим кайфом!

Воды было действительно много. Множество
 мощных «бочек», но из-за высокой скорости потока
 лодки пролетали над ними, почти не проваливаясь.
 Высокие волны заливали глаза, взрываясь тучами
 брызг, и пороги походили на поля сражений. За-
 кончили уже под вечер, когда в каньоне стало сум-
 рачно и холодно. Особенно мёрзли руки. Когда же
 наконец причалили напротив лагеря, я уже не мог
 поднять лодку на берег. Мозг работал медленно,
 и ничего не хотелось. Но ещё хуже стало, когда
 пальцы начали оттаивать. От боли просто тош-
 нило... А потом всё прошло, и боль растворилась
 в осознании того, что был совершён сложный и
 интересный сплав.

Дети горных алтайцев принесли хлеб.
 — Сколько стоит? — спросили каякеры.
 Дети долго совещаются, наконец старший говорит:
 — Шестьдесят!
 — Нет, не надо, — говорят каякеры.
 Дети уходят, долго шепчутся в сторонке, после старший воз-
 вращается и спрашивает:
 — Сколько дашь?
 — Двадцать рублей, — говорит каякер, — это с надбавкой за
 доставку.

Хлеб горячий, но внутри сырой, непропечённый. Каякеры раз-
 ламаывают его руками, и булка быстро исчезает в голодных ртах.

Сэм с Андрюксой привезли из города на Неве хитросплетённое изобретение тамошних «ныряльчиков» для переноски лодок. В недоумении смотрим на клубок строп, из которого торчат пряжки. Хорошо, что есть кому объяснять, как этим пользоваться. Оказалось, весьма удобное и полезное изобретение. Напяливаем на себя лодки и медленно начинаем подниматься на плато.

Через какой-нибудь час мы уже на месте старта — ниже порога «Президиум». Вода немного спала, пороги выглядят проще, но некоторые бочки стали жёстче. С самого начала всё как-то не заладилось. В первом же пороге — «Разминка» — Андрюкса выполняет пару красивых loops² на своей лодке. Складывается впечатление, что он сюда родео приехал заниматься и всё время ищет подходящую бочку! Следующий порог — «Косой», или «Кривой» — представляет собой классическую «змейку» и слалом между бочек на выходе. Я занимаю удобную для фотосъёмки позицию и даю отмашку на старт. Антоха легко проходит порог и занимает место на страховке в «суводи». За ним Сэм. Он ненадолго залипает в одной из бочек, но вскоре присоединяется к Антохе. Андрюкса круче всех: долго «варится» в первой бочке, из неё переходит во вторую, которая медленно, но верно уводит его под скалу. Долго борется, но силы не бесконечны, и, в конце концов, «жабит!» В не самом, мягко говоря, подходящем для купания месте. Его надолго топит под скалу. У всех, кто наблюдает это, сердце замирает, и эти несколько секунд кажутся вечностью. Но вдруг оба каякера срываются из «суводи» и уходят вниз, пропадая из видимости. Тщательно упаковываю камеру в гермомешок, твердя себе: «Торопиться незачем, двое спасут одного». И всё же бегом возвращаюсь к лодке и отправляюсь за ними следом.

Едва заканчивается один порог, впереди открывается новый. Замечаю на берегу горе-родеиста.

Сразу видно, что чуваку досталось: сгорбившись, он сидит на камушке, спиной ко мне, обхватив голову руками. В таких случаях говорят: на человеке лица нет. И вправду вместо лица — бледная маска, парня просто не узнать. Андрюкса медленно приходит в себя, я оставляю его и иду по берегу дальше (благо здесь есть берег) посмотреть, не видать ли спасателей. Вскоре мне на встречу попадает Сэм. «Ну, всё в порядке», — думаю я. Не тут-то было! Спрашиваю его:

— Лодку поймали?

— Какую б... лодку. Я и свою-то упустил!

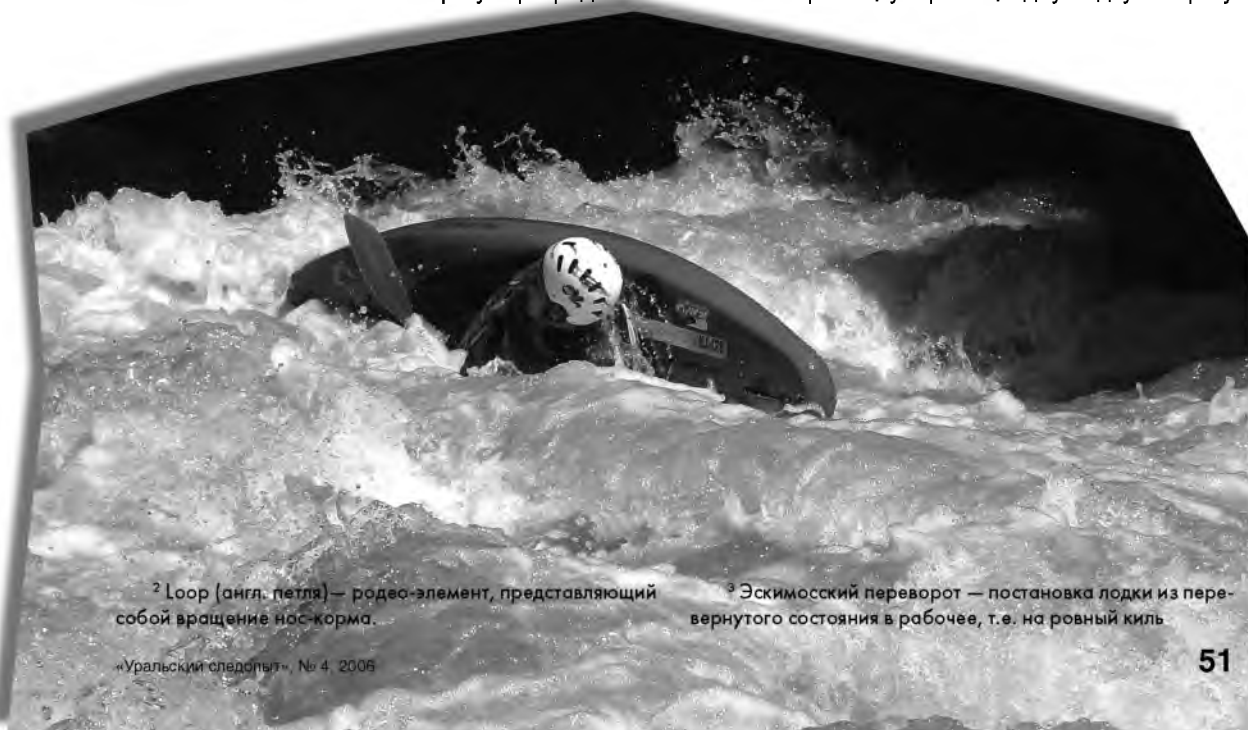
— Вот те раз, что же теперь делать будем? А где Антоха?

— А ушёл дальше, за лодками!

Классика жанра. Один каякер подбирает второго, затем сам переворачивается и не может вывести весло на исходную позицию для «эскимоса»³, так как ему мешает второй каякер, висящий на его лодке. Андрюксу можно простить, он наверняка плохо соображал, что происходит. Но всё это только лирика, а вот факты нашего бытия были безрадостными! За Антоху я ничуть не беспокоился, этот не утонет, а вот нам как быть?

Итак, мы застряли на длинной полке левого берега между порогами «Каскадёр» и «Сито». Близился вечер, и надо было принимать решение. Трезво оценив ситуацию, мы с Сэмом решили переправиться на противоположный берег. Здесь ещё можно было выбраться из ущелья и вернуться в лагерь верхним плато. Окажись мы на сотню метров ниже по каньону, всё было бы гораздо сложнее. Я без труда перевёз Сэма, а затем и Андрюксу на правый берег, где мы пожелали друг другу удачи и расстались. Совершать подвиги в одну каску (то есть в одиночку) способны только истинные самураи, такие, как Антоха! Уже после, в лагере, он рассказывал:

— Я стараюсь, упираюсь, одну лодку к берегу

² Loop (англ. петля) — родео-элемент, представляющий собой вращение нос-корма.

³ Эскимосский переворот — постановка лодки из перевернутого состояния в рабочее, т.е. на ровный киль

причаливаю, вдруг вижу, вторая плывет! Я за ней погнался, так и проехал все пороги...

Ну а я все пороги обнёс, нашёл вторую лодку, спрятал её на берегу и вскоре тоже был в лагере. Позже вдвоем с Андрюксой мы вернулись назад, он спустился на веревке вниз, привязал лодку, поднялся сам, и уже вдвоем мы её вытащили наверх.

И опять приходили к каякерам алтайские дети. Старший предложил отведать молоко горного козла за сто рублей. «Интересно, где он его поймал, этого козла, и как доил!», — подумали каякеры. На поверку молоко оказалось коровьим, да к тому же разбавленным водой. Этот инцидент положил конец бизнесу по-алтайски.

Сегодня у нас забрали ещё одну сплавную лодочку. Андрюкса остаётся отдыхать в лагере, и мне достаётся его «Liquid logic «Huck». Довольно интересная штука, всего 2,38 м длиной, с абсолютно круглым дном. К преимуществам лодки стоит отнести удобство посадки, но на этом, пожалуй, все «плюсы» и заканчиваются.

Снова уходим наверх пешком и тратим на прохождение всех порогов нижней части (кроме порога «Президиум») менее полутора часов! Вода ещё упала, но однозначного мнения о том, что более низкий уровень воды упрощает пороги, нет. Размеры некоторых ужасных бочек уменьшились, снизилась скорость потока, пропали волны. Зато другие бочки стали более жёсткими, открылись коварные карманы в скалах порогов «Русские

горки» и «Недотрога». Но мы всё прошли быстро и без происшествий. Всё было сделано легко. Чувствуется, как приходит уверенность, с каждым днем руки вспоминают, что делать, движения становятся чёткими и быстрыми. А вода каждый день меняет пороги, появляются и исчезают новые варианты прохождения.

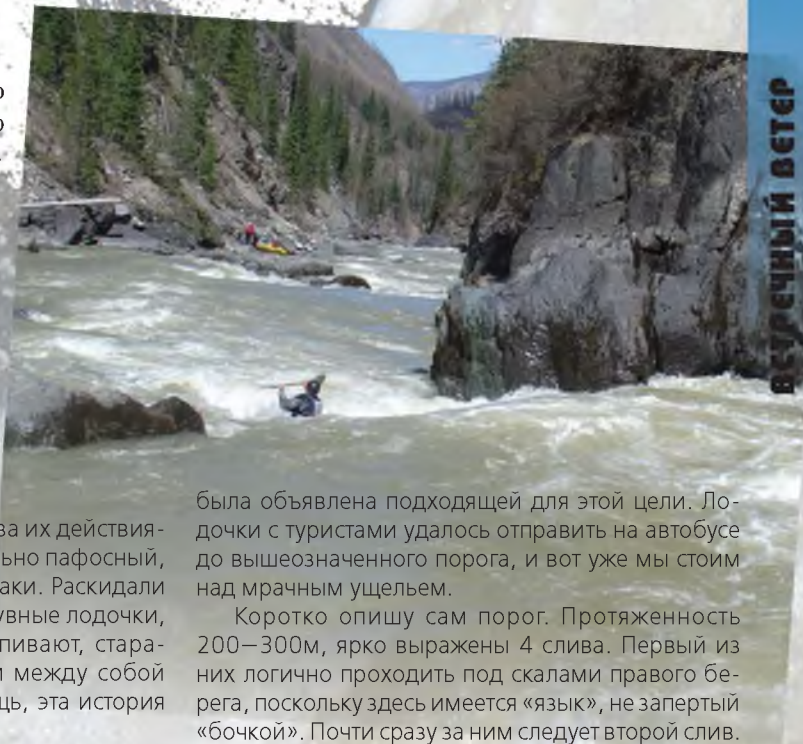
Алтайские дети замыслили злодейскую диверсию. Вечером под прикрытием крутого берега им удалось незаметно проникнуть в расположение лагеря каякеров. Их грязные, шаловливые ручонки уже тянулись к яркой снарядке, что висела на веревке, когда один из каякеров заметил неприятеля. Отсюда мораль: если к вам в лагерь приперлись дети горных алтайцев, гоните их в шею, не дожидаясь, пока те что-нибудь сяннут.

На Мажой приехали первые турики (туристы). Некоторые из них очень забавны. Может, мы тут слегка одичали, но вся наша компания с интересом наблюдает за их действиями. В основном это народец довольно пафосный, хотя есть среди них и простые чуваки. Раскидали по поляне свои разноцветные надувные лодочки, какие-то железочки, водочку попивают, стараются вспомнить, как эти железки между собой скручивать. Ну да бог им в помощь, эта история не о них.

Вечером на надувном матрасе собрали военный совет и, недолго думая, постановили назавтра «утопиться» в пороге «Президиум». С утра погода

была объявлена подходящей для этой цели. Лодочки с туристами удалось отправить на автобусе до вышеозначенного порога, и вот уже мы стоим над мрачным ущельем.

Коротко опишу сам порог. Протяженность 200–300м, ярко выражены 4 слива. Первый из них логично проходить под скалами правого берега, поскольку здесь имеется «язык», не запертый «бочкой». Почти сразу за ним следует второй слив. Здесь вода фильтруется через россыпь скальных обломков, частично уходя под них. Большая часть воды направляется также под правый берег, представляющий собой отвесную скалу. Поток валится

через большой обливник, образуя подковообразный слив (концы подковы вытянуты вниз по течению), запертый мощным «котлом». За сливом, справа, имеется неприятный карман, образованный каменным зубом, отколовшимся от скалы правого берега. Далее сле-

дует около 50 м быстротока, затем третий слив с несколькими вариантами прохождения и уже в конце пресловутой «Стол Президиума», образованный множеством камней, через которые несколькими протоками сливается вода. Для каяков подходит любой из этих проходов. Таким образом, при нашем уровне воды наибольшую сложность представляла именно первая часть порога.

Андрюкса, проведший предыдущий день в лагере, оправился от психологических травм и не намерен более терять драгоценные для сплава дни, а значит, мне выпадает роль фотооператора. Утром к нашей команде присоединился Вася Чесноков из Томска. Он недавно приобрел замечательную сплавную лодку и решил опробовать её на Мажое.

В то время как мы осматривали порог, снизу из ущелья Чуи поднималась катастрофическая непогода. Свинцовые тучи быстро заполняли небо, ветер уже начинал крепчать, и необходимо было спешить с прохождением. Сейчас или никогда! Я спустился вниз, к самой воде, и занял удобную для съёмки позицию под скалами правого берега на окруженном водой камне. И тут порог, зрителей и операторов, спасателей и какеров накрыло холодным ливнем и шквальным ветром. Меня едва не сдувало с камня, когда на входе в каньон показалась «двойка» и немедленно перевернулась в первом же сливе, который с берега выглядел наиболее простым. Её забило на камни «Стола» и удачно промыло мимо меня.

К тому времени, когда появились каякеры, я успел вмерзнуть в камень, на котором сидел. Первым шёл Антоха. Вопреки желанию и расчётам, его впечатало в правую часть «Стола», откуда ему удалось удачно «канализировать» мимо объектива

⁴ Особый приём — прыжок с отвесного слива с приземлением на плоское дно.

моего фотоаппарата. За ним шёл Вася, потом Сэм, вдалеке махал веслом Андрюкса. Вася пронёсся мимо меня на большой скорости, буфанул⁴ со слива слева от «Стола» и ушёл вниз на страховку.

Позднее Сэм рассказывал: «Я отчалил от берега третьим и пошёл за Васиной лодкой. Ориентируясь на неё, прыгнул в первый слив, рассчитывая уйти ближе к скале правого берега, когда увидел, что там, перед «карманом», под вторым сливом «заварился» Вася. Скатился левее и перевернулся в подковообразном «котелке», потерял скорость и курс и не успел объехать «Стол» слева, попал в его протоки».

Сэм шёл третьим, и за ним никого не было. Где же Андрюкса? Глядя на порог через видеоискатель камеры, я надеялся, что вот-вот появится его синяя лодка, но в белой пене потока не было никаких посторонних движений. Поворачиваюсь к Сэму (он стоит на страховке за камнем, с которого я снимаю), но он лишь пожимает плечами. Несколько минут томительного ожидания показались вечностью. Наш братец сгинул, как сквозь воду провалился. Поднимаю глаза на скалы, где в напряженных позах застыли операторы, прильнув к окулярам своих камер (дорого бы я дал за то, чтоб узнать, что они видят сквозь свои волшебные линзы)...

Андрюкса появился внезапно и на ровном киле из-под левого берега. Как было видно потом на видео, его заварило в «котле» перед карманом, и долго не удавалось выбраться. А после, как по волшебству, перенесло под левый берег в суводь, где можно было перевести дух и затем спокойно зайти на выходную ступень. Каякеры скрылись за поворотом, а мне пришлось выбираться из каньона по мокрым и обледеневшим скалам, под проливным дождем, поминутно отогревая руки собственным дыханием.

(Продолжение следует)

Елена МИНАКОВА,
фото Сергея КИСЕЛЕВА

Краски и хлеб Михаила Толкова

Я бы назвала тобольского живописца Михаила Толкова богом ветра и дороги. Он пишет стихи, но не это пристрастие художника отличает его от многих.

Мне почему-то кажется, что в работах Толкова природа наделена душой и выглядит немного беззащитно...

А однажды я — простой зритель — увидела художника, что называется, среди людей. В окружении коллег, на выставке своих работ в Тюменском областном музее изобразительных искусств Михаил Григорьевич стоял с букетом строгих, «мужских», цветов — хризантем, подаренных ему по случаю его творческого праздника. Из композиции, правда, дерзко высовывался гребень стрелиции. И я подумала: все как в жизни, — талантливый человек вечно пытается заглянуть за горизонт, а за дар прозрения судьба назначает, как правило, непомерную цену. Вот только какую?..

«Чтобы проанализировать творчество Полкова, надо проанализировать его жизнь», — так говорят об удивительном человеке из Тобольска те, кто его давно знает. И действительно, в жизни мастера, а значит, и в его живописи немало драматургии. Родился художник в 1948 году вблизи Тобольска, в деревушке Бесово, которую, по преданию, основал в далекие-далекие поры лихой казак Ермака Никита Бесов. Многие полагают, что легендарная удалая воина передалась и нашему современнику. Трудно сказать, так ли это на самом деле, но о масштабах натуры художника можно судить хотя бы по его образу жизни. В более-менее стабильные времена приглашал Полков всех, «кто пишет», в свой отчий дом — в Бесово — словно на какую-то академическую дачу. На дверях никогда не было крепких замков. Наступили иные времена. Сегодня, к сожалению, нелегко живется добрым бессребреникам, но душа художника открыта друзьям по-прежнему, для многих он — защита и опора.

Многие отмечают и то, что в живописи Полкова живет самая настоящая музыкальная гармония. Пейзажи Прииртышья, по воле художника, носят кроткие названия — «Закат», «Мартовский вечер», «К вечеру» — но именно в них угадывается мелодия печали. Величественный Тобольск, полуразрушенный за годы перестройки, «звучит» с полотен художника, как неугрюмая симфония. «Непосредственный язык души» — музыку однажды избрал художник для общения со зрителями и остается верен самому себе поныне.

Ленинградская школа живописи славится по всему миру. Именно в городе на Неве с 1975 по 1981 годы получал академическое образование в институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина самородок из Тобольска. Постигал азы творчества с помощью мастеров А.Д. Зайцева и Л.В. Худякова. А когда получил диплом, то вернулся в Тюмень, поближе к своей малой родине. Мастер безлюдного городского пейзажа, пронзительный лирик Тюмени Юрий Рыбьяков однажды обмолвился: «У нас многие заканчивали академию, но Полков — лучший»...

С 1985 года Михаил Григорьевич — член Союза художников СССР, а с 1987 года постоянно живет в Тобольске и... для Тобольска. Творческий диапазон художника велик, это отмечают не только профессионалы. Полков вроде бы — приверженец цвета, природный колорист, но создает одинаково вдохновенно и тематические композиции, и портреты, и натюрморты. «Просто он такой человек — до мозга костей художник, — как-то заметил

На выставке художника в музее

живописец Дмитрий Бобонич, — и краски, и хлеб в его мастерской перемешаны». Те, кто часто бывает в Тобольске, знают, о чем идет речь. Богата земля сибирская талантами, а вот живут они зачастую впроголодь. Но и краскам все же не изменяют.

В любые времена художник, по верному высказыванию тобольского мастера резьбы по кости Минсалима Тимергазеева, не терял перспективы видения. «Он все еще идет... — сказал как-то Минсалим очень образно. — Все искусство Полкова, в сущности, завтрашнее, к тому же постоянно в нем чувствуется какое-то врубелевское беспокойство. В его полотнах все время — река, вода и соленый ветер».

Чтобы проанализировать творчество мастера, важно знать, как живет ему на его родине. Говорят, мастер делает копии, продает их фактически за копейки (за какие-то 500 рублей), а ведь ни для кого не секрет, что одни только материалы — краски, холст, рамы, подрамник — сегодня стоят в три раза больше того, что удастся мастеру выручить за готовую работу. К тому же в нее еще надо вложить и душу.

Редкий сюжет — «Тобольский дворик» — написан художником в 1992 году и хранится в его личной коллекции. Можно с этого «дворика» снять еще множество копий, и каждая будет востребована зрителями, настоящими патриотами города. Многие, уверена, захотели бы купить такой пейзаж на память. А все потому, что домов, запечатленных на пейзаже, уже нет и в помине. «Все сгорело, все сожгли. Кладбище... — вздыхает художник. — Как-то я попробовал заступиться за родной город, но что толку — только врагов нажил». Ценно то, что во многих холстах художника продолжают жить утраченные уголки исторического города.

Нелегко живет бывшей столице великой Сибирской губернии. На маковке Троицкого мыса парит красавец-кремль — единственный кремль за Уралом, а в нижнем посаде города влачат

жалкое существование памятники старины. А ведь застройка в подгорной части Тобольска, без преувеличения можно сказать, уникальна в масштабах всей России. Не так много у нас городов — их единицы, которые сохранили с XVIII—XIX веков и планировку, и характер, и масштаб застройки. Все это мы видим сейчас в нижнем посаде Тобольска.

Многие люди на протяжении многих лет били в набат, пытаясь привлечь внимание властей к тем градостроительным жемчужинам, которые находятся в крайне плачевном состоянии. Но только в последнее время в их судьбе, слава Богу, наметились обнадеживающие перспективы. Сделан большой шаг в решении проблем Тобольска, начала действовать программа консервации памятников истории и культуры. Сложно отреставрировать все и сразу (это многие понимают), но зато можно предотвратить дальнейшее разрушение города.

Говорят, искусство лечит любые раны... Будете в Тобольске — советую, — обязательно загляните в мастерскую Михаила Полкова. Все его творчество — поступок большого художника и большого человека.

Маэстро с прииска «Глубокое»

В апреле исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося русского шахматиста С.М. Левитского

Турнир Флямберг—Левитский. Варшава, 1905 год

«Когда впервые видишь, как белый ферзевый слон на втором ходу в прыжке вонзается в пустоту — испытываешь разноречивые чувства. Сначала это — непонимание. Затем оно сменяется удивлением, а следом — восхищением и восторгом... Когда-то Савелий Тартаковер дал диковинному по тем временам дебюту 1.g3 претенциозное название «дебют сверхбудущего». А вот разработав более ультрасовременную, нежели привычный ныне ход 1.g3, систему, Степан Михайлович Левитский стал в один ряд с таким великим гипермодернистом, как Рихард Рети. Хочется верить, что лет через 10–20, когда все привычные и модные ныне варианты будут «вылизаны» анализами вдоль и поперек, число поклонников редкостного Дебюта Левитского в среде известных гроссмейстеров существенно возрастет.

Фантастический прыжок слона на d5 — это прыжок Левитского в бессмертие». (Г.Н. Обухов. «Прыжок Левитского»)

Степан появился на свет в Задонске в семье чиновника. Окончил Серпуховскую гимназию и поступил в Московский университет. В это же время он страстно увлекся шахматами, посещал в Москве шахматный городской кружок и среди знатоков этой игры уже получил известность.

А потом неожиданно для многих в 1877 году Степан оставил университет и отправился волонтером на греко-турецкую войну, в гарибальдийском отряде сражался за независимость Греции. Там юноша заболел тифом, лечился в Одессе, а по выздоровлении вернулся в Москву.

Пришлось испытать нужду, зарабатывать на жизнь, давая уроки в состоятельных семьях, но и шахматы уже стали давать приработок (турниры, сеансы одновременной игры на нескольких досках). В студенческую среду он уже не вернулся (по некоторым данным, университет закончил экстерном). А в шахматном мире появилась новая звезда. В 1899 году Левитский принял участие в

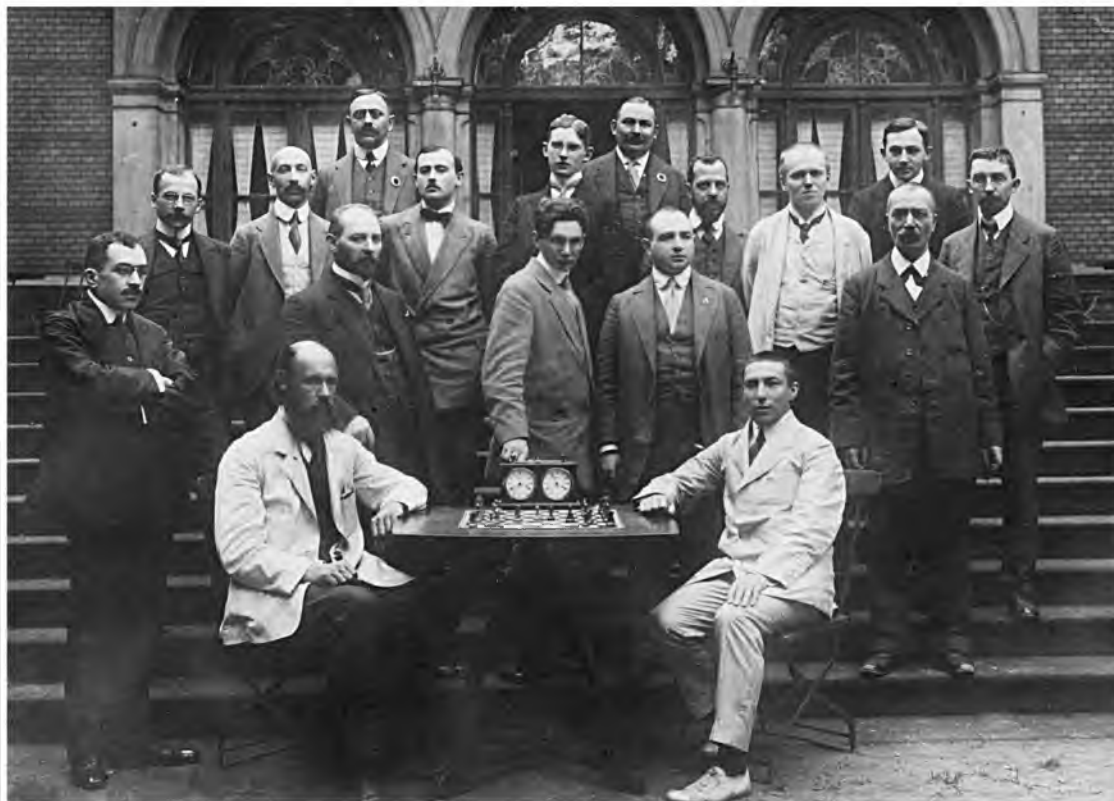
Семья Левитского. 1914—1915 годы

первом Всероссийском шахматном турнире в Москве и занял на нем третье место — после М.И. Чигорина и Э.С. Шифферса.

И тут случился очередной кульбит в его судьбе. В начале 90-х гг. Степан определился на работу в платино-промышленную компанию, уехал на Урал на прииск «Глубокое», близ Нижней Туры. Тогда это был Нижне-Тагильский горный округ Верхотурского у. Пермской губ. По тем временам несусветная глушь. Его затащили служебно-конторские и отчасти технические дела. Потом женитьба, четверо детей...

Администрация компании косо смотрела на увлечение своего служащего, его отлучки на турниры, материально в этом практически не помогала. Связи практически оборвались. Тем не менее шахматы Левитский не забросил. Он доставал и изучал специальную литературу, анализировал партии видных мастеров, ночами сидел над шахматными вариантами. Изредка играл с местными любителями, главным образом со своим младшим братом — М.М. Левитским, периодически приезжавшим к нему на Урал. Редко, но участвовал и в турнирах, продолжая удивлять общественность своей игрой, редчайшим талантом подлинного самородка.

В 1903 г., например, он принял участие в 3-м Всероссийском турнире в Киеве — как представитель Пермской губ., и поделил

Турнир с участием Левитского (слева)

седьмое-восьмое места. На следующем, 4-м, Всероссийском турнире стал одиннадцатым. В 1911 году был организован Всероссийский турнир любителей шахмат в С.-Петербурге. На нем Левитский проявил настоящий блеск игры: занял первое место среди 24-х участников сильнейшей — первой — группы, на два очка опередив ближайшего конкурента. Ему было присвоено звание мастера (маэстро). В ту пору (до середины 30-х годов) в нашей стране звание гроссмейстера не существовало.

На Всероссийском турнире мастеров в 1912 г. у Левитского — 3-е место (опередил ряд крупнейших шахматистов, в том числе и уже особо отличавшегося молодого гения — А.А. Алехина).

Игры его, как и результаты, были неровными, часто допускал просчеты, но и удачные варианты ходов, записи которых сохранились, поражали и поражают специалистов и любителей шахматного искусства до сих пор. Удивление и восхищение вызывает еще и то, что Левитский, в отличие от других классных шахматистов, ставших профессионалами игры, занимался этим от случая к случаю, будучи служащим, живя в уральской глуши, ограниченным в материальных возможностях. Порой мешала ему и известная русская слабость (спиртное). Организованный по инициативе и при материальной поддержке мецената Е.П. Демидова, князя Сан-Дonato, в Петербурге в 1913 году матч между Левитским и Алехиным завершился в пользу Алехина. Последним турнирным соревнованием Левитского

было участие во Всероссийском турнире мастеров в Петербурге в 1913—1914 году, в итоге которого он оказался в конце турнирной таблицы.

Шахматы уральский мастер не оставлял и в дальнейшем. Но это был уже закат его турнирной деятельности. Случались потом сеансы одновременной игры с любителями на многих досках. В Екатеринбурге в 1923 году дал два последних сеанса одновременной игры (на 19 и 21 доске, в первом из которых победил на 18 досках, одну игру свел вничью; во второй одержал победу над 20 участниками и лишь одному из них проиграл).

Левитский продолжал жить и работать на захиревшем руднике, наблюдая за бурными и трагическими событиями в стране и в уральском крае. Его семья бедствовала. Выручали подсобное хозяйство, которым ведала в основном супруга — Вера Андреевна, к тому же подрабатывавшая швейным делом, да охота Степана Михайловича в лесных дебрях. Он продолжал вынашивать надежду на возвращение в активную шахматную жизнь, хотя уже болел, поддерживал связь с некоторыми известными шахматистами, которые его помнили.

В начале 20-х годов состоялся 1-й чемпионат РСФСР по шахматам. В 1923-м началась подготовка второго чемпионата (в Петрограде). Левитский получил приглашение участвовать в нем. Выехал в Петроград, но в пути, особенно по прибытии на место, тяжело заболел и вынужден был вернуться домой. И дома скончался на 48-м году жизни.

Дузь Хотимирский. Омельяк и Избинский. Малаютинь. Алапинь. Романовский. Сабуровъ (чл. турн. ком.)
Тальвиць. Н. А. Зноско-Боровский (чл. турн. ком.). Блюменфельдъ. С. А. Зноско-Боровский (чл. турн. ком.).
Евтифьевъ. Сальве. Ев. А. Зноско-Боровский. Рубинштейнъ.
Люцъ (чл. турн. ком.). Гельбакъ. Левитский. Розенкранцъ

4-й Всероссийский шахматный турнир. Санкт-Петербург, 1905 год

Наталья ВАСИНА, турклуб «Уралмаш»,
фото автора

АДУЙСКИЙ ЭКСТРИМ

«Нет, мы с вами не пойдём. Мы — на Койву», — сказал гость Уралмашевского турклуба, зашедший получить информацию о майских маршрутах. Мы пожали плечами. Глупо! Они — почти «чайники». Какая Койва за три дня, да ещё на байдарках по весенней воде! Не хотят слушать профессионалов, и не надо. Наша славная маленькая группа собирается за три дня одолеть небольшую, скорее всего, несложную, близкую речку Адуй до впадения в Реж, а там до г. Реж путь уже известен. Все предсказуемо. По крайней мере, так нам кажется.

Перед отъездом, в пятницу вечером, в разговоре с подругой я ещё успеваю посетовать на то, что адреналина не предвидится, а жаль. «Ничего, просто спокойно отдохнешь, проветришься. Действительно, чем плохо?» — говорю сама себе. Интуиция молчит.

День первый

У пионерлагеря «Солнечный» из пруда вытекает ручей (то есть р. Мостовая) метра полтора шириной. Он причудливо извивается в зарослях. Кругом — то ли лес, то ли болото. Кочки, кусты, сухая трава, редкие деревья, множество стволов на земле — работа бобров. Байдарки собраны, обед съеден. Ну что, вперед? Да! Сначала пешком метров триста, потом столько же по воде. И — стоп. Бобровая плотина, водопад, а дальше?

Командир отсутствует полчаса. Итог отсутствия: нужна настоящая разведка. Лариса, Юра и я варим обед и ждем. По истечении трех часов Николай Иванович и Сергей ошеломляют новостями. Вперед пока можно только пешком, до впадения Мостовой в Адуй. Не так уж и далеко, но сегодня не

дойти. Переночевать можно в домике лесорубов, а завтра с утра — снова пешком. Нужно собрать байдарки, преодолеть болото...

«Поручик Голицын, а может, вернемся?» Разумный, надежный, но позорный вариант отступления отвергнут. Болото проходимое, что-то вроде дороги; болото полупроходимое, лесная чаща; болото непроходимое... «Этапы большого пути». Кусты, ручьи, кочки, ветки в глаза, поваленные деревья, пни, бурелом, ямы видимые, ямы невидимые, бездонные, прикрытые сухой травой, где поставить ногу и нельзя останавливаться. Куда дальше? Где-то впереди — спина командира. Сзади кричат: потеряли из виду. Я тоже кричу. Вижу Николая Ивановича, спешу, а зря! Падаю на колено, встаю, куда-то опять иду, уже не разбирая... Но разве можно это назвать ходьбой? О великий и могучий русский язык! Похоже твой литературный вариант меня сегодня совершенно не устраивает.

Избушка! Все ли живы? Ждем Сергея и Юру. Их очень долго нет, они даже не откликаются. Прямо сейчас обратно за байдарками? Стараюсь об этом не думать, ну еще минут пять! Надо, Наташа, надо! Юра остается в избушке. Мы идем обратно. Солнце неумолимо садится. Длетаем до байдарок меньше чем за час. Когда Николай Иванович успел разведать другую дорогу? У профессионалов — свои секреты. Разбор и укладка байдарок — и в обратный путь. Прошли болото. Вот и ночь, вот и первая звезда, до нее нельзя. Интересно, чего? Сегодня там, на Зилиме, на «большой земле», день рождения Лени Шороха. Леня, услышь нас! Завтра, нет, уже сегодня — Пасха! Наверное, у нас крестный ход.

Мысли путаются. Самый тяжелый крест — на последнем участке пути. Лес, тьма — хоть глаз выколи. Идем наощупь. Слышу явно не литературные выражения. Это я, что ли? Уже не про себя, уже вслух. Прогресс (или деградация) налицо. Избушка, горячий чай с пряниками, плечи болят... Неужели смогла? Какие мы молодцы! Ночью снятся: болото, ямы и темнота.

День второй

Утро, солнце. Ура! Идем по дороге. Мужчинам приходится возвращаться за рюкзаками. Мы с Ларисой на берегу Мостовой собираем байдарки. Почти получается! Вот это да, Наташа, не прошло и 25 лет с первого байдарочного похода. Зато теперь буду знать, как это делается, на всю оставшуюся жизнь. Последний отзвук цивилизации: сотовый дает поздравить близких с праздником. Двухметровый Адуй меандрирует по лугам (ух, ты! Лингвистическая компенсация вчерашнего использования ненормативной лексики). 30 метров вперед, поворот, 50 метров назад, 20 метров в сторону. Видим параллельное движение голов и весел через перешейки шириной метра три. На поворотах отталкиваемся веслами от берегов. Виражи становятся все круче, течение быстрее, за поворотами — то «расческа» во всю ширину, то поваленное дерево, то коряга торчит, как крокодилья морда. Пока успешно уворачиваемся, ждем остальных. Очередной крутой поворот, черемуха: переплетение стволов и веток, почти тупик, прохода нет. Цирк, акробатический номер: Николай Иванович на скользком, узком стволе над водой с топором. Смотреть страшно. Молюсь про себя: «Господи, сегодня же Пасха...» Хуже всего то, что целый день уже потерял и надо спешить. Встаем на ночевку в приличном месте и немножко празднуем. «Еще не все потеряно, еще душа уверена...»

День третий

Солнечное утро, полное радужных надежд, вскоре оборачивается двухчасовой вынужденной стоянкой: после первого серьезного переката Сергей клеит байдарку, которая в принципе не клеится. «Добрый словом» поминаем ее создателя и продавца. Речка же становится прямо по Льюису Кэрроллу («Алиса в стране чудес») «всё любопытственнее и любопытственнее». Похоже, это миниатюрный образец всего, что вообще может преподнести река. На сегодняшний день это перекаты, сливы, шиверы из класса «непроходимых». Камни не плоские и не гладкие, а, прямо как в песне, «щербатые ножи». Фишка в том, что многие из них вообще не видны, а возникают сразу перед носом байдарки. Слева, справа, где проход? Его в принципе нет. Мощное течение разворачивает поперек струи. Уму непостижимо, как, но умудряемся не перевернуться. Байдарка тоже цела. Как там остальные? У них тоже вся жизнь — борьба. Переводим дух ровно на 30 секунд — и все сначала. На скорости пролетаем перекаты. Мельком

вспоминаю предположительные сожаления по поводу отсутствия адреналина. Вот с этим как раз все в порядке! Садимся на камень. Командир вылезает из байдарки. Вода ревет, несется мимо, а в голове с такой же скоростью проносится мысль: «Господи, помоги!» Становится смешно. Не знаю, может там и Господь Бог, а здесь — Николай Иванович. Стараемся изо всех сил. Чуть не теряем весла. В очередной раз поздравляю себя с благополучным исходом. Время в сражении с рекой летит незаметно. Вот это жизнь! Впрочем, война войной, а обед по расписанию.

Шиверы позади, но мы рано радуемся. Как это называется — «расчѣски?» Нет такого слова в русском языке (ну вот, опять), которым можно было бы назвать эти переплетения веток над водой, не оставляющие даже узкого прохода, а если он есть, то поперек, конечно же, лежит ствол. Учусь одновременности действий: голову вниз, руки защищают лицо, весло вдоль борта. Двух рук для этого, как ни странно, хватает. Короткие прямые участки реки, свободные от этого безобразия, пролетают с такой скоростью, что дух захватывает. Потом два часа на берегу: байдарка Сергея клеится, хлеб сушится, делаем обнос. Надежды на лучшее будущее эфемерны: вечер изобилует обносами, командир то и дело достает топор. Умудряюсь заснять на камеру один из тяжелых моментов. Восьмой час, а у нас еще «ни в одном глазу!» Карта уже перестала быть актуальной. Невозможно в таком режиме движения понять, далеко ли до впадения в Реж. «Где мы, кто мы?» Река не дает ответа, зато выдает очередной финт: несколько совершенно одинаковых петель среди черемухового беспредела, которые байдарка пролетает, по-моему, на автопилоте. Я только успеваю уворачиваться

от веток, руки что-то делают сами по себе. Наконец, чалимся, ждем Сергея, Ларису с Юрой. Их нет! Выясняется: у Юры с Ларисой почти оверкиль «на ровном месте». Сказались усталость, напряжение, недостаток опыта. Да где же такой опыт можно получить? Эта река — явно единственная и неповторимая.

Смеркается. Продираемся с рюкзаками через немыслимую чащу следом за Николаем Ивановичем, который, как всегда, знает, куда и что. Выведа нас на место очередной ночевки, он вместе с Сергеем исчезает перегонять байдарки. Мы втроем тоже работаем: дрова, костер, ужин, палатки. Усталости не чувствую, видимо, организм тоже перешел на режим автопилота. Варим и едим уже в темноте. По 50 грамм, только чтобы снять напряжение. Пьем за командира. Смех, шутки. Все отлично держатся. Единственное, что беспокоит: безнадежно опаздываем, не меньше, чем на сутки. Какие там сотовые? Мы на другой планете. Успокаиваю себя законами философии и психологии: если ничего не можешь изменить, то и не дергайся.

День четвертый

Чего же у нас еще не было? Ведь явно чего-то не хватает. Проснувшись под утро, четко понимаю: ну, конечно, дождя. Готовим, завтракаем, собираемся под дождем. Давайте скорее, пока не началось! Начинается очень быстро: один завал за другим.

Приходится только поражаться: ну и река! Непредсказуема, как сама жизнь. Но мы не собираемся сдаваться. Командир проявляет чудеса изобретательности и ловкости. Мы помогаем, как можем, и, если не можем, все равно стараемся. Никогда не думала, что байдарки и мы сами на такое способны. Перетаскиваем сверху, разгружая и не разгружая, проводим снизу, устраиваем слалом. Течение прижимает бортом к поваленным деревьям. Еле хватает силы выгрести. Как ни странно, ничего страшного не происходит, если не считать скорости движения вперед. Ну чего мы хотим: 200 метров — завал, 300 метров — завал...

Очередной ремонт противной байдарки. На другом берегу избушка, куда Юра, Лариса и я отправляемся готовить обед и сушиться. Всего каких-то два часа — и печка начинает действовать! Вскоре жара, как на экваторе. Вот и гость пожаловал верхом на лошади Маньке — лесник Сергей с Адуйского кордона. Сообщает, что до кордона километров пять, а от него до впадения в Реж еще 15. Мелькает вроде бы безумная, но на самом деле единственная верная мысль: добраться до кордона, оставить там байдарки и пешком до железки. Пять километров оборачиваются пятью часами. Где-то у Режа нас сейчас ждет «Газель». А здесь завалы каждые 200 метров. «День сурка», да и только.

Дождь прекращается, начинается снова, но нам уже все равно. На очередном завале при очередном акробатическом этюде топор падает в воду и... Ну, конечно, тонет. А вы что подумали? Смеркается. Я стою на берегу, смотрю на байдарку и на несущуюся воду. Адреналин хлещет через край. Ловлю себя на мысли, а скорее, ощущении: больше не хочу! Сжимаю кулаки, закручиваю гайки на расшатавшихся нервах, запрещаю себе чувствовать. Сажаю себя в байдарку. Повторяем поворот реки и... Боже мой! Какой чудный сосновый лес! Какие замечательные домики! Мы с Ларисой не можем на это наглядеться. Где-то играет музыка, гуси гогочут, бежит кошка. Вот и лесник Сережа открывает дверь. Конец водного маршрута. Дорога домой и полезные выводы — это завтра, а сегодня мы наслаждаемся теплом, уютом, ужином, общением с хозяином. Командир, конечно, еще не расслабляется: ему решать, как выбираться. До ж/д станции Крутиха 16 километров. Есть и другие варианты, но все решает тот факт, что завтра всем необходимо быть дома. Байдарки остаются пока у Сергея, мы пойдем пешком.

День пятый и последний

16 км — без приключений, если не считать обнаруженного Ларисой клеща. Проводим эксперимент с «Москитолом». Удивительно: клещ его не выдерживает. Постоянно пробуем мобильники — бесполез-

но. На станции ждут радости цивилизации: пиво, колбаса, мороженое. Люди здесь, похоже, после праздника все повымерли, кроме продавщицы. Приводим себя в божеский вид. Через час в поезде мобильники наконец включаются. Молча выслушиваю все, что в данный момент способна сказать моя мама. Лариса не может дозвониться до своих, расстраивается. Наконец удаётся. Валентин вполне спокоен за нас, впрочем, как и моя дочь. Все постепенно возвращается на круги своя.

Эпилог

Вот и пришло время собирать камни. Итак, что же это было? Пять дней. Неужели всего пять? Целый жизненный этап, вместивший в себя все возможное и невозможное. Бесценный туристский опыт, борьбу с обстоятельствами и с собой, физические нагрузки и перегрузки, доверие и надежность тех, кто рядом, восхищение командиром, его действиями, решениями, оценку и переоценку собственных возможностей и, конечно, массу новых впечатлений, радость победы и просто жизни.

Что еще можно добавить к сказанному? Да, конечно, как это я забыла. Куда идём в мае 2006-го?

НОВИЧОК

(Оптимистическая фантазия)

Путь с метеостанции проходил по пахучему, густо усыпанному хвоей сосняку. Огибая тропой небольшой, поросший кувшинками пруд, Эдуард Григорьевич задержался на берегу, задумчиво оглядел свое колеблющееся в воде отражение. Входящим в привычку движением шевельнул на носу роговые очки, сурово поморщился. Конечно, неудобно, чуток мозолят, но стоит потерпеть. Прежде всего, потому что родители считают, что так он выглядит старше. И замечательно, если так! На совете ученых бородачей это ох как важно — выглядеть не мальцом-девятилеткой, а солидным молодым человеком, может, даже почти студентом!

Со слабой надеждой Эдуард Григорьевич провел ладонью по нежным, чуть ли не девичьим щекам и разочарованно вздохнул. Это было бедой всего интерната. Бедой, о которой стеснялись говорить вслух, но о которой думали ежедневно и ежечасно. Все сорок три воспитанника каждое утро начинали с обязательной процедуры бритья несуществующей щетины. И никто из них не думал смеяться или улыбаться по данному поводу. О взрослой солидной щетине мечтали, как о премии европейского масштаба, как об открытии нового астероида, но обмануть время пока не удавалось. Некоторого успеха пока добился один Феликс Диогенович, специалист по математическим инверсиям и староста интерната. Паренек использовал на свой страх и риск какую-то самодельную мазь, которая, в конце концов, одарила смельчака редкими рыжеватыми усиками. Усики были, конечно, так себе, но и они в короткий срок успели стать предметом зависти всего интерната... Эдуард Георгиевич вздохнул повторно. Вот бы и ему такие! Пусть даже самые рыжие и самые редкие, пусть даже вперемешку с россыпью угрей и вулканических прыщей. Зато какими глазами смотрели бы на него коллеги, с каким почтением стали бы здороваться по утрам!..

Впереди, у самой тропки, сидел на корточках Мальцев Петр Филимонович, одноклассник Эдуарда. Худые коленки Мальцева были перепачканы в травяной зеленке, а из вытянутых дудочкой губ вырывались непонятные пыхающие слова. Кривой соломинкой он подталкивал перед собой лягушку, заставляя ее вымученно прыгать.

Ниточка, опоясавшая пленницу, не позволяла ей удрать, и земноводное с угрюмым послушанием взлетало и шмякалось, с ненавистью косясь на соломинку.

Обернувшись к подошедшему, Мальцев рассеянно пробормотал:

— С метеостанции? Ай си... Все циклоны, антициклоны?

— Они самые.

— Хмм... Тоже интересно. Перемена климата, потепление... А у меня тут с расчетами не ладится. Айн рэтсель, так сказать. Всего-то пара сухих комаров с утра — и до сих пор прыгает, как заведенная. Если учесть, что энергозатраты одного прыжка приближаются к одной двадцатой среднестатистического комара, то выходит какой-то парадокс...

Эдуард добродушно улыбнулся. К Мальцеву он относился тепло и дружески. Несмотря на полное отсутствие бороды и усов, несмотря на видимую нескладность мальчишеской фигуры! И то сказать — ученый, а до сих пор жуков в карманах таскает, комаров с лягушками в лужах отлавливает! Есть ведь, кажется, лаборатории, испытательные стенды, вольеры, наконец! А он даже в спальню готов таскать своих подопечных, чтобы, значит, изучать с фонарем под одеялом. Хотя... Как говорит: каждому свое, и всем воспитанникам лесного интерната изначально был уготован свой собственный звездный путь. Во всяком случае, лауреатом какой-нибудь национальной премии Мальцев, безусловно, станет. Он и сейчас уже доктор одной из лондонских кафедр, а через год-другой, без сомнения, отхватит с пяток звучных премий.

— Возможно, у нее сохранились старые энергозапасы? — предположил Эдуард.

— То есть? — Мальцев склонил голову набок, озабоченно почесал измазанное травой колено.

— Ну, скажем, что-нибудь вроде жировой прослойки. И потом не забывайте, коллега: лягушки — не теплокровны. Стало быть, реагируют на любое изменение внешней температуры. Итс вайтэл моумент!

Мальцев задумался.

— Хмм... Жировые запасы плюс приток внешней инфразнергии? А что, итс посибл. Очень даже вполне... — он достал коробочку, сунул туда обессилен-

ную лягушку. — Придется повторить опыт вечером, когда спадет температура.

Вдвоем они двинулись по усыпанному хвоей лесу и вскоре вышли к пятиэтажному корпусу интерната. У ворот вежливо раскланялись с Феликсом Диогеновичем, на минуту задержались возле парадного.

— Кстати, элитный. Пока вы, дорогой коллега, проводили исследования на метеостанции, у нас объявился новичок.

— Новичок?

— Совершенно верно. Надо сказать, довольно странный молодой человек. Айкью — всего семьдесят единиц, зато тест по Глену зашкаливает за пару сотен.

— Две сотни? — изумился Эдуард. — Как это может быть?

— Ну, я не знаю. Но говорят, исследования проводили трижды. Такой вот, понимаете ли, феномен... Ну, да вы с ним еще увидите.

— Что ж, буду рад познакомиться. Хотя две сотни! Честно скажу — не верится... — Эдуард Григорьевич

скользнул взглядом по группе первоклашек, листающих на скамейках научные фолианты. Один из малышей, развернув на коленях мобильную спутниковую антенну, энергично работал световым пером, выписывая на миниатюрном экране ровные математические столбики. Зачарованно глядя на монитор, рядом топтался совсем крохотный пупс — лет трех или четырех. В руках он вертел кольцо Мебиуса — верно, склеил совсем недавно, готовясь к практикуму. Эдуард ностальгически улыбнулся. Одномерное в двумерном, критерии согласия и несоответствия, первичные интегралы — как давно все это было! Чуть ли не в прошлой жизни! Пора первого взросления и эра неотесанного младенчества...

— Хотел вас предупредить... — Мальцев в нерешительности замер на ступенях крыльца. — Он действительно несколько странныватый — этот новичок. Грубоватый, неотесанный... Так что будьте готовы.

— Всенепременно, не беспокойтесь.

— Я сейчас в лабораторию, вы со мной?

— Да нет, я, пожалуй, в библиотеку поднимусь. Надо проверить кое-какие цифири.

— Что ж, желаю удачи. А насчет новичка все же будьте осторожнее...

Удивленно взглянув на собеседника, Эдуард первым отворил дверь. Дни, проведенные на метеостанции — с постоянными наблюдениями, регулярными записями и спорами, давали о себе знать. Именно в эти дни они вплотную приблизились к первой идеальной экомодели Земли, не предполагающей ни наводнений, ни таяния ледников, ни серьезных подвижек земной коры. Работа явно тянула на «нобелевку», а потому меньше всего его интересовал какой-то там новичок. Пусть даже самый странный и неотесанный...

* * *

Поработав еще некоторое время над проверкой темпоральных дифуравнений, Эдуард решил освежиться лечебным душем, а заодно и малость подзаправить мозговые полушария углеводами. Расчеты, конечно, расчетами, но, как известно, в здоровом боди — здоровый дух. Или как это будет по-английски?... Гуд спирит ин гуд боди? Или майнд? Впрочем, неважно...

Мимходом удивившись разбросанным в душевой кусочкам пахучего мыла, он поискал глазами исчезнувшие мыльницы и, тут же, забыв о них, нырнул под упругие теплые струи. Автоматически заработала система контраста, температура воды начала скачками меняться. Фронтальный сенсор поплыл вниз, впитывая излучение тела клиента. Соответственно, корректировалась температура воды. Отдуваясь, Эдуард вертелся на месте, энергично хлопал себе по груди и бокам.

— А, Эдуард Григорьевич! С прибытием вас!

Неподалеку от душевой кабинки стоял кандидат Лозинский. Растирая розовый живот намыленной губкой, он также побряхтывал от удовольствия.

— Как идут дела?

— Благодарю вас, прекрасно.
— Познакомились уже с нашим новеньким?
— Увы, пока не имел такой чести.
— А вы непременно подойдите к нему. Предложите, скажем, партию в шахматы. Любопытно, что он вам ответит... — Лозинский опасливо оглянулся. — Скажу по секрету: типчик довольно интересный! И впечатление производит удивительнейшее. Даже странно, как он попал сюда. Подумать только — объегорил тест самого Глена! Я, конечно, не могу утверждать точно, но есть мнение, что хитрец использовал электронную отмычку. У хакеров, я слышал, уже появились такие разработки.

Эдуард недоволено поморщился. Да что они, сговорились? Все об одном и том же. Будто и тем иных нет!.. Стыдно признать, но Эдуард чуточку недолюбливал Лозинского. За скользкий характер, за писклявый голосок, за любовь к лженаучным мистификациям. Он и галстуки к своим девяти годам не научился толком завязывать, и платки носовые не гладил. Был и такой случай, когда на одном из симпозиумов тот всерьез взялся доказывать возможность левитации живого тела в околосемном пространстве. Причем ссылки делал исключительно на фокусников вроде Унгваны из Индии и американо-одесского Копперфильда. Эдуард не без оснований подозревал, что и кандидатскую юрскому Лозинскому сработал все тот же добросердечный Мальцев. Кроме того, где бы ни появлялся Лозинский, воздух немедленно начинали сотрясать вдохновенные рассуждения о жареных рапанах с миногами под майонезом, которые «не спорьте, коллеги! — много лучше тихоокеанских кальмаров», о возврате к архаичному расщеплению атома, о находках доисторических костей на дне лондонских болот... Словом, беседовать с Лозинским он не любил, но и отвертеться удавалось далеко не всегда. А в данный момент толстенький кандидат уже отключил свой душ и торопливо шлепал к Эдуарду.

— Верьте моему слову, — таинственно бубнил Лозинский, — добром это не кончится! Он нас всех подомнет. Самым слоновьим образом! И заметьте, педагоги ему не перечат. Подозрительно, не правда ли?... Некрасиво говорить, но, по-моему, пахнет явным протезированием. Так что — подомнет, не спорьте. Теми же щелбанами.

— Щелбанами?

— Ну да, некоторым образом... — Лозинский неловко потер лоб. — Кстати, как вы полагаете, ему ведь нужны друзья?

— О ком вы? — уныло осведомился Эдуард.

— Как это о ком? О новеньком, конечно!

— Откуда же мне знать?

— Вы что, до сих пор не видели его?... Ах, да вы же работали на метеостанции... — Лозинский вновь опасливо оглядел душевую. — Ну, это, я вам скажу, фрукт! Даже грейпфрут!

— Правильно говорить — грейпфрут, — поправил Эдуард.

— Нет, — Лозинский отчаянно замотал головой, — он не грейпфрут, он — именно грейпфрут! Ну, да вы еще встретитесь с ним. И сами убедитесь в том, насколько я был прав. Кстати, забегайте потом в гости. Есть у меня, значит, кое-какие соображения на сей счет. Опять же угощу миногами. Говорят, даже отпрыски царей любили, ну, а мы-то с вами чем хуже? Надеюсь, вы компрэне?...

Удрав недомытым от докучливого Лозинского, Эдуард насухо обтерся, натянул на себя выглаженный костюмчик и, оценив собственный вид взглядом строгого академика, двинулся в обеденный зал. Его мозг — компактный биокомпьютер — немного проголодался. Проблема гашения циклона путем столкновения с антициклоном требовала массы витаминов и калорий. Труд, бесспорно, гигантский, зато в итоге — Первая Премия Уральской Академии, награда самого президента, а в финале и заветная «нобелевка»!

Управляемая фотоэлементом стеклянная дверь проворно отъехала в сторону, лучевая волна стерильного облучения огладила мальчика незримым теплом. Сделав шаг, Эдуард очутился в столовой. Вернее, еще пару дней назад здесь была ученическая столовая, а сегодня... Сегодня здесь царило нечто невообразимое. Столы были в беспорядке сдвинуты, питомцы интерната и — о, Космос! — неизвестно каким образом очутившиеся здесь девочки из соседнего корпуса плотной кучкой стояли возле громоздкого обучающего компьютера, с азартом следя за полыхающим экраном. Эдуард подошел ближе.

— Такие вот у нас дела, коллега, — грустнодохнул ему кто-то в ухо. — Компьютер из класса сюда, учебные программы стерты, а вместо них он записал вот это самое непотребство. Теперь заставляет всех по очереди играть на наши собственные компоты.

— Компоты? При чем здесь компоты? — пораженный Эдуард привстал на цыпочки, вытянул шею. Возле учебного монитора, вооружившись оптическими джойстиком, сидели двое: раскрасневшийся Мальцев и незнакомый парнишка. Лицо последнего было перепачкано чернилами, покрытые цыпками руки отважно и даже с какой-то залихватской снисходительностью управляли джойстиком.

Новенький! Конечно, это был он. Эдуард разглядел, что на столе перед играющими лежит знакомая коробочка с лягушкой. Стало быть, ни в какую лабораторию коллега Мальцев не пошел. Или не дошел. Странно, если не сказать большего...

Между тем, фигурки на огромном экране лупили друг в дружку из бластеров, с воплями набрасывали на вражеские шеи лазерные арканы. Одна команда воинов явно теснила другую. Весы уверенно клонились в сторону новичка. Его монстры легко нарушали правила и, пронзая своими телами стены, оказывались в тылу у беспечного противника. Финальный залп, и последнее сопротивление было сломлено. Последняя из фигурок жалобно подняла на экране руки.

— Все! — усмешливо объявил парнишка. — Проиграл царевну!

От огорчения Мальцев даже громко икнул. Новичок великодушно взял с подноса стакан компота и протянул Мальцеву.

— Запей, профессор. И не икай при дамах.

Пунцовый от смущения, Мальцев послушно выпил компот, неловко поднявшись, покинул игровое место.

— Кто еще готов рискнуть? Может, ты, Феликс?

Эдуард от ужаса приоткрыл рот. Краса и гордость интерната, старейший обитатель здешних стен, теребя рыжие усики, покорно приблизился к компьютеру. Новичок шевельнул джойстиком, и на экране бухнул первый демонстрационный взрыв, фигурки с жутковатыми клыками энергично замахали оружием.

— Может быть, шахматы? — робко подал голос Феликс. — Все-таки более гуманная игра.

— Это шахматы-то — гуманная? Да с какой стати! — новичок фыркнул. — Какой-то королек помыкает пятнадцатью фигурами, гонит их на верную смерть, а сам и ходить-то толком не умеет.

— Но рубить — не то же самое, что убивать.

— Здрасьте! — издевательски пропел новичок. — Хотел бы я знать, чем рубка отличается от смерти! Нет, лопушок, по мне — так сидеть в окопах честнее, чем протирать штаны на троне! Хотя, если слабо в «Космического варвара», давай в «Диспозицию». Тоже прикольная затируха. По крайней мере, нет ходовой дискриминации.

— Честно говоря, я полагал...

— Кончай эту шнягу! — новичок скривился. — Говори сразу: слабо или нет? Идешь в отказ, я других добровольцев найду.

— Ну, почему же, я не отказываюсь. — Феликс робко присел в кресло.

В следующую секунду экран высветил поле будущего сражения, игра началась, и сразу стало ясно, что хозяином положения является новенький. Атаковав Феликса по всему фронту, он, нимало не колеблясь, одного за другим взял в плен всех посланных к нему парламентаров и тут же начал массированный обстрел позиций противника. Воины Феликса какое-то время пытались держать цивилизованную оборону, но, в конце концов уступив дикому натиску, дрогнули и начали отступать.

Посрамленный интернат тихо роптал за спинами играющих, до Эдуарда то и дело доносились возмущенные шепотки:

— Точно вам говорю: он из специнтерната! Послан сюда на перевоспитание.

— Интересно спросить — чье перевоспитание?

— Да уж не наше, конечно!

— Еще неизвестно... Кстати, что обычно преподают в специнтернатах?

— Во всяком случае, не чистые науки! Да вы сами взгляните, — он же сущий дикарь. Руки в цыпках, под глазом царапина...

— Нонсенс! Наши интернаты перевоспитанием дикарей не занимаются.

— Самое смешное, коллеги, что он отвергает Эйнштейна, Сенеку и Пойсона!

— Ну, положим, ваш Пойсон — не такое уж безоговорочное светило. С кривой лимитированных исключений — вон как перемудрил.

— И что с того? В его времена не было вычислительной техники...

— Погодите, погодите! А может, это найденыш с полюса? Приемный сын Йети?

— Не городите чепухи! Какой там полюс! Вы же видите, он не дает нам компотов! Забрал весь поднос и предлагает отыгаться.

— Коллеги, имею некоторые соображения на сей счет. Предлагаю собраться вечером в моей палате. Угостимся миногами, обсудим стратегию на будущее.

— Да какая там стратегия, о чем вы?

— Без стратегии никак нельзя. И вынужден наперед заявить, что добром это не кончится...

Эдуарду показалось, что он узнает шепоток Лозинского. Он начал было прислушиваться к разгорающейся за спиной дискуссии, но в этот момент новичок громко объявил об очередной победе:

— Все, Диогеныч, аут. Но компот не забираю. Так сказать, из уважения к сединам. Ну, и за старание... Кстати, дамы могут освежиться безо всяких турниров.

— Только дамы? — осведомился Лозинский.

— Увы, господа кандидаты. — Ехидные глазки новенького загуляли по лицам воспитанников. — Сами должны понимать, мужчины — это мужчины. Они у нас просто обязаны уважать трудности и всяческие препятствия. Бремя суровой победы — это вам не какой-нибудь злосчастный компот! Циклонами и пифагорейскими числами пусть лодыри в академиях забавляются, а мы делом должны заниматься!

Эдуард вспыхнул. Это было уже слишком! Фактически перчатку бросили в лицо всему интернату. Да и кто он такой — этот новенький, чтобы позволять себе подобные выходки!...

Энергично работая локтями, Эдуард пробился к компьютеру, с вызовом глянул в лицо новичку.

— Не угодно ли сразиться со мной?

— Какой стиль, какой слог! — новичок хмыкнул. — Ну, ты и пупс!

— Я, кажется, задал вам вопрос!

— Bravo, граф! — усмешливые глаза без любопытства оглядели Эдуарда. — Что ж, если настаиваете, могу сыграть. На что желаете? На компот или щелбаны?

— Желая играть на лягушку! — решительно рубанул Эдуард. Только сейчас он понял, что действительно готов пойти на все, чтобы восстановить поправную честь интерната.

— Что ж, прошу! — новичок с усмешкой кивнул на пустующее кресло. — Но предупреждаю: сейчас от вас, любезный граф, полетят пух, перья и прочие второстепенные части тела.

— Очень в этом сомневаюсь! — Эдуард сердито плюхнулся на место игрока, взволнованно ухватился за рычаг джойстика. Игра началась...

В этот день на метеостанцию Эдуард снова не пошел. Болел от щелбанов лоб, а в голове звенело от прежде незнакомого радостно-шаловного хаоса. Вместо метеостанции он направился в бассейн, где, к своему удивлению, обнаружил команду первоклашек, самым хулиганским образом гонявших по воде исчезнувшие мыльницы. Пластиковые крышечки были пробиты карандашиками мачт, паруса склеены из конспектных листов. Гулкие голоса дробили тишину бассейна, а некоторые «корабли» уже просвечивали с глубины тусклыми пятнами. Фыркающая и горланящая, флотоводцы плавали вокруг уцелевших «фрегатов» и, раздувая щеки, дули в бумажные паруса.

— Эдька! Иди к нам! Подлодкой будешь!

— Или дредноутом...

Он покачал головой, — плавать ему как-то сразу расхотелось. Эдуард-Эдик-Эдька... Или того хуже — граф. По имени-отчеству никто уже никого не имел, — таких новичков немедленно поднимал на смех. Зато появилось множество клечек — странных, прилипчивых, порой чудовищно метких...

Он вдруг припомнил, как загадочно заклинило замок в дверях информатория. На какое-то время вся детвора оказалась без Интернета и учебных дисков, и тотчас новенький притащил ворох книжек про гладиаторов, пиратов, мушкетеров и рыцарей-крестоносцев. При этом сурово пообещал: «Будете глотать, надаю щелбанов. Читать вдумчиво и неторопливо! Это вам не парадоксальная геометрия Лобачевского!...»

Тем не менее, книги охотно разобрали, «проглотить» по привычке в тот же вечер, а после начинали глотать вновь и вновь. Новичок слово свое держал — обходил палаты с вечерней проверкой, раздавал обещанные щелбаны, спрашивал о прочитанном, пытался наказывать. Впрочем, иногда получал и сдачу, и тогда в коридоре при обязательных секундантах немедленно затевались дуэли, на которые сбегался поглазеть весь интернат. Директор, давно превратившийся в «Сократа», все, разумеется, видел и знал, но почему-то никак не реагировал.

Словом, «все смешалось в доме Облонских» — или, как выразился чуть иначе Мальцев: «интернат завис в недокрученном сальто». Каждый день теперь завершался акробатической каруселью, принося все более удивительные перемены. И в который раз Эдик поражался непротвлению педагогов. Во всяком случае, пока он знал об одном-единственном запрете — это когда новичок затеял тараканьи бега и для начала насобирав по опушкам лесных клопов. «Делайте ставки, сеньоры! — вопил он. — Клоп Люцифер принесет вам целое состояние! Играем на носки, рубахи и шорты!..» Игры на раздевание администрация строжайше запретила, однако сквозь пальцы смотрела на все остальное — прятки, ляпы, лапту и те же нелепые дуэли. Глупые, бессмысленные игры становились привычным развлечением интернатовцев. Про них

стеснялись думать, не обсуждали вслух, однако когда новичок принимался набирать очередных волонтеров, малолетние обладатели ученых степеней настороженно ерзали за своими столами, лицемерно начинали вздыхать.

— Хмм... Что-то вроде кричат там или мне слышалось?

— Вам не слышалось, коллега.

— Может, какой-то светский раут? Надо бы пойти взглянуть...

— Что ж, давайте посмотрим. Хотя наверняка какая-нибудь чепуха.

— Или как выражается этот дикарь — шняга...

— Так-то оно так, но если это снова «казаки-разбойники», я бы, пожалуй, встряхнулся. В целях, так сказать, профилактики остеохондроза.

— И встряски иммунной системы...

И обладатели ученых степеней торопливо прятали ученые фолианты под подушки, выходили из своих палат на зов новичка. Медленно, но верно вчерашние кандидаты и аспиранты превращались в непонятно кого, и когда, многомудрый, эстетствующий Феликс однажды сбрил свои усики, Лозинский не замедлил трагически вознести к потолку свои пухлые ручонки: «Вот и свершилось, коллеги! То самое ужасное! Что характерно — ведь я предупреждал вас! С самого первого дня».

Солнце плеснуло в глаза освежающим пучком фотонов, и, выйдя на улицу, Эдик едва увернулся от спикировавшего на него бумажного самолетика. Самолетик был глянцево-цветной, испещренный точечной символикой. Наверняка разодрали какой-нибудь географический атлас, авиаторы чокнутые!..

Эдуард задрал голову. Со второго этажа летели даже не вопли, а какие-то полузадушенные взвизги, — судя по всему, там дрались подушками. Эдуард сделал еще шаг и остановился. В зарослях акации темнела чья-то фигура.

— Проходи, проходи, купец!

— Кто это?

— Не твоего ума дела. Проходи, коли жить хочешь... — кусты явственно зашелестели. — Елки зеленые! Я же говорил, что с дороги заметно. Как тут спрячешься!

— А ты из лука в него пальни, — подсказал другой голос. — Или из пращи. Это же свидетель! Возьмет и заложит стражникам.

— Но, но! — пригрозил Эдик. Кусты вновь злое колыхнулись, и Эдик торопливо зашагал в обеденный зал.

В столовой было светло и чисто. Роботы-уборщицы, еще теплые от недавнего аврала, дремали вдоль стен. Недалеко от входа трудилась группа оппозиционеров. Сооружалось нечто вроде гигантской сети-ловушки. Рядом сновал Лозинский. Руками он энергично подсказывал, как делаются нормальные ловушки. Его слушались, и оттого работа шла плохо. На Эдика толстенький Лозинский взглянул осуждающе.

— Изволите участвовать в пугачевщине? Напрас-

но, дорогой коллега, очень даже напрасно! Пока не поздно, советую примкнуть.

— К чему?

— Как это к чему? К оппозиции, разумеется! Ведь я сразу предупреждал, что новичок — это серьезно. Очень и очень серьезно! И не надо улыбаться. Один из наших откопал в Интернете информашку о том, что тест Глена по сути своей глубоко антинаучен, поскольку выявляет не интеллект с эрудицией, а одни только способности к самовыражению.

— Ну и что?

— Как это что! Да вы сами вдумайтесь! Это же не что иное, как склонность к анархии! — личико Лозинского покраснело, пухлые ручки сжались в кулаки. — Вирус холеры в санитарном бараке! Своего рода птичий грипп и коровье бешенство! Можно сказать, революция реверсивного типа.

— Да бросьте вы, какая там революция! — Эдуард отмахнулся.

— Значит, отмежевываетесь, Эдуард Георгиевич? Очень даже зря. Вопрос-то все равно поставлен. И не только мной, но и всем обществом.

— Да что за вопрос-то?

— Злободневный и актуальный, Эдуард Георгиевич. Иными словами — может ли быть революция в здоровом полнокровном обществе? — Лозинский посмотрел на своих заговорщиков и, невольно подбоченившись, принял позу оратора. — Лучшие умы интерната отвечают на это сугубо отрицательно. И это правильно, май камараден! Поскольку в здоровом полнокровном обществе революций нет и быть не может. Почему, спросите вы? Да потому, что целью любых революций как раз и является то самое здоровое и в меру полнокровное общество. Улавливаете философскую скрутку? Змея снова начинает обглаживать свой хвост! Биологическая лентя Мебиуса!... Пойдите, куда же вы?..

— За стол кушать!

— Что?

— Их мёхте эссен унд тринкэн, понимаете? — Эдик поморщился. — Я проголодался, уважаемый оратор, а потому иду пить и есть! Если не ошибаюсь, целью столовых как раз и является утоление ежедневного голода. Или вы со мной не согласны?

Полное личико Лозинского презрительно скривилось.

— Что ж, пейте, пейте. Только как бы не стало потом поздно. Этак последнюю беду можем пропить и проесть...

— Всего наилучшего, коллеги! — не обращая больше внимания на оппозиционеров, Эдик набрал на раздаточном автомате код и, быстро управившись с завтраком, побежал в лес. Почему-то на душе было легко и радостно. Совершенно беспричинно — чего с ним давненько уже не случалось. И потому совершенно не тянуло идти солидным профессорским шагом, — хотелось мчаться и бежать. Может быть, даже вприпрыжку. И сама собой пришла в голову мысль о том, что неплохо бы вырезать себе могучий лук и десятка два стрел. На тетиву можно пустить капроновую леску, а наконец-

ники выточить из лабораторного молибдена. А там, дочитав куперовского «Следопыта» и акунинскую «Колесницу», двинуть на поиски прячущихся по лесам разбойников...

На поляне прямо на траве, как обычно, восседал Мальцев. Держа на коленях заметно потолстевшую лягушку, он любовно почесывал ей спинку.

— Снова опыты?

— Да ну их... — Мальцев повернул к нему усыпанное конопушками лицо, и неожиданно для себя Эдик впервые по-настоящему разглядел приятеля. И понял вдруг, насколько не шло этому парнишке солидное «Петр Филимонович». Перед ним сидел обыкновенный Петька и никто другой. Открытие это настолько поразило Эдика, что он решился на внезапное признание:

— А я вот думаю лук себе сделать. И стрелы с настоящим оперением.

Он ждал в ответ смеха, но Петька ничуть не удивился. В свою очередь кивнул на лягушку.

— От лука я бы тоже не отказался. Только вот с ней не знаю, что делать. Надо бы отпустить, а боязно. Она ведь совсем ручной у меня стала, — слопает какой-нибудь ужик на обед — и пиши пропало.

— Можно подарить флотоводцам, — предложил Эдик. — Они все равно день-деньской в бассейне бразгуются. Заодно и присмотрят.

Мальцев-Петька задумался.

— Нет, — вздохнул он. — Эти не присмотрят. Буйный там народишко, устанет она от них. Лучше уж в лес отпущу. Вот только привыкнет маленько, и отпущу. А то ведь она даже комаров разучилась ловить.

Хрустнули ветки, и, часто спотыкаясь, помогая себе руками, на поляну выбежал коллега Лозинский. На лбу у него красовалась свежая ссадина, глаза испуганно поблескивали.

— Коллеги, прошу запомнить: меня здесь не было! Самым решительным образом! — он воровато зыркнул по сторонам. — Потом как-нибудь изложу одно ценное соображение, а сейчас, увы, ай эм бизи. Очень и очень бизи... Одним словом, прорва дел!

Снова затрещали ветви, и ребята озадаченно прислушались к удаляющемуся топоту. Эдик потер переносицу — то самое место, где еще совсем недавно у него красовались роговые очки.

— По-моему, он один не изменился, — пробормотал он.

— Да нет... — Мальцев-Петька пересадил лягушку в высокую траву, кинул на нее прощальный взор. — Просто все мы стали настоящими. И он тоже.

— Возможно, хотя... — Эдик не договорил. Его прервал грозный вопль.

— Всем стоять, никому не двигаться! Ноги врозь,

руки враспор! — на поляну выскочили свирепого вида арбалетчики, тут же взяли парочку приятелей на прицел. А через минуту в сопровождении незнакомой черноволосой девочки из кустов вышел новичок.

— Сеньоры! Прошу не тревожиться понапрасну. — Он учтиво качнул головой. — Мы только хотели осведомиться, не пробежал ли здесь беглый каторжник?

— Каторжник?

— Ну да. Каторжник с внешностью набитого картошкой мешка, бормочущий всякие глупости?

Вспомнив жалобную просьбу Лозинского, Эдик нерешительно махнул рукой в ложном направлении.

— Вот как? Значит, бормочущий мешок побегал туда? Отлично! — громыхая копытами и арбалетами, воины сорвались с места и бросились в указанном направлении. Обернувшись к своей спутнице, новичок изящно раскланялся.

— Надеюсь, этот бандит не подстережет вас, как пытался это сделать сегодня со мной. Могу заверить, мы изловим его в течение получаса.

— Одна просьба, — улыбнулась черноволосая красавица. — Проявите к нему максимальное снисхождение.

Новичок на секунду задумался, с видимой досадой произнес:

— Признаться, я думал посадить его на кол или вздернуть, по крайней мере, на первой же осине. Но если вы настаиваете...

— Да, я настаиваю!

— Что ж, будет сделано, мадмуазель! Хотя и жаль. Лично я испек бы его на угольях и этим же вечером накормил весь интернат.

— Что вы такое говорите!

— Шучу, мадмуазель, конечно же, шучу...

Глядя на черноволосую красавицу, Эдик ощутил внезапную грусть. Грусть, какой никогда прежде ему не доводилось испытывать. От ласкового голоса девочки сердце его зашло в стремительном ритме. Положив руку на плечо Мальцева-Петьки, он вдруг почувствовал, что сердце друга стучит так же громко и взволнованно. Они стучали, как два маленьких барабана, глядя, как королевской походкой девочка уходит от них, тонет в мягкой лесной зелени. Обернувшись к ним, новичок насмешливо изогнул брови.

— Что, хороша куколка?

Ликующий вздернутый нос и все те же ехидные глаза... Увы, так и не выучился Эдик понимать этого сорванца. Он мог нравиться, мог откровенно пугать, а мог и раздражать. Вот и сейчас фраза этого шельмеца кинжалом пронзила сознание, холодом окатила ликующее сердце. Барабанный бой стих... Сам не понимая того, что делает, Эдик зачерпнул в горсть высушенных еловых иголок и, шагнув вперед, высыпал на косматые кудри новичка.

— К вашим услугам, сэр! В любой день и любой час! — отчетливо произнес он.

Приоткрыв от неожиданности рот, новичок

обалдело начал стряхивать с головы лесной мусор. Потом с интересом и без особой злости посмотрел в глаза Эдику.

— Неплохо, граф! Очень даже неплохо! Вижу, вы растете. Думается, если мы не прикончим друг друга на дуэли, то станем друзьями.

— А это вы видели! — Эдик показал новичку кукиш. К слову сказать, подобную пальцевую фигуру он изображал впервые в жизни. Даже сам не понял, как это получилось.

— Мда... — новичок усмешливо покачал головой. — Надо сказать, манеры у вас отнюдь не графские. Впрочем, о чем это я! Зачем вам манеры, если циклоны с антициклонами могут сталкиваться и без них. И главное, что в итоге подобного столкновения получается великолепный ноль. Энергетическая дуля и главная премия взрослых дядей за гигантской пшик.

— Что вы может понимать в этом! — Эдик задохнулся от негодования.

— Конечно, куда нам, темным! — глаза новенького снова смеялись и блестели. — Итак, дуэль? Конечно же, на шпагах?

Эдик стиснул зубы. Оскорбление оказалось двойным!

— Нет! — отрубил он. — Стреляться будем из рогаток! Вы, сударь, разбойник, а с разбойниками, как известно, на шпагах не дерутся!

— И я тоже... Это самое... Насчет сатисфакции, — взволнованно проговорил Мальцев-Петька. Он стоял уже рядом с Эдиком и грозно сопел.

— Ого! Еще немного, и я стану Дартаньяном! — новичок переменялся в лице и мрачно произнес. — Что ж, сегодня после отбоя и приступим, господа. Смею заверить, что жить вам осталось недолго...

* * *

Стрелялись в пустой лаборатории, где не могли помешать учителя. Многочисленные секунденты завязали им глаза плотными шарфами, выдали по рогатке и пригоршне резиновых шариков.

— Стрелять строго на звук шагов. Начинаем на счет «три» после ухода последнего из свидетелей, заканчиваем после первого же серьезного ранения.

— Давай, давай, мелкота, разбегайся, — хмыкнул новичок. — Знаем правила и без вас.

Теснясь и толкаясь, секунденты поспешили покинуть опасное пространство, и новичок немедленно гаркнул:

— Ну, что ж, держись, графинчик!

Шарик тенькнул где-то над головой, с причмокиванием ударил в стену. Эдик выстрелил в ответ и тут же поспешил сменить место. Увы, новичок оказался прворнее. Едва Эдик изготовился для нового выстрела, резиновая пулька обожгла ему руку. Подскочив от боли, локтем он ударился о что-то твердое, и это твердое немедленно повалилось на пол. С грохотом и пугающим стеклянным звоном.

— Столовский синтезатор повалил! — ахнул кто-то.

— Амба машинке!

— А главное — дуэль не досмотрели, блин!..

Скрипнула дверь, и Эдик мужественно сдернул с глаз повязку. Обречено глядя на опрокинутый корпус пищевого синтезатора, в дверях лаборатории стоял директор интерната.

— Я нечаянно, — пробормотал Эдуард. — Не думал, что так получится.

— Разумеется... — устало и совсем даже не грозно произнес директор. — Всем разойтись по палатам и спать. Всем, кроме господ дуэлянтов. Последние займутся уборкой мусора и починкой синтезатора...

* * *

Починкой, естественно, пришлось заниматься Эдуарду. Поломка, по счастью, оказалась не самой серьезной. Как выяснилось, от падения выскочили из гнезд два инвертрона, оторвался провод заземления и раскололся экран анимационного блока. Пока Эдик возился с разборкой базового корпуса, новичок успел куда-то сбегать и приволок таинственный кулек.

— Что это?

— А ты полюбуйся!..

На пол посыпались пластмассовые и оловянные солдатки, пружинные пушечки, заводные танки.

— Добивай пока свое железо, а я здесь все подготвлю, — новичок деловито поскреб в затылке, начал быстро сортировать пластмассовое войско. — Не получилось на рогатках, иначе закончим спор.

Изумленно косясь на невиданную армию, Эдик нервно хохотнул. Это становилось совсем смешным. Дуэль превращалась в фарс. Неужели новичок играет в такое! Солдатки-то для годовалых!..

Отвлечись, он обжег руку паяльником. Чертыхнувшись, вновь вернулся к синтезатору. Занялся проверкой линейных разъёмов. Восемь питающих проводов, крохотные кембрики, многорядные порты — главное было не спутать цвета, а так ничего сложного...

Он уже заканчивал пайку, когда позади раздался шлепок выстрела. Обернувшись, Эдик увидел, как развалилась от прямого попадания шеренга бойцов. Механические слоники, жужжа и вздымая крохотные хоботки, надвигались на прижавшиеся к земле танки, и, схоронившись за ножками стульев, тщетно ожидала команд пластмассовая пехота. Между тем, новичок снова целился из пушечки.

— Бэмс! И ваших нет! — снарядик и впрямь угодил в борт танку, опрокинув его вверх гусеницами.

Эдуард отчего-то занервничал. Судя по всему, армия новичка намеревалась и дальше безнаказанно расстреливать бойцов Эдика. Это было нечестно и несправедливо, но новичок по обыкновению ломал все устоявшиеся правила.

— Откуда ты взял это старье? — нервно поинтересовался Эдик.

— От верблюда, — невозмутимо парировал новичок.

— Я думал, в такое уже не играют.

— Как видишь, играют... Так что? Будешь коман-

довать своими недотепами или отдашь их всех на съедение?

– Почему это они недотепы?

– Потому что недотепы и есть. Командир где-то гуляет, а они выстроились как на параде. Этак я их всех перещелкаю... Так будешь играть или стесняешься?

– Чего это я стесняюсь?

– Ну, как же! Все-таки граф, а тут такое старье. – Новичок откровенно ехидничал.

Ситуация выглядела более чем нелепой, и Эдик обескуражено молчал. Между тем, шеренга его «недотеп» продолжала таять с каждым новым выстрелом.

– погоди! Что же ты делаешь?

– Как что? Воюю!

– Они же не защищаются!

– А кто виноват, что великородный граф не желает ими командовать?

– Почему это? Очень даже желаю!

– Вот и командуй!

– И буду!.. – Эдик торопливо шлепнулся на колени. – Где тут мои пушки?

* * *

Письма ли были тому причиной, телефонные ли звонки, но родители хлынули в интернат густым потоком. Директор едва успевал размещать всех вновь прибывающих в местной гостинице. Упреки, жалобы сыпались со всех сторон, и на требования вернуть детей директору оставалось только бормотать нечто невразумительное. Он просто еще не знал, как объяснить им то, что случилось этим утром.

А случилось то, что еще с вечера интернатовцы по команде новичка дружно взялись за изготовление деревянных палиц, мечей и копий. Весь фольгированный гетинакс со склада был попилен на щиты и доспехи, а ночью во главе небольшого войска предводитель «разбойного люда» тайно покинул интернат. Разъяренные «рыцари», ведомые графом Эддом, даже не позавтракав и не заправив постелей, устремились за ним в погоню. Мало того – директор уже знал, что «шайка разбойников» совершила набег на соседний интернат, откуда увела «в полон» около десятка девочек. Разумеется, рыцари поклялись освободить несчастных пленниц, и, возможно, в эту самую минуту где-то в глубине леса с хрустом смыкались деревянные мечи и, истошно визжа, хлопали в ладоши «несчастные» пленницы.

Директор отлично понимал, что рискует, как никогда. Целиком и полностью он полагался теперь только на группу внутреннего контроля, однако в сложившейся ситуации никто не мог гарантировать абсолютной безопасности детей. И, разумеется, было ясно, что как только в интернате соберутся все родители, директору придется дать вразумительное объяснение по поводу случившегося. Заранее волнуясь, он часто утирал платком широкий «сократовский» лоб и ни на миг не освобождал свое левое

ухо от крохотного наушничка, каждые пять минут вещающего обо всем, что происходит в лесу...

* * *

Увы, родители оставались родителями, а потому слушать ничего не желали. В самом деле, пусть не хулиган, пусть рекордсмен по специальному тестированию Глена, пусть выпускник особого интерната, но что с того? Да, они знали, что в особых интернатах поселяют детей необычных родителей, там не запрещают шалостей и царит свой особый микроклимат, заставляющий подражать астронавтам-первопроходцам, древним викингам и поморам. Но зачем же все эти безобразия переносить сюда? Чего ради способствовать дурному влиянию на тех, кто уже сейчас разрабатывает сложнейшие эконом-планы, общается со светилами планеты, посягает на краеугольные камни современной науки? Возможно, эксперимент был по-своему любопытен, но что же получилось в итоге? Лаборатории и обучающие залы опустели, в информатории никто не навевывается уже в течение нескольких недель, а в спальнях – о, ужас! – на небуранных кроватях валяется чуть ли не беллетристика! Жюль Верн, Конан Дойль и какой-то, простите, Карлсон, живущий на крыше!.. Наконец, следует поговорить о здоровье детей! О чем думал господин директор, допуская схватки на варварских мечах и луках, позволяя стрелять из рогаток и проводить в классах подобию настоящих дуэлей?

Именно таких объяснений ждали от него родители, и именно об этом он пытался с ними сейчас говорить. Директор то и дело утирал с лица пот, беспокойно заглядывал в составленную накануне шпаргалку. Понимая, что получается у него не слишком убедительно, он спешил и волновался, отчего речь выходила еще более сумбурной...

– Безусловно, элемент риска имеется в любом серьезном начинании. Да, он присутствует и в нашем случае. Но мы ведь тоже не слепые и по мере сил стараемся свести опасность к минимуму. В сущности, это первый эксперимент подобного рода, и сейчас за ребятами внимательно следят особые группы контролеров. Задействованы даже специальные системы защиты, которые до сих пор применялись лишь в технике боевого астродесанта. Поэтому могу твердо уверить: несчастные случаи исключены в принципе...

Зал прервал его гулом голосов, и директор поднял руку, тщетно пытаясь призвать к тишине. Увы, родители продолжали гудеть растревоженным улем. Они и были сейчас насекомыми – злыми и ничего не слышащими, готовыми кусать и жалить.

– Сейчас всем нам важнее понять другое, – директор приблизил микрофон вплотную к губам, заговорил громче. – Я имею в виду воспитательно-обучающий фактор, который, следует признать, дал трещину во всем мире. Как это ни грустно, но последние субтехнические методики себя не оправдали. Привнести в мир детей взрослое оказалось не столь уж сложно, но мы получили несмысленных

подражателей, потенциальных торгашей, банкиров и технократов. Из них перестали выпестовываться личности, перестали выходить самобытные творцы. И это понятно. В очередной раз мы замахнулись на природу, безапелляционно исключив всяческую борьбу за идеалы, за чувства, за собственное достоинство. Мы забыли, что сказка — это существенная часть в процессе становления человека! Недаром в последнее время даже в технических науках наблюдается спад развития, да и сама наука все больше становится наукой в себе, таким примером бессмысленности всяческого прогресса. Причина кроется как раз в том, что мы успели вынаничить поколение сообразительных, но, извините меня, машиноподобных потомков. Да, они легко становятся учеными и руководителями предприятий, но следует признать, что при этом в них исчезает нечто чрезвычайно важное. Возможно, именно то, что подвигает людей к творчеству, толкает к открытиям и непростому выбору между черным и белым. Нам давно следовало осознать, что творчество — это не только ум, но и обычное любопытство, умение и желание бороться и сочувствовать. Это, наконец, безрассудство, толкающее на противление постулатам, на вечное сомнение... И еще: вы боитесь за своих детей, потому что уже сейчас не верите в них, заранее полагая, что они сдадутся, забыв о науках и всех своих разработках! — директор перевел дух, скомкал платок в повлажневшей ладони. — Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что происходит как раз обратное. Уже сегодня к ним начинает возвращаться то главное, что ежегодно убивало и убивает наше дифференцированное воспитание. И в этом смысле новенький ученик для нас — настоящее открытие. И даже не открытие, а спасение...

Толпа вновь возмущенно загудела, заставив его умолкнуть. Директор отхлебнул из графина и обреченно вздохнул. Перед ним сидели глухие непоколебимые люди.

Родители...

И, конечно, слушали его, скорее всего, из вежливости. Увенчанные сединами головы осуждающе покачивались, сердитые взоры выжимали из директорского лба жаркие капли пота. Наверное, собравшихся можно было понять. Ведь речь шла об их смене! Именно это поколение должно было перехватить эстафетную палочку удачливых ветеранов, сменить их в будущем, как сменяет одна ночь другую — с той же луной, теми же кратерами и теми же звездами. И все же... Шанс переубедить их, построить должным образом оставался. Собственно, затем он сюда и явился. Постараться объяснить им, что не одними тестами выявляются личности и не одними знаниями определяется человеческий статус. Втолковать это приехавшим родителям было трудно, но чрезвычайно необходимо. Для чего? Да хотя бы для того, чтобы в нескольких тысячах шагах отсюда после продолжительной битвы рыцарю Эдду удалось освободить прекрасных пленниц, а предводителю разбойного люда пришла в голову блистательная мысль предложить рыцарям мир...

БАХМЕТЬЕВА Мария Федоровна (1889 — 1966).

Московский литератор. 1959. № 3.
Мацуев.

БАХМУТОВА Елена, поэтесса.

Сотр. сб. «Елань» (Томск, 1919).
Здобнов.

БАХМУТОВА Елена Константиновна (1897 — 1957), ученый-лексиколог, авт. учебных пособий.

Род. в селе Кочневском Екатеринбургского уезда Пермской губ. Начальное образование получ. в земской школе. Окончила этнолого-лингвистич. отделение факультета общественных наук Ленинградского ун-та. В 1940 защитила диссертацию по теме «Иранские элементы в деловом языке Московского государства». (в сокр. опубликована в «Ученых записках» Казанского пед. ин-та 1940. Вып. 3. Изд. 2-е). Проявляла особый интерес к вопросам историч. лексикологии. Под ее руководством велись работы по созданию «Диалектологического атласа русского языка». Автор большой научной работы «Атлас народных русских говоров Волго-Камья» («Ученые записки Казанского ун-та» 1955. Т. 115). Участвовала в подготовке «Областного словаря Волжско-Камского края». Была редактором ряда научных изданий. Сост. несколько учебных пособий по изучению русского языка: «Учебная книга по русскому языку для таджикских школ» (Изд. 2-е. 1935); «Сб. материалов для изложений по русскому языку в V-VII классах татарской семилетней и средней школы». Казань, 1950 (в соавт. с Н.Картиковской). В издательстве Казанского ун-та в 1961 вышла кн., посв. памяти Б.: «Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья» (Т. 121. Кн. 3). В ней — статья о Б. и портр.

РНБ.

БАХМУТСКАЯ Сарра Абрамовна (псевд. Исаев, С.; 1881 —), авт. работ по санитарии и гигиене.

Авт. многих научно-популярных кн.: «Старый знакомый. Сыпной тиф» М.-Л., 1929; «Баня и здоровье». М., 1931; «Санитарный минимум рыбаков во время лова». М.-Л., 1931; «Как одевать ребенка на первом году жизни» М., 1958; «Всяк своего здоровья кузнец» (1927); «Берегите детей от несчастных случаев» М., 1959; «Рост и развитие ребенка во время внутриутробной жизни и в период раннего детства» М., 1932; «Сезонные ясли в колхозе» М.-Л., 1941 и др.

РНБ; Масанов (Бахмутовская).

БАХТУРИНА Мария, дет. писательница, переводчица.

Пер. кн. «Крещенский вечерок», дет. сказки. СПб., 1838 рец. в «Сев. пчеле». 1838. № 297.

Слов. рус. писательниц.

БАХЧИСАРАЙЦЕВА Нина Эммануиловна (псевд. Эммануилова, Н.), драматург.

Масанов.

(Продолжение в следующем номере)

Геннадий ЧЕУРИН,
научный руководитель Центра экологического выживания и безопасности,
почётный полярник

Опасности весеннего льда и восстановление после стресса

Лёд, особенно тонкий, всегда манил человека возможностью испытать судьбу (повезёт — не повезёт) и самого себя (одолею — не одолею). Что ж, категорично отговаривать любителей риска от вылазки на лёд не станем, но соответствующие рекомендации попробуем предоставить. А заодно напомним основы ещё одного пласта русской культуры — квалифицированного восстановления после стрессов.

Вначале самое главное. Собираясь выходить на лёд, ответьте чётко на вопрос: «Почему я не могу не идти?» Если есть уверенность, что не можете поступить по-другому — интуитивно пройдёте по тем местам, где лёд наиболее крепок. Конечно, рыбная ловля по тонкому льду притягивает огромное количество мужчин. И, думаю, не столько ради добычи, сколько ради чего-то ещё. Что уж говорить о подростках, ищущих острых ощущений? Между тем мало кто знает, что бег по тонкому льду, особенно по торосному ледоходу, является элементом древней российской молодецкой культуры. В старину люди этому обучались и в 16–17 лет удовлетворяли свою жажду «ледового риска».

Мне и самому довелось участвовать в подобных играх. В детстве я жил на берегу реки Ай на Южном Урале. И скажу, что ледоход — это поистине фантастическое зрелище! На речку, освобождавшуюся ото льда, выходила посмотреть вся деревня, включая стариков, многие годы не встававших с печи. Но только ли буйство природы привлекало всеобщее внимание?

В период ледохода затевались особые молодецкие игры. Юноши

Фото Сергея Липина

обнажились по пояс, надевали сапоги с отворотами, брали в руки шест 3–4 метра длиной, бежали по торосному льду, чтобы схватить рыбу, выброшенную из ледовых трещин волной, кинуть её в отвороты сапог — и назад! А если случалась беда и кто-то проваливался под лёд, спасали всей ватагой, и кто как себя показывал — судили строго. Да, парни похвалялись удачью меж собой, но, и это главное, с высокого берега за ними наблюдали девушки.

Заодно здесь же проверялось владение (либо невладение) навыками плавания в ледяной воде. Сейчас старинная русская традиция — бегание по тонкому льду — утрачена, а значит, канул в Лету целый пласт соответствующей культуры. Тяга же, заложенная в нас, видимо, генетически, осталась. Вот и влечёт мужчин тонкий лёд, как весной, так и осенью. Потому что в юности «не наигрались»!

Однако от эмоций перейдём к практическим вопросам. Что делать, если вы, не дай Бог, провалились под лёд? **Во-первых**, следует учесть то обстоятельство, что у мужчин так называемый ледяной шок наступает уже на пятой-шестой минуте после погружения в холодную воду. Поэтому до истечения этого времени необходимо выбраться из пучины. Для женщин наступление ледяного шока оттягивается на 30–40 минут. Так что, как ни удивительно, из полыньи первыми надо извлекать мужчин.

Во-вторых, пытайтесь выбраться на поверхность, обламывая край льдины своим телом, пока не доберетесь до крепкого льда. Обычно рыбаки берут с собой два складных шила, чтобы цепляться ими за льдину. Однако для той же цели сгодится и самый обычный нож, и любые подручные средства — пряжка от ремня, даже металлические монеты. Только не забывайте, что когда одежда намочена, поднятие руки влечёт за собой погружение тела, поэтому двигайтесь в воде осторожно и расчётливо.

И, в-третьих. После того, как вы благополучно выбрались на край проруби, следует, не мешкая, снять сырую одежду и в «пожарном порядке» переодеться в сухое до истечения критического срока (те самые пять-шесть минут).

После того, как угроза жизни и здоровью окончательно миновала, необходимо снять стресс, провести очистительные процедуры. Сама наша жизнь в зоне рискованного земледелия, где стрессы являются неотъемлемым элементом повседневности, выработала специфические методики восстановления после стресса, в которых ключевым моментом является баня.

Дело в том, что в стрессовой ситуации в организме человека накапливаются токсины — шлаки, которые закапсулированы и пребывают там до поры до времени, постепенно растворяясь, методично отравляя нам жизнь. Идеальный

вариант — мощным положительным стрессом (баней!) включить раскапсулирование шлаков и удалить их, минуя кровеносную систему, то есть через кожу, через пот.

Для правильного восстановления в русской бане важен ещё один фактор — приятная компания людей, хорошо вам знакомых, но не более девяти человек (даже для похода в большую баню). Замечу, что хорошенько пропарить должен лучший друг (эффект от самостоятельного парения примерно такой же, как от самошкетки). Париться надо тремя венниками — один под головой, вы им дышите, а двумя другими ваш товарищ вас парит. Кстати, парящий получает наслаждение (а значит, очищение) не меньшее, чем «паруемый». Из парилки неплохо выбежать на снег, ещё лучше — нырнуть в прорубь.

Теперь насчёт «ста граммов». Водка без бани — тоже положительный стресс, но интенсивно растворенные шлаки в данном случае попадут в кровь, затем в печень и почки, и произойдёт мощнейшая перегрузка организма. А когда шлаки доберутся до мозга, произойдет отравление шлаками, человек попросту «упадёт». Цирроз печени бывает не оттого, что водку пьют, а оттого, что слишком часто с помощью водки восстанавливаются.

Сто грамм хороши, как говорил Суворов, после бани! Но еще лучше приготовить так называемый «таёжный грог»: две-три ложки водки на кружку горячего, но не обжигающего, крепкого чая без сахара. Если выпить залпом — результат такой же, как после стакана водки, и отрицательные последствия минимальны, так как вновь наступает потоотделение.

Внимание: если после стресса вместо посещения парилки принять ванну, эффект можно получить обратный. На поверхности тела под водой потоотделение затруднено. Шлаки двигаются к голове и лёгким — других путей наружу просто нет. Вспомните тяжёлое дыхание и «чугунную» голову в некоторых случаях после ванны. Это и есть следствие неграмотного восстановления после стресса.

Теперь перейдём к ситуации, когда, несмотря на принятые срочные меры, человека, подвергшегося охлаждению, всё же одолевает болезнь. Возьмём на себя смелость утверждать, что если регулярно и правильно восстанавливаться, то недугов можно избежать! К примеру, что такое грипп? Есть мнение, что это инфекционная болезнь. Я придерживаюсь гипотезы, что болезнь эта психосоматическая, которая даёт человеку «для отдыха». Если человек перегрузил себя стрессами, не отдыхает, не восстанавливается, к нему приходит грипп и укладывает на недельку в постель. Если вы загнали свой организм, в лечении будет мало толку. Именно с помощью болезни организм управляет нами, неразумными!

Дела и дни Быковской школы

В 1870 году начал свою деятельность орган местного самоуправления — Красноуфимское уездное земство.

Открывать училища-школы оно старалось в тех селениях, где часть расходов брало на себя сельское общество. Училища эти были в основном одноклассные с трёхгодичным курсом обучения. К таковым относилось и Быковское училище, учреждённое в октябре 1875 года. Через три года в нём состояло двадцать учеников в возрасте от восьми до 12 лет, все они были из крестьян и православные.

Вскоре далеко от нашей местности началась русско-турецкая война. Земская управа решила сократить расходы по тем школам, где «училищное дело оказывается мало приносящим пользы». Попечитель Быковского училища донёс земской управе, что «общество не даёт для училища отопление, которое прежде давало, и даже изъявляет желание прикрыть школу». Но этого всё же не случилось. К началу 1881—82 учебного года в училище состояло 25 учащихся. Кроме крестьян, отмечены дети военных — два мальчика и четыре девочки. Это были дети семей служащих местной этапной команды, занимавшихся конвоированием заключённых по Сибирскому тракту.

Попечитель Быковской школы П.Т. Русинов, заведующий Быковской почтовой станцией, сообщал: «Училище находится в общественном деревянном доме, в другой половине здания волостного правления, оно удобно, но требует замены старой ветхой крыши новой и обивки наружных стен тёсом, так как в проливные дожди штукатурка промокает и может обвалиться». На содержание школы местное земство тогда выделяло триста рублей и сто рублей — сельское общество.

Учителя в училищах, в том числе и Быковском, менялись довольно часто. В земских документах даже отмечалось, что в Быковской волости «в зиму 1883-84 года учительствовал расстриженный псаломщик, кончивший потом свою учительскую деятельность на паперти одной из пермских церквей нищенством».

В земских документах за 1889 год говорилось, что в библиотеке Быковского училища имелось 543 книги и 33 учебных пособия на общую сумму 263 рубля 80 копеек. Годовой оклад учителя составлял триста рублей. В 1895—96 учебном году уездное земство выделило школе 367 рублей, от сельского общества по штату поступило 33 рубля, да сверх того — 28 рублей. От частных лиц взносов тогда не поступило. Полученные средства были распределены следующим

образом: на жалованье учителю И.С. Швецову — 275 рублей, гимназисту М. Русинову — 24 и законоучителю — 50 рублей. Учебных пособий было приобретено на сорок рублей, да наем помещения обошёлся в двадцать восемь. Для сравнения надо сказать, что в те годы на местных базарах лошадь оценивалась от десяти до тридцати рублей и выше, корова стоила десять—двадцать рублей.

В 1896 году для Быковского училища на со-единённые средства местного земства и сельского общества был куплен отдельный дом, а вскоре тоже на совместные средства возведено собственное здание. И надо же такому случиться: оно погибло в огне сильного пожара в июле 1899 года. В нём сгорело и имущество учителя Шаньгина.

Местное земство пришло на выручку, изыскав средства для приобретения учебных пособий и классной мебели, на содержание и обустройство квартиры для учителя Шаньгина. Он, кроме того, за свой труд был награждён серебряной медалью.

А Быковское сельское общество на полученные страховые средства в 1900 году приступило к по-

**Быковская школа, построенная в 1948 г.
На стр. 78 — церковное здание в с. Быково**

стройке нового школьного двухэтажного здания, рассчитанного на шестьдесят учащихся. Министерство земледелия и государственных имуществ отпустило на его постройку строевой лес.

В училище в те годы обучалось уже до пятидесяти детей. Учительница Верхоланцева на специальных курсах хорошо усвоила ткацкую работу и стала обучать этому делу ребятишек. Сельский сход, приговором от 2 мая 1904 года, возбудил ходатайство об ассигновании пособия в сумме 15 рублей на обстановку зала для народного чтения, и уездное земство прошение удовлетворило.

В 1904 году земство нашло нужным повысить и жалование учителям для уменьшения текучести кадров. У учителя повышение выразилось в 24 рубля.

На первое января 1913 года здесь обучалось 65 учеников. В 1914—15 учебном году учитель Г. А. Соколов трижды проводил чтения для всех быковцев. На них присутствовало более ста человек взрослого населения и двести детей.

Двухэтажное школьное здание в Быково, пережив послереволюционные реформы, прослужило до очередного сильного пожара летом 1933 года. Прошло целых пятнадцать лет, пока в Быково в 1948 году открылась новая школа, которая и по сей день принимает детей. До этого быковские школьники обучались в различных, кое-как приспособленных, жилых помещениях и в закрытом к тому времени церковном здании, где даже в бывшем алтаре был оборудован класс.

В 1949 году учительница Быковской школы Р.М. Русинова была награждена орденом Ленина. Её учительский стаж уже тогда составил свыше тридцати лет. В 60—70-е годы ушедшего века в средней школе обучалось в две смены триста детей, в том числе и из соседних селений.

В 2005—06 учебный год в основную общеобразовательную школу в селе Быково, что в Ачитском районе Свердловской области, по утрам бегут чуть более двух десятков учеников...

Коллектив быковской школы. Март 1948 г. В верхнем ряду вторая слева Р.М. Русинова

СВИДЕТЕЛИ АПОКАЛИПСИСА

Глава,
написанная по случаю, никакого значения и отношения к самой книге не имеющая и добавленная к ней вообще непонятно зачем.

Я всегда хотел быть писателем. Сколько себя помню — всегда хотел. То есть это не старческое чудачество. Необязательно становиться чудаком, достигнув моего возраста. Мне семьдесят два года, но я перемещаюсь без помощи трости. У меня серые глаза, чуть более тусклые, чем мне хотелось бы, и кустистые брови, изумительно их занавешивающие. Что еще рассказать о себе... Я вдовец, как говорят сейчас, вдовец соломенный, не обрадованный детьми и не огорченный родственниками. Я люблю морской ветер, вермишель и штрудели с запеченной клубникой. У меня приличное для моих лет здоровье, большое умение извлечь толику удовольствия из созерцания печатного текста и неприятно неразвитый мочевого пузырь — для того, чтобы оставаться джентльменом, мне необходимо несколько раз за ночь подняться в уборную. Вы видите — насколько я с вами честен. Ведь честность — это несомненная привилегия стоящего писателя. К тому же частые посещения уборной выделяют необходимое для подобных занятий время.

Я думаю, что рассказал о себе достаточно, чтобы вызвать некоторую заинтересованность. Тем более что речь пойдет вовсе не обо мне.

Речь пойдет о дорожной скуке. Я уверен, что знаю о ней все.

Знаю о ее силе, перед которой не устоит ничто, знаю о ее коварстве, умении подкрасться в самый неожиданный момент, о ее выносливой изощренности.

Я знаю, о чем говорю.

Мне столько раз приходилось пересекать Континент, сгорбясь в неудобном нутре вагона, одного из многих, которые тянет за собой нескончаемый, медлительный, грузный, роняющий угольную копоть и влажный перегретый пар, прокопченный насквозь локомотив Вечного Атлантического Экспресса.

Вы знаете, сколько времени занимает путь от Западного побережья к Северо-Восточному?

Против скуки даже Боги бессильны. Эту фразу придумал не я. Я ее прочитал — у умного Ницше. Попадалась мне в руки в свое время такая книжонка, затрепанная и захватанная жирными пальцами, с

круглым желтым потеком на обложке. Я, помнится, поскреб тогда ее брезгливо ногтем, подумалось, что это засохшая моча или что еще похуже. Оказалось потом, что не моча, а отпечаток чайного стакана. Попутчик, случившийся рядом, скабрёзно отметил, дескать, разница-то небольшая. Чай и в самом деле был отвратен. Едва покрашенный, с привкусом железистых солей, в стаканах с таким изменившимся цветом стекла, что казалось, они никогда, вообще никогда, ни единого раза не были мытыми. Впрочем, должно быть, так и было.

Книга нашлась в рундуке под сиденьем, словно монетка, запеченная в пироге, в утробе свернутого в рулет полосатого матраса. Матрасами в купе не пользовались никогда, настолько они были неудобны. Вата в них давно свалаялась в колтуны, и плотные комки перемежались с тряпичной пыльной пустотой. На таком матрасе не можешь отделаться от ощущения, что улегся зачем-то на логово маленьких больных зверьков. Полки просто застилались одеялами. Надо сказать, бока матрасов сплошь были уляпаны такими вот усохшими желтыми кляксами. Видимо, на них часто проливали чай.

Она, книжонка эта, могла быть утеряна кем-то пару дней назад, а могла уже тысячу раз пересечь Континент, задохнувшись в пыльном ватном полосатом брюхе. У нее был сор между страниц. Крошки, мертвые листья, даже обугленные спички. Я забыл ее в изголовье спальной полки, и ее, должно быть, снова зашвырнули в рундук. А может, схоронили с почестями в братской могиле чьей-нибудь личной библиотеки, среди золотых отрезков и паутинных пластов, в доме человека с побитыми молюью бакенбардами и с книжным лицом. Или же просто подтерлись ею. Конечно, не всей целиком, а каждой страницей в отдельности. Должно быть, глупо сейчас вот, на склоне лет, столь заботиться о судьбе какой-то там книги. И несправедливо к читателю настолько удерживать его внимание на предмете, который не имеет ни малейшего отношения к сюжету.

Вот если б это был символ... Ружье, висящее на гвозде в первом акте... Если бы герой снова натол-

кнулся на нее, уже ближе к финалу, на последних страницах, когда все мысли уже подуманы, когда все ошибки сделаны и благополучно исправлены, когда он уже перерезал гордиев узел своих заблуждений и привязанностей, и теперь осталось только присесть на несколько минут и, уставясь в окно, дожидаться, пока автор, довольный проделанной работой, поставит наконец точку, завершая последнее предложение и, чуть помедлив, выведет слово «Эпилог» — вот тогда ему следует опустить глаза вниз, невзначай, непременно невзначай, и заметить ее, книжонку с вензелями стеклянных донышек на обложке. Тогда следует вспомнить, что она уже попадалось на глаза, совершенно так же — невзначай, и он, поторопившись сойти с поезда, оставил ее в изголовье, не продвинувшись дальше двенадцатой страницы. Следует распахнуть на странице номер тринадцать, выдуть из сгиба крошки и прочий сор. Нужно же как-то скоротать время, пока автор смакует свое изжеванное в картон творение. И вот там, на тринадцатой... О, избави нас всех, Великий Боже, избави... Что стоило тогда, в первой главе, увлечься и дочитать. Что стоило... А так — литры крови, пролитой, отданной во спасение или просто прокисшей. Изломанная судьба и култышка отрезанного пальца на правой руке. И деревянный протез... И пожелтевшее, как палый лист, письмо. В котором «прости меня за все, молю, прости...» и «...всегда буду помнить». О, избави Боже от случайных книг, все зло, вся седая печаль этой большой земли — от них. Против скуки даже Боги бессильны. Это Книга Судеб и цвета пролитого чая невоскрытые Печати ее.

Но нет. Это все лишь старческое брюзжание. Будь я писателем, никого бы не стал мучить подобными эпилогами. Такой книги просто не может быть на свете. Это что-то фантастическое, но для фантастики не годится — слишком уж заумное и занудное для фантастики. Никто не любит фантастов, которые умничают. Даже сами фантасты. Кому охота выглядеть дураком рядом с коллегой, изрекающим туманные фразы. Только дураку и охота. Профессиональная этика требует четкости и трехногих прищельцев. Поэтому такой книги никогда существовать не будет.

К слову сказать, ее действительно не существует. Я бывал в Пристоуне, в самой большой на Континенте публичной библиотеке. В огромном зале с колоннами и мраморным полом, с потолком, до которого не долетает эхо. Верхние ряды стеллажей там, под потолком, могут показаться складом спичечной фабрики, настолько малы и притиснуты друг к другу бесчисленные тома. Нижний же ярус сработан из крепкого приморского дуба, и толщину его колонн не обхватить двумя ладонями. Если там нет какой-то книги — будьте уверены, ее нет вообще. Имени Ницше тоже никто не слышал. Судя по тому, как звук его имени обдирает горло, он гипербореец. У них такие фамилии — словно проглотил перцовый стручок: Выше Густав, Глыбже Меррит, Тынше Абрахам К. Странный народец.

Мистер Присноу, мой сосед, единственный человек, кто слышал такое имя — Ницше. Тот работал

костыльщиком и жил на углу Второй Угольной улицы родного городка Присноу, Шарлотсвилл, штат Верджия, Американский Округ, Котельно-Клепальный Завод. Говорит, тот Ницше тоже был крайне умен.

Так что, скорее всего, эта книга мне приснилась.

— Что все это значит? — спросил он.

— Не знаю, — ответили ему. — Быть может, это конец. Конец всему. Ты ведь не ждал этого, правда?

— Я ничего не понимаю.

— Тебе и не нужно понимать. Понимание вредит. Оно делает тебя иным, чем ты есть. Понимание не принесет тебе облегчения. Ни тебе, ни другим. Посмотри вокруг.. Посмотри на этих людей... В них нет стремления понять. Они ждут иного — избавления... Каждый из них... они молят прекратить это. Они силятся проснуться, хотя знают, что не спят Они кусают себе губы, рвут жилы, покрываются потом. Они хрипят в сотни глоток — прекрати, прекрати... У них разные голоса, но они смешались. Я слышу один рев — прекрати. От их криков у меня режет уши...

— Ты очень жесток.

— Да. Но, в отличие от вас, я имею на это право!

Лампу задели плечом, и теперь она металась, как цепная псина, натягивая поводок витого провода. Лампа была очень старой — проволочная сетка вокруг стеклянной колбы и суповая тарелка жестяного рефлектора. Рефлектор скрежетал, раскачиваясь, верх его был зеленым в известковых потеках, внутри — белая, засиженная мухами эмаль. От сбитой кромки шибало наотмашь большим электрическим светом, словно бритвой резало по глазам. Шаткие, вздыбленные тени дышали в углах — как языки черного пламени.

— Дорогу! — кричали над самым ухом.

Обдирающе скрежетало — железом по кафелю. Кафельным был пол, желтые и коричневые квадраты, свет от лампы прошелся по нему наждаком, вышлепуивая до лоснящегося блеска. Черными кляксами засыхала кровь меж беспорядочной россыпи следов. На пол у стены натекло крови — квадраты кафеля отмокали в густой малиновой луже. В нее же упирались растопыренные ножки госпитальных носилок, отвислое брезентовое брюхо было прокровавлено насквозь и натужно потело последними тягучими каплями. Тот, кто лежал на носилках, уже умер. Через край свешивалась рука — холодной мраморной белизны. Скрюченные птичьими коготками пальцы просвечивали насквозь.

На него налетели, едва не сшибив с ног. Он неуклюже отпрыгнул. Туфли заскользили на каких-то ошметях. Промчались мимо, грохоча каблуками о кафель. Белые халаты вздувались пузырем на напряженных спинах. Промеж лопаток мокро, а через спину широкой лентой — мельчайшие кровавые брызги. Что случилось? С дороги, я кому сказал!!! Каталка дребезжит маленькими колесиками, спотыкаясь о неровности пола. Сверху, притянутый двумя широкими ремнями, визжащий комок плоти. Куда его? Истошный визг прошибает барабанные пере-

понки — насквозь. Обрубок ноги, задранный сверху, голая кость торчит из бескровных розовых лохмотьев, как металлический стержень. Вон туда, туда. Они с силой толкают каталку, разворачивая, резиновые наболдашники ручек скользкие и пачкают красным. Человек на каталке заходится в крике, выгибается дугой под лаковыми обручами ремней:

— Что, черт возьми, происходит? Я вас спрашиваю! Санитар раздраженно вырывает рукав и поворачивает широкую твердую морду. Подбородок торчит вперед, как половинка кирпича. Глаза его совершенно безумные, радужки даже не видно — одни зрачки. Ты кто? Лыков... Павел... А что происходит, авария? Какая, в жопу... Он делает вдруг стремительный шаг и хватает за рукав — теперь уже Лыкова. А что такое?... Лыков шарахается. Рукав трещит, словно зацепившись за гвоздь. Сколько ты здесь? — рычит Санитар. Бессвязица, испорченный телефон. Голова идет кругом. Вязкие брызги слюны долетают до лица вместе с криком. Лыков беспомощно тянет на себя руку, но Санитар держит. Сколько ты здесь? Смысл вопроса никак не доходит. Слова не составляют. Война, подумал Лыков. Что за черт, откуда? Он закрутил головой. Стены, стены, проемы, длинный, заполненный беспорядочным строительным хламом коридор. Рывок за рукав, лицо Санитара, очень близко, чудовищно огромные поры на носу. — Вот

хрень!! Еще один... Эй... — он закричал куда-то за спину. — Э-эй... Здесь еще один... — А как я попал сюда?!...

Где-то зазвенело, рассыпаясь, стекло, не видно где, быть может в другой комнате, сухо шваркнули распахнутые створки. Истошно закричала женщина. Несколько голосов тотчас подхватили — там! там! Загрохотали шаги, звонко задребезжало опрокинутое железо, потом ударил автомат, это было столь неожиданно, а от того громко, что Лыков присел, зажимая уши ладонями. Та-та-та-та... Грохот выстрелов наполнил весь объем помещения, поглотил все, ничего не осталось на свете, кроме тупых харкающих толчков в уши и механического лязга. Неторопливой белесой струйкой посыпалась штукатурка. Потом стало тихо... Совсем...

Санитар наклонился над ним, выпячивая квадратный подбородок, обхватил запястья твердыми ороговевшими клешнями. Рывком поставил его на ноги, потом, рванув еще раз, оторвал от ушей прижатые ладони.

— ...четыре часа... — услышал Лыков.

— Что? — тупо переспросил он.

— Врач? — спросил санитар.

— Фельдшер. — ответил Лыков. — А что такое?... Как вы узнали?...

— Ты в халате. — сказал санитар.

Лыков посмотрел на себя. На нем действительно был халат, но не тот, чистый, для приемов, а лабораторный, измятый, с двумя оторванными пуговицами, в желтушных фурацилиновых пятнах. Этот халат, помнится, висел за приземистым шкафом в углу перевязочной. Когда я успел его надеть, подумал он.

Санитар опять поймал за локоть и потянул. Пойдем!... Куда? — спросил Лыков... Некогда, пойдём!... Возле каталки, на которой бился одноногий, уже наклонился кто-то, длинный и прямой, как жердь, с сухими корягами рук, торчащими из рукавов халата. Скомканная профессорская ермолка распирала затылок — как опухоль. Санитар тащил его чуть ли не волоком — туфли скользили по полу, Лыков едва успевал переставлять ноги.

Они миновали полуразрушенный дверной проем, в котором болталась четверть уцелевшей створки. Здесь было полно людей, Лыков даже испугался. Люди стояли вдоль стен, склеенные в единую массу. Поворачивались бледные одинаковые лица. Свет тек от окна сквозь клубы цементной пыли тяжело и вяло. Сквозняки трепали обрывки занавесок. В простенках между окнами, по двое, спина к спине, стояли вооруженные люди, в основном в камуфляже, но были среди них и несколько милиционеров в пропыленных мышинных мундирах, один с блестящими лампасами вдоль рукавов и большими буквами ДПС на спине. Пронзительно воняло — смесью крови и пороховых газов. Под подошвами, звеня, раскатывались стреляные гильзы. Скорее, скорее...

Путь перегораживала грудка строительного хлама — кирпичное крошево, перемешанное с пластиами

штукатурки и деревянными обломками. В стене зияла дыра, словно пробитая с размаху чем-то тяжелым и бесформенным, там все еще колыхалась душная известковая пыль. Два человека, неритмично сопя, забрасывали что-то в глубине пролома, выискивая в куче обломков куски покрупнее. Лыков повернулся, чтобы посмотреть. Что-то большое, непонятное, почти полностью погребенное под кирпичным месивом, что-то суставчатое, состоящие сплошь из коротких ломанных плоскостей, в уродливых ржавых наростах и оплывах, горбом выпирало из обломков. Торчащие сквозь кирпич когти... Лыков сначала не понял, что это когти, показалось — куски стекла. Они отсвечивали — тусклым слюдяным блеском. Это было в поле зрения всего мгновение. Лыков не успел даже удивиться по-настоящему.

Санитар потянул его дальше — у дальней от окон стены, под дергающимся светом люминесцентной пары, на полосатых матрасах, расстеленных прямо на полу, лежали раненные. Много, человек пятнадцать. Шевелящийся клубок тел. Пахло здесь, как на бойне — парным мясом, кровь пропитавшая матрасы, выдавливалась с густым вязким хлюпаньем. Прилипали подошвы. Почти у всех не хватало конечностей. Распирали одежду острые обломки костей, скрутые витки бинтов придергивали спадающие лоскуты кожи. Лыков ощутил мгновенную дурноту. Нечто тугое подступило к горлу и остановилось там — плотным горячим комом...

Что это? — спросил Лыков. Мужчина, полулежащий у стены, вдруг страшно захрипел, отваливаясь назад, и с этим хрипом словно вышел из его груди последний воздух, обессилено опал живот и огромные, свернутые из тряпок, тампоны провалились внутрь тела. Голова глухо стукнулась о бетон, резко приподнялась и снова стукнулась, и еще... еще... О, Господи... — сказал санитар. Подхватил мужчину под мышки. Лыков стоял столбом.

Санитар рявкнул:

— Бери давай, чего смотришь!

Лыков нагнулся, неловко взял мужчину за ноги, все еще скребущие по полу, комок в горле при этом подкатился к самому корню языка, и пришлось сильно сжать зубы, задерживая рвотный спазм. Тело было каким-то расслабленно-неподъемным, словно неохватный тряпичный куль с зашитым в глубине чугунным ядром.

— Куда его? — хриплым шепотом спросил Лыков.

— К жмурам.

— Он же еще живой!

— Уже нет. А эти люди живы. И я не хочу, чтобы он очурился на их глазах. У нас и так уже пятеро тронулись.

— Почему?

Санитар поднял на него бездонную черноту зрачков и ничего не сказал.

Через несколько шагов мужчина вдруг дернулся, выгибаясь дугой, на миг сделавшись каменно-твердым, Лыков не удержал его ноги, они выскользнули из перемазанных кровью ладоней и с костяным звуком ударились об пол.

— Все! — сказал санитар.

Со злостью сплюнул на пол и перехватил тело поудобнее.

— Все, — сказал он Лыкову. — Иди к раненым. Инструменты в чемоданчике. Черный такой, увидишь. Бинты и ампулы в патронном ящике, только смотри — их мало. Иди, я сам его оттащу.

— Что здесь было? — в сотый, наверное, раз спросил Лыков. — Взрыв какой-нибудь? Или землетрясение? Или... война? И как я сюда попал?

— Потом. Все — потом, — сказал Санитар. — Сейчас некогда.

Он поволок тело, как мешок с песком, увязая ногами в кирпично-известковом хламе.

Бинтов было — десятка два на дне вместительного дощатого короба. Плюс четыре армейских индивидуальных пакета. Рядом валялась вскрытая цинка из-под автоматных патронов с беспорядочной мешаниной ампул и таблеточных упаковок — обезболяющее, в основном новокаин, пузатые бутылки с пенициллином, что-то антисептическое... Чемоданчик с инструментами оказался невообразимо затоптанным кейсом, брошенным на пол чуть поодаль, откинутая крышка торчала вверх, и из нутра тускло отсвечивала хирургическая сталь: сваленные в кучу, как гаечные ключи, ланцеты, зажимы с кусочками марли, белая пластмасса одноразовых шприцов, все перепачканное кровью, на крышке кейса висели перчатки, в коростах от засохшей крови, с дырами на ладонях и прорванными пальцами.

Лыков опустился на колени перед первым попавшимся человеком. Это была женщина, худая до ледяной хрупкости, лицо запрокинуто вверх, синюшные скулы слабо шевелятся, но ничего не слышно — ни слов, ни стопа. Голое тело напоминало раздавленную рыбину сплошь в бурой чешуе старой, свернувшейся крови, а свернутая в несколько слоев тряпица на груди встала колом — страшно подумать, сколько крови в ней засохло. Лыков осторожно приподнял тряпку — она отвалилась, как кусок жести. Его снова чуть не стошнило. Грудная клетка женщины, словно вскрытая консервным ножом, была развалена надвое, правой груди не было вовсе, минимум трех ребер также не доставало, остальные острыми сломанными концами протыкали кожу. Из черной запекшейся дыры торчали марлевые тампоны...

Лыкова трясло. Он просто не знал, что делать. Здесь не нужен был врач. Тем более фельдшер. Здесь требовался прозектор. Как ни странно, женщина все еще была в сознании, только при вдохах, в глубине месива из костей и плоти, утробно булькало. Как она дышит, подумал Лыков, легкое, конечно, сложилось. Открытая полость. Даже если повезло и острые края ребер не превратили его в кашу... Он положил тряпицу на место — словно закрыл жестяной кожух. Женщины что-то шептала, ее ссохшиеся губы мелко, рывками, шевелились. Лыков наклонился над ней... Во имя отца и сына и духа святого сохрани и помилуй и прости прегрешения наши и избави... Он тронул ладонью ее волосы, они скрипели, сминаясь, как пакля.

— Потерпите!... — зачем-то сказал он.

Женщина опустила твердые скорлупки век, и тот-

час рядом взвизгнули. Коротко. Краем зрения Лыков увидел, как брызнуло. Красное и горячее. Треснутый мальчишеский голос повторил, сбиваясь — кровь, у меня кровь, кровь...

Задранный кверху обрубок ноги был закрыт чьей-то скомканной рубашкой, наспех прихваченной бинтами. Из него, вниз по бедру, проступая сквозь прорехи в джинсах, сочилась кровь, выдавливалась из-под ремня на судорожно втягивающийся живот. Во впадине под диафрагмой трепетала багровая лужица. Лыков дернулся к нему, забыв подняться на ноги. Камешки больно впивались в колени. Под штаниной хлюпало. Он рассек штанину непонятно как оказавшемся в руках скальпелем — был целый водопад крови — разорвал материю до самого паха. Все было перемазано, скользкое липкое, ничего не разобрать, только из-под коросты повязок вялыми тугими толчками выдавливалась кровь.

Жгут, — сказал Лыков. — Скорее. Он оглянулся. Никого не было вокруг. Только лежащие. Страшное медленное копошение. Хриплое беспорядочное дыхание. Столько изуродованных тел сразу. Он застрял взглядом на чьем-то лице. Старик. Лет семьдесят. Седая проволочная щетина. Белое, как извьсть, спокойное, безмятежное лицо. Спит. Нет — умер. Толстенный свитер-самовяз, новый... в елочку... а ниже талии страшная, словно бензопилой, прореха. Шерстяной фарш, закровенелые сосульки. Лыков опомнился, приподняв мальчишку, выдернул ремень, перехлестнул середину бедра. Затянул, упиравсь коленом. Мальчишка часто-часто, по кроличьи, дышал верхушками легких. Лицо его блед-

нело прямо на глазах, из просто белого становясь мертвенным, с заметным налетом синевы по векам. Периферического пульса уже не было, Лыков никак не мог отделаться от ощущения, что держит за руку труп. Жилка на шее слабо трепетала.

Еще кто-то рядом запричитал, потом, словно собравшись с силами заблажил в голос. Больно... больно... Помираю... Мальчишка закатывал глаза. Со стороны окна, а показалось — внутри головы, набатом ударил одиночный выстрел. Лыков вздрогнул, рассыпав звякнувшие ампулы из пригоршни. Они раскатились по полу, почему-то симметричным узором, как в калейдоскопе. Лыков разгребал их, не понимая, что делает. Кардиамин, вспомнил он, и опять слепо зашарил руками. Кардиамина не было. Вообще ничего не было, кроме бесполезных пенициллиновых бутылочек. Наконец попались две ампулы эфедрина. Лыков пальцами обламывал горлышки, не чувствуя сухих стекольных уколов. Исковырлял мальчишке локоть, обнаруживая вены. Обескровленная цианозная конечность висела, как плеть. Столько крови. Пол был просто залит. Колени прилипали с влажным чмоканием. Запах уже не чувствовался, сделавшись фоном. В человеке не так уж много крови — четыре литра у женщин, и немногим более пяти у взрослого мужика. Мальчишка выглядел щуплым. Сколько он потерял, подумал Лыков. Процентом сорок?

Он шел, перешагивая через распластанные тела. За выбитым в щепки проемом было светло. Свеженькое веселое солнце смотрело прямо в окно, и широкие полосы света падали от окна наискось, на усеянный обломками пол. Миллиарды пылинок клубились в широком солнечном луче. Эй, крикнул Лыков. Эй, кто-нибудь! Здесь есть еще врачи? В его сторону посмотрели и отвернулись. Лыков прошел мимо. Кто-то в белом халате выпрямился навстречу. Благообразная седина в академической аккуратной бородке. — Пациент с отрывом конечности. Двенадцать-четырнадцать лет, пол мужской, — быстро сказал кто-то внутри Лыкова. Губы были чужие — Лыков их не чувствовал. Ноги подворачивались на обломках. — Декомпенсированная кровопотеря, геморрагический шок. Периферический пульс не прощупывается, вены спали. — Он шел и шел, но отчего-то каждый следующий шаг нисколько не укорачивал разделяющее их расстояние. И отчего-то чувствовалась необходимость заполнять это пространство словами, и Лыков, сбивчиво и непонятно зачем, словно непутевый студент на экзамене, путаясь в оборотах, бормотал симптоматику шока. Меня выгонят, с ужасом подумал Лыков. За профнепригодность. Когда все это кончится, на первой же конференции... меня выгонят... Он увидел вдруг выставленные ему навстречу ладони и остановился.

Врач стоял вплотную, прижатый к стенке. Клинышек его бородачки почти упирался Лыкову в переносицу. Был различим даже желтоватый табачный венчик под нижней губой. Наверное, это от трубки, подумал Лыков. Он курит трубку. Приминает табак пальцем. И у него, конечно, желтые пальцы на левой

руке. Мысль была дикая. Врач осторожно уперся ладонями ему прямо живот и — не отодвинул — отодвинулся сам.

— Успокойтесь, — сказал он. — Я понял, понял...

— Что мне делать? — мучаясь, спросил Лыков.

— Знаете... — врач отступил на два шага, потом неожиданно закрыл лицо чашечками ладоней и мгновение стоял так, покачиваясь. Отнял ладони и развел руками — широко и беспомощно. — Я не знаю...

— Что...

— Я не знаю... Поймите, это не совсем мой профиль. Нет, я, конечно, практиковал. Но, поймите, это было давно. Это практическая медицина, здесь нужен специалист. Неотложная хирургия — это даже не мое направление.

— Вы врач? — спросил Лыков.

— Не совсем. — он вымученно улыбнулся. — Профессор медицины. Поймите, я уже лет двадцать не видел живого больного. Конечно, все, что в моих силах... Практический навык утрачен... Но я могу ассистировать. — Он показал скомканные в щепоть узловатые пальцы.

— Здесь есть еще врачи? — нетерпеливо спросил Лыков. — Там пациент — мальчишка — с отрывом... Геморрагический шок. — Внутри него что-то рвалось беззвучно и мягко. — Неужели... нет никого?

Профессор несколько мгновений смотрел молча, потом его взгляд стал тоскливым.

— Вы не врач, — сказал он.

— Я фельдшер. — ответил Лыков. — Фельдшер... — он оглянулся. — Нужен аппарат для переливаний. Инфузионная терапия — срочно. Мне сказали, есть препараты, но я даже кардиамин не нашел. Нужны кровезаменители, хотя бы физраствор.

— Господи, — сказал профессор.

— Эй! — рявкнули над ухом. Лыкова схватили за локоть и развернули. Он уперся взглядом в забрызганный кровью халат. Санитар был огромен, как башня.

— Вы, двое! Надолго консилиум?

— Вы врач?

— Я? Не-е-ет. — Санитар широко ухмыльнулся. — Я — нет. Вы здесь врачи. Причем единственные. Только вам, видать, друг с другом интереснее, а? Треплетесь тут. У-у, п-профессура...

Снова закричал человек — на нескончаемо высокой ноте. Санитар, искривляя рот, досадливо поморщился. Звук запрыгал между полом и потолком — как резиновый мяч. Куча мала у стены вдруг содрогнулась в одно движение, раздался хриплый рыдающий шепот. Господи, помилуй... Господи, помилуй. У Лыкова внезапно заболели уши. Потолок света мгновенная горячая дрожь. Шорох окутал углы. Мелкая пудра текла с потолка. Что-то дребезжащее упало и покатилося, громыхая жестяным нутром.

Санитар оскалился и дернулся куда-то в сторону.

— Медикаменты, — сказал Лыков.

— В коробке, — ответил Санитар. — Я же тебе сказал...

— Там один хлам.

— Там все, что нужно.

— Один хлам, — повторил Лыков. — Аптечка туриста. У всех такие повреждения.

— Ладно. — сказал Санитар. — Что нужно?

— Во-первых, сердечные средства. Кардиамин... — Голова кружилась, сосредоточиться не получалось никак. — Нужны препараты для переливания крови. Полиглюкин — компенсировать кровопотерю. Желатиноль. Вообще, любые крупномолекулярные растворы. Очень срочно и много. Это во-первых... Дальше...

— Хватит, — сказал Санитар.

Лыков споткнулся на полуслове.

— Ничего этого нет. Все, что есть — в коробке.

— Тогда я ничего не смогу сделать.

Санитар смотрел невыразительно.

— Никто ничего не сможет сделать. Без медикаментов, понимаете... Мальчишка умрет.

— Да, — сказал Санитар. — Он уже умер.

Внезапно ударило. Мягко и совершенно беззвучно. Лыков ощутил давление на лицо. Горячий пыльный воздух потек между пальцами, шершаво обволакивая кожу. Все быстрее и быстрее. На голове Санитара вздыбилась тяжелая спутанная прядь. Он что-то говорил — одними губами, омерзительно их искривляя, словно матерясь. Цементная поземка потекла от окна, потом сразу, без перехода сделалась ураганом — летели сквозь проем клочья бумаги, горсти колкого строительного мусора, занозистые щепки стукались о потолок и, крутясь, планировали в угол. Лыков кашлял, закрываясь от ветра ладонями. Это продолжалось всего секунду. Санитар выпростал голову из-под халата и сплюнул — чем-то тяжеловесным, как кусок бетона. Пыль вокруг стояла туманом, в неторопливо оседающих клубах возились согбенные фигуры, люди шевелились, вытряхивая одежду. Лыков с трудом заставил себя пошевелиться. Халат болтался на нем, как тряпка, ни единой пуговицы не осталось, колючие крошки обдирали спину. Словно пригоршню муравьев высыпали за шиворот. Вздыбленная муть за окном вдруг потемнела, как будто выключили лампу. Глубокая, нереальная, вселенская темнота проступила сквозь пылевую взвесь, поглотила ее и, так же пыльно клубясь, потекла в комнату.

— Что происходит? — жалобно спросил Лыков. — Что...

Легкие снова вывернуло кашлем, Лыков согнулся пополам, выдавливая из себя вязкую от цемента мокроту. Звенело в ушах. Санитар, дотянувшись, сгреб его за одежду так, что затрещало под мышками, притянул к себе и, мощно облапив, задышал прямо в лицо:

— Замолчи... Замолчи, понял... Раздолбай ты... долбаный... Никого ни о чем не спрашивай, понял... Ни одного вопроса больше, понял, ты...

— Почему? — спросил Лыков.

— Я тебе сейчас морду набью, — пообещал Санитар.

Он собрал клешню во внушительный кулак и надавил им на лицо, словно предлагая оценить размеры. Жесткая щетина на пальцах больно уколола щеку. Лыков осторожно отстранился.

— Вопросы — это Гнев. Гнев... — он быстро иavorato оглянулся. — Слушай. Запоминай. Я только один раз повторяю. Все вопросы — это говно. Тот, кто спрашивает вопросы — тоже говно. Только один вопрос ты можешь спросить: «Что мне делать?» И я тебе скажу, что делать. Ты здесь в белом халате, так? Значит, ты врач. И дело твое — лечить. Замолчи... — он снова приблизил кулак. — Меня слушай, понял... Мне наплевать, кем ты раньше был. Делом ты занимался или медсестричек тер. Раз ты в белом халате, должен лечить. Вот он... — Санитар ткнул пальцем куда-то сквозь пыльную завесу. — Он в военной форме. Значит, будет стоять у окна и стрелять. Тебя будет защищать. А ты его лечить будешь. Только так...

Он отпустил было, но, словно вспомнив что-то важное, опять ухватил за отвороты халата.

— Неважно, где ты... неважно, что происходит... Важно, что ты делаешь. Делом ты занят или ты говно под ногами. Раз ты в халате здесь появился, значит, есть тебе дело. Будешь его делать — значит, человек ты.

— Да покажи ты ему, — сказал кто-то за спиной.

Санитар осекся и злобно посмотрел за спину Лыкова. И Лыков, перекутившись в узле стиснутого халата, обернулся.

Круглая, как футбольный мяч, голова, начисто лишенная волос, не разобрать, то ли лысая, то ли обритая наголо, облизанная и обшелушенная пыльным сквозняком до такой степени, что приходило на ум именно такое сравнение — футбольный мяч, серая, обшарпанная, но крепкая еще кожа, выдержавшая уже множество ударов и привыкшая к ним, и борозды швов, беспорядочная мешанина шрамов, словно старая спутанная паутина улеглась на череп, иные рубцы — чудовищны, словно плугом по утоптанной пустоши, вспученные коросты по краям, иные уже зажившие, стянутые внутрь, сокрытые мертвым фиолетовым эпителием, небольшая, но, видимо, глубокая рана на темени, зашитая бесхитростными портняжными стежками, крест-накрест, все еще потеющая бесцветной сукровицей. Торчачие в стороны хвостики ниток. Он сидел на корточках, выставив заплатанные колени чуть в стороны и уложив на них запястья — плотные, жилистые и наверх очень сильные. Он весь, хотя и не отличался крепким телосложением, производил впечатление весьма сильного человека. Одежда его, серая, цвета остывшего пепла, состояла сплошь из лохмотьев, впрочем, чистых и аккуратно заштопанных, так, словно бы одежде этой по меньшей мере лет сто и все эти годы ее нещадно рвали, резали, протыкали лезвиями, вонзали в нее зубы и запускали когти. Из-под мышек, не давая опускаться рукам, тускло отблескивала вороненая сталь — два здоровенных армейских пистолета с объемными рифлеными рукоятками.

Круглоголовый поднял глаза и посмотрел в упор, потом, потеряв интерес, отвернулся. Отбросил что-то маленькое — пальцы щелкнули.

— Какого Выбора ты от него хочешь — он же не понимает ничего. Покажи, ткни носом, потом и

спрашивай. А так — ерунда все это... Тянешь козла за вымя.

Санитар напряженно дернул щекой.

— Гнев...

— Гнев — это на прямые вопросы, — сказал Круглоголовый. — Показать можно...

— Откуда ты знаешь?

— От верблюда... Кто-то нервно заржал и тотчас заткнулся. На них смотрели — со всех сторон. Санитар наконец отпустил одежду. — Верблюд, он знаешь какой начитанный...

Круглоголовый легко поднялся, одним мощным хлопком отряхнулся от пыли. Звякнули пистолеты под мышками.

— А вообще — сами решайте. И ты — сам решай. — Он посмотрел на Лыкова и вдруг оскалился. — Тебе ведь и голову разрешили с собой принести, а не только халат.

— Все равно ни видать не хрена. — сказал Санитар. — Ночь же...

Круглоголовый пожал плечами и пошел прочь. Его странная манера передвигаться вдруг напугала до судорог. Сильнее, чем залитый кровью пол или автоматная стрельба. Колени постыдно затрепетали, подламываясь. Лыков с ужасом смотрел вслед Круглоголовому, на напряженно согнутые ноги, на руки, готовно разведенные в стороны, на страшно напружиненные плечи. Это не могло быть походкою человека. Люди так не ходят. Так скорчившись и сжавшись. Словно внутри человеческой одежды, внутри человеческого тела, находилось совершенно непохожее на человека опасное существо, хищное насекомое, вроде саранчи, сотканное сплошь из готовых распрямиться хитиновых пружинок и рычагов, и вялое человеческое тело вынуждено следовать чуждым ломаными движениями. Человеческий футляр, вот на что это было похоже. Лыков смотрел, чувствуя медленное кипение паники внутри. Смотрели все. Санитар жевал воздух колючими губами. Шуршали обрывки бумаги по углам. Звонко расщелкивались стекольные зерна под ногами Круглоголового. Он вышел из круга, очерченного электрическим светом, паукообразная тень его прыгнула на стену и растворилась в кирпичных трещинах.

Слабенький бледный свет, зародившись в окне, за клубился вдруг внутри комнаты, среди не осевшей еще пыли, высветляя стены и оттеняя падающий от лампы конус. Пополз выше и выше, к потолку, светлея, набирая силу, потом вдруг окрасился багровым, высветил низкое облачное небо, и полезло, выпирая горбом из-под обглоданного подоконника страшное, чудовищно распухшее солнце, похожее на кляксу с хвостатыми брызгами по краям. Оно шло и шло, на глазах увеличиваясь в диаметре, пока не заполнило собой все небо, а потом и небо сделалось ему мало, оно набрякло и начало тускнеть, окутываясь тугими облачными разрывами, сизая дымка проступила сквозь него, загустела в центре этого громадного диска хлопьями, словно свернувшееся молоко, и солнце кануло в него, как в лесной пожар.

Было светло, качалась на витом проводе бес-

полезная лампа. Электрический свет был уже неразличим.

— Знак, — сказал кто-то.

Лыков потерял чувство направления.

— Знак ведь...

— Ладно, — громко сказал Санитар, снова хватая за локоть. — Идем.

— Куда опять? — уперся Лыков.

— К окну.

Сквозь оконный проем тянуло горелым. Что-то чадило во дворе — автомобильная крышка? — хвост чернильного жирного дыма упирался в низкое небо. Из расщепленного переплета торчали кинжальные осколки стекла, делая окно похожим на оскаленную пасть. Военные с автоматами обернулись в их сторону. Сверкнули крылатые кокарды на беретах. Значит, все-таки война...

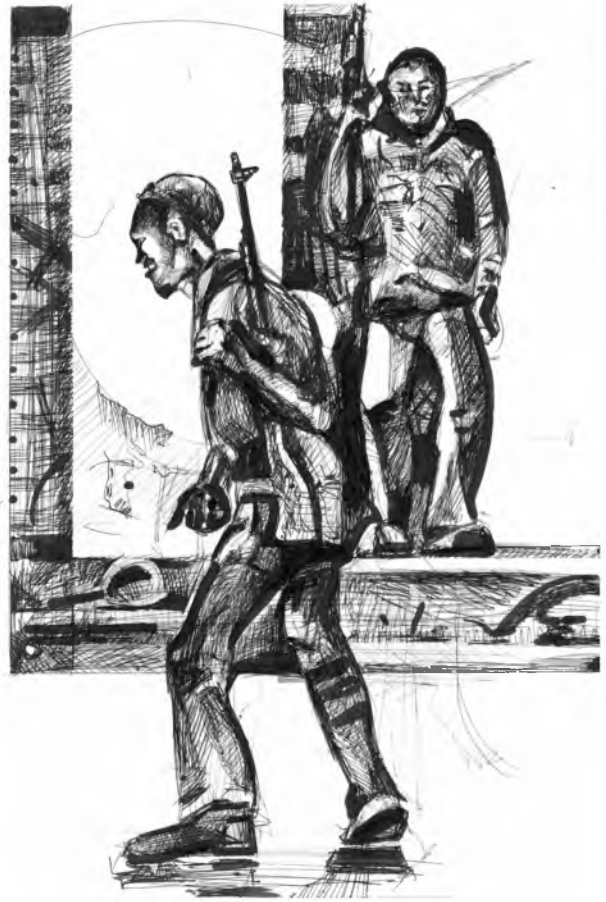
— Пусти, — сказал Санитар парню в камуфляже. — Пусть посмотрит.

Тот кивнул, посторонился, освобождая место у окна.

— Осторожнее. — сказал он Лыкову. — Вон там, чуть левее ЗИЛа.

Он выглянул.

Перед ним была площадь. Рифленый серый бетон. Жесткая ржавая трава пучками торчала меж стыков тротуарных плит. Этой же травой, широколистой и негнущейся, заросли истоптанные газоны, нечесанные космы травы оплетали витые решетки одинокой клумбы. На площади вразброд, как стадо баранов, стояло с десяток автомашин. Две легковушки лежали на боку, остальные были словно изжеванные или изувеченные ударами кувалды... тысячу ударов... Два грузовика стояли, намертво сцепившись бамперами, еще один, самый дальний, догорал. Оранжево-черным пламенем исходили колеса, чернильные хлопья сажи, оседая, пачкали бетон. Такие же огненные язычки, быстрые, остренькие, то и дело высывались из-за решетки моторного отсека. На закопченном капоте, россыпью горного хрусталя, отблескивало крошево ветрового стекла, в пустом проеме обреченно свисали сухожилия уплотнителей, а из задымленной кабины, из самого нутра, торчали ноги в веселых, новеньких кроссовках...

Отсекая кусок площади от остального пространства, вдоль всего здания шел частокол водопроводных труб, наскоро вбитых прямо в стыки бетонных плит, между ними, по-видимому в страшной спешке, была растянута колючая проволока. В самой середине заградительной линии, прогибая трубы до самой земли, под проволокой была навалена целая гряда уродливых бесформенных туш, но что это, Лыков не разобрал, только плотные раздутые горбы и костистые сочления, все это совсем недавно было облито бензином и подожжено — бетон вокруг почернел и растрескался — и над кучей все еще поднимался едкий желтоватый дымок.

А под окном, у самой стены, желтели россыпи стреляных гильз.

(Продолжение в следующем номере)

Тимофей Николайцев родился в 1974 году в Петропавловске Камчатской области. С 1990 года живет в Новосибирске. Образование неоконченное высшее: учился в Новосибирском педагогическом институте. Профессию свою ранее определял как «рабочий путешественник» или «путешествующий рабочий» — кому как больше нравится. Говорит о себе: «Был такой период в его жизни — время романтического зарабатывания денег, с целью не столько заработать, сколько посмотреть на мир». Работает преподавателем, должность — «гражданский инструктор» кафедры ВПС).

Серьезно литературой занимается относительно недавно («ранее был скорее Сочувствующим»). Является соруководителем поэтического клуба. Печатал стихи и прозу в журнале «Сибирские огни», коллективных сборниках.

В «Уральском следопыте» публикуется впервые.

Рубрику представляет сеть аптек «ЗДОРОВЬЕ XXI ВЕК», г. Екатеринбург:

«ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ», Комсомольская, 13, тел. 374-74-75

«СЕМЬЯ И ЗДОРОВЬЕ», Щорса, 92 А корп.1, тел. 220-90-36

«МИР ЗДОРОВЬЯ», Щорса, 96, тел. 220-90-18

«ПРИМА», Белинского, 147, тел. 257-25-63

АПТЕКА «ЗДОРОВЬЕ XXI ВЕК», Мира, 36, тел. 374-79-59

АПТЕЧНЫЙ ПУНКТ «ЗДОРОВЬЕ XXI ВЕК», Мичурина, 231, тел. 254-23-62

Лекарственные растения человек начал использовать в глубокой древности. Многовековой народный опыт позволил отобрать из сотен и тысяч видов растений, обитающих в разных регионах, такие, которые оказывают лечебный эффект в борьбе с самыми разнообразными заболеваниями людей. В арсенале лекарственных средств научной и тем более народной медицины до конца XIX века растения и препараты из них занимали ведущее место, и до сих пор их значение в мировой фармации трудно переоценить. Примерно третью часть всех лечебных препаратов, разрешенных к применению в нашей медицине, производят из растений или с участием веществ растительного происхождения.

При сборе, сушке, хранении и приготовлении из лекарственных растений различных форм лекарственных препаратов необходимо руководствоваться специальной литературой: справочниками, энциклопедиями, различными сборниками, чтобы не ошибиться в определении того или иного лекарственного растения.

Собирать растения для лечебных целей необходимо в сухую и ясную погоду. Траву и цветы надо собирать во время цветения; корни — осенью, в период увядания надземных частей, или ранней весной, когда стебли и листья только начинают отрастать; семена же не раньше полного созревания.

Сушить большинство растений следует в тени или в местах с постоянным проветриванием, есть такие, которые подлежат сушке на солнце, а другие в теплой печи, духовке.

Хранить высушенные растения нужно подвешенными в бумажных кульках или в обертках. Срок годности для травы — в среднем 1–2 года; для корней, плодов и семян — 2–3 года.

Способы приготовления лекарственных форм из лекарственного растительного сырья бывают следующие: отвары, настои, чаи, настойки, сборы.

Рассмотрим одну из групп лекарственных растений, произрастающих в нашем уральском регионе и применяемых при заболеваниях органов дыхания. К ней относятся: мать-и-мачеха, подорожник большой, багульник болотный, тимьян ползучий, сосна обыкновенная, душица обыкновенная и др.

Мать-и-мачеха (1) — многолетнее травянистое растение до 20 см высотой. Встречается на глинистых почвах по берегам рек, ручьев, днищам оврагов, склонам, полям. Лекарственным сырьем являются листья, в которых содержатся: слизь, гликозид-туссилягин, инулин, декетрин, сапонины, аскорбиновая кислота, дубильные вещества и др. Растение обладает противовоспалительным действием, усиливающим секрецию бронхиальных желез, смягчающим, отхаркивающим и потогонным действием. Применяется при заболеваниях дыхательных органов, катаре верхних дыхательных путей, воспалении легких, бронхиальной астме. Готовят отвар: 10–15 г листьев на 200 мл воды; применять по 2–3 ст.ложки 3–4 раза в день.

Подорожник большой (2) — многолетнее травянистое растение 15–30 см высотой с розеткой широких прикорневых листьев. Растет по обочинам дорог, тропинок, на пустырях, на влажных лугах, вблизи жилья. Лекарственным сырьем являются листья, в которых содержатся: гликозид-аукубин, витамины С, А и К, дубильные вещества. Применяется отвар из листьев: 10–15 г листьев на 200 мл, настаивать 15 мин., принимать по 1 ст.ложке 3–4 раза в день как отхаркивающее средство.

Багульник болотный (3) — вечнозеленый кустарник, достигает высоты полутора метров. Растет багульник в тундровой и лесной зонах России. Встречается преимущественно в заболоченных лесах, по сфагновым болотам и торфяникам, иногда образует сплошные обширные заросли. Лекарственным сырьем являются листья и молодые веточки, которые содержат эфирное масло. В медицинской практике применяется настой из травы или листьев багульника (1:10 или 1:5) как отхаркивающее средство при острых и хронических бронхитах, бронхиальной астме.

